

10.335
1983/4

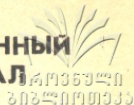
ISSN 0132-1639
საქართველოს
ლიტერატურის
ინსტიტუტი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 7

1983

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

- Речь Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю. В. АНДРОПОВА на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года 3
- Постановление Пленума ЦК КПСС. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии 24

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Эти строки... Стихи. Перевод Ларисы Фоменко 36
- ИВАН ГАГУА. Стихи 38
- МЗИЯ ХЕТАГУРИ. «Придет мой май...». Стихи. Перевод Е. Юдковской, В. Еременко, Г. Глазова, О. Стрижка, Д. Терещенко. Предисловие Джансуга Чарквиани 39
- ОТАР ЧХЕИДЗЕ. Лабиринты ущелья. Роман. Перевод Нодара Тархнишвили. Продолжение 45

7

1983

ЛЕВАН ГОТУА. Два рассказа. Перевод Лианы Татишвили и Динары Кондахсазовой	100
БОРИС КОКРАШВИЛИ. Жаворонок. Эскиз	153

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Тифлис. Год 1926-й	156
СОФЬЯ ШОЛОМОВА. Нить, связующая имена. Лариса Рейснер и Владимир Маяковский	168
Г. БЕБУТОВ. Учитель	183
ШОТА МАНАГАДЗЕ. На Таганке, в Гендриковом переулке	193
ВЛАДИМИР ДЖАПАРИДЗЕ. «...Я вспоминаю их, как счастье». Строки из воспоминаний	200
АПОЛЛОН НУЦУБИДЗЕ. Багдадский лесничий. Со слов старых колхозников	205

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ЛАКОБА

СТАНИСЛАВ ЛАКОБА. «Абхазия была его работой»	212
---	-----

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

ЗУРАБ ДАРСАВЕЛИДЗЕ. Штрихи дружеской привязанности. Николай Тихонов и Владимир Эльснер	217
---	-----

ХРОНИКА	182, 223.
----------------	-----------

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ТОВАРИЩА Ю. В. АНДРОПОВА НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС 15 ИЮНЯ 1983 ГОДА

Товарищи!

Наш Пленум обсуждает один из коренных вопросов деятельности партии, одну из важнейших составных частей коммунистического строительства. К чему сводятся главные задачи партии в идеологической работе в современных условиях?

126.633

Первое. Всю нашу идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу необходимо решительно поднять на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма. Партийные комитеты всех ступеней, каждая партийная организация должны понять, что при всей важности других вопросов, которыми им приходится заниматься (хозяйственных, организационных и иных), идеологическая работа все больше выдвигается на первый план. Мы ясно видим, какой серьезный ущерб приносят изъяны в этой работе, недостаточная зрелость сознания людей, когда она имеет место. И наоборот, мы уже сегодня хорошо чувствуем, насколько возрастают темпы продвижения вперед, когда идеологическая работа становится более эффективной, когда массы лучше понимают политику партии, воспринимая ее как свою собственную, отвечающую кровным интересам народа.

Второе. В нашем распоряжении богатейший арсенал средств просвещения и воспитания. Это и печать, и радио, и телевидение, и устная пропаганда, и огромная сеть учебных заведений различных типов. Обо

К. У.

всем этом немало говорилось и в докладе тов. Черненко, и в прениях. Дело за тем, чтобы более правильно использовать все эти средства, применять более активно, творчески, учитывая, в частности, значительно возросший уровень образованности и запросов советских людей. Здесь нам еще предстоит многому научиться, и главные наши противники на этом пути — формализм, шаблон, робость, а порой и леность мысли. Мы должны также исходить из того, что формирование сознания коммунистов и всех граждан нашего социалистического общества — это дело не только профессионалов — идеологов, пропагандистов, работников средств массовой информации. Это — дело всей партии.

Третье. Вопрос кадров. Все партийные комитеты — в республиках, краях, областях, городах и районах — должны иметь специально подготовленные кадры, способные умело организовать идеологическую работу с различными группами населения — с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, молодежью, и отвечать за эту работу. Это должны быть авторитетные, образованные люди. Надо создать им необходимые условия, заботиться о систематическом повышении их квалификации. А критерий оценки их деятельности должен быть один: уровень политического сознания и трудовой активности масс.

Четвертое. Должен быть обеспечен новый, значительно более высокий уровень идейно-теоретической работы в области общественных и прежде всего экономических наук, работы наших научных учреждений и каждого ученого в отдельности. Необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач.

Пятое. Большую роль должно сыграть изменение стиля работы сети нашего политического просвещения, массовой политической учебы. Нужно прежде всего покончить с формализмом, с механическим, оторванным от жизни заучиванием (или зачитыванием с листа) тех или иных общих положений. Смысл полити-

ческой учебы в том, чтобы каждый глубже понял политику партии в условиях сегодняшнего дня, уметь менять на практике получаемые знания, яснее представлял себе и выполнял на деле свой собственный долг.

Шестое. Во всей воспитательной и пропагандистской работе следует постоянно учитывать особенность переживаемого человечеством исторического периода. А он отмечен небывалым за весь послевоенный период по своей интенсивности и остроте противоборством двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма. Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы. Отсюда понятно, как исключительно важно уметь донести в доходчивой и убедительной форме правду о социалистическом обществе, о его преимуществах, о его мирной политике до широчайших народных масс во всем мире. Не менее важно умело разоблачать лживую, подрывную империалистическую пропаганду. Нам нужна хорошо продуманная единая система контрпропаганды — динамичная и эффективная.

Словом, дел у нас на идеологическом участке много, и надо браться за них, не откладывая.

Но даже самая яркая и интересная пропаганда, самое умелое и умное преподавание, самое талантливое искусство не достигнут цели, если они не наполнены глубокими идеями, тесно связанными с реальностями сегодняшней жизни и указывающими путь дальнейшего движения вперед. В этом смысле исключительно важную роль для идеологической и вообще всей работы партии должна сыграть новая редакция Программы КПСС, которая готовится по решению XXVI съезда.

Действующая ныне Программа партии, как сказано в постановлении съезда, в целом правильно характеризует закономерности мирового общественного развития, цели и основные задачи борьбы партии и советского народа за коммунизм. Ее принципиальные положения подтверждены жизнью. Многие из того, что записано в Программе, уже выполнено. Вместе с тем некоторые ее положения — это надо прямо ска-

зять — не в полной мере выдержали проверку временем, так как в них были элементы отрыва от реальности, забегания вперед, неоправданной детализации. И, конечно, за два десятилетия и в жизни советского общества, в жизни других стран социализма, да и в мировом развитии в целом появилось много важных изменений. Все это требует глубокого теоретического осмысления и должно быть учтено при выработке долгосрочной стратегии партии в области внутренней и внешней политики.

Реалистический анализ существующего положения и ясные ориентиры на будущее, которые увязывают опыт жизни с конечными целями нашей Коммунистической партии, — вот что хотелось бы видеть в новой редакции Программы КПСС. В связи с разработкой второй Программы партии В. И. Ленин говорил: «Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся» (ПСС, т. 36, стр. 55). Так надо действовать и нам, товарищи.

Для правильного понимания перспектив — и в экономике, и в политике, и в идеологии — нужно прежде всего ясно представлять себе характер того этапа общественного развития, на котором мы сейчас находимся. Партия определила его как этап развитого социализма. Это общество, где уже полностью созданы экономическая база, социальная структура, политическая система, соответствующие социалистическим принципам, где социализм развивается, как принято говорить, на своей собственной, коллективистской основе.

Но все это, конечно, не означает, что созданное у нас общество можно считать совершенным. В нем еще много объективно обусловленных трудностей, естественных для нынешнего уровня развития. Немало есть и недостатков, вызванных субъективными причинами, не всегда умелой и организованной работой людей. И Программа партии в современных условиях должна быть прежде всего программой планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма, а значит, и дальнейшего продвижения к коммунизму. Текст Программы, видимо, должен содержать обстоя-

тельную характеристику периода развитого социализма.

Хорошо известно, что облик каждого общества определяется в конечном счете уровнем развития его производительных сил, характером и состоянием производственных отношений. Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, и ее нам, как говорится, не объехать и не обойти. В тесной взаимосвязи с этим должны происходить и изменения в сознании людей, во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой.

В сфере экономической ключевая задача — **кардинальное повышение производительности труда**. Мы должны стремиться достичь в этом плане высшего мирового уровня. Ведь недаром Ленин считал это в последнем счете самым важным, самым главным для победы нового общественного строя (ПСС, т. 39, стр. 21). Сейчас, в условиях научно-технической революции, эта задача приобрела особое значение — как для нашего внутреннего строительства, так и в международном плане.

По какому пути пойдет в обозримом будущем развитие производительных сил нашей страны?

Ближайшая цель ясна: прежде всего надо навести порядок в том, что у нас имеется, обеспечить наиболее разумное использование производственного и научно-технического потенциала страны, в том числе преодолеть отставание таких отраслей, как сельское хозяйство, транспорт, сфера услуг. В докладе и прениях говорилось о той борьбе за укрепление дисциплины и порядка, повышение организованности и ответственности, которая развернулась в стране по инициативе партии. Хочу подчеркнуть, товарищи: обеспечить хорошо отлаженную, бесперебойную работу всего хозяйственного механизма — это и потребность сегодняшнего дня, и программная задача на будущее. Это состав-

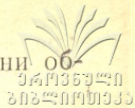
ная часть общего процесса совершенствования нашего общественного строя.

Главный путь к качественному сдвигу в производительных силах — это, конечно, переход к интенсивному развитию, соединение на деле преимуществ нашего социалистического строя с достижениями научно-технической революции. Причем ее самого последнего этапа, который сулит технологический переворот во многих сферах производства. Думаю, все согласится, что это направление деятельности партии и народа должно быть достойным образом отражено в новой редакции Программы партии.

Решающее значение приобретает ныне единая научно-техническая политика. Нас ждет огромная работа по созданию машин, механизмов и технологий как сегодняшнего, так и завтрашнего дня. Предстоит осуществить автоматизацию производства, обеспечить широчайшее применение компьютеров и роботов, внедрение гибкой технологии, позволяющей быстро и эффективно перестраивать производство на изготовление новой продукции. Будущее нашей энергетики — это прежде всего использование новейших атомных реакторов, а в перспективе и практическое решение проблемы управляемого термоядерного синтеза. На повестке дня и такие задачи, как получение материалов с заранее заданными свойствами, развитие биотехнологии, широкое применение в промышленности безотходных и энергосберегающих технологий. Все это приведет к подлинной революции в нашем народном хозяйстве.

К сожалению, товарищи, как раз с внедрением в практику достижений науки и техники у нас, как вы знаете, дело обстоит еще плохо. Хозяйственник, который пошел на «риск» и ввел на предприятии новую технологию, применил или произвел новое оборудование, нередко остается в проигрыше, а тот, кто чурается новшеств, ничего не теряет. Разработать такую систему организационных, экономических и моральных мер, которая заинтересовывала бы в обновлении техники и руководителей, и рабочих, и, конечно, ученых и конструкторов, сделала бы невыгодной работу по старинке, — вот в чем задача. Над этим сейчас работают Госплан, Академия наук, Госкомитет по науке и технике.

Надо только делать это побыстрее, потеря времени об-
ходится стране дорого.

И уж конечно, для повышения эффективности производства необходимо резко сократить использование ручного труда, прежде всего путем комплексной механизации. Радикально изменит положение в области производительности труда широкое применение роботов, особенно на тех участках производства, где сейчас еще используется ручной, тяжелый физический, мало-квалифицированный и монотонный труд. Это даст возможность сотням тысяч людей работать в других, более благоприятных условиях, получать большее удовлетворение от своего труда. А это принципиально важно, товарищи. Это приблизит решение одной из основных задач коммунистического строительства — задачи преодоления существенных различий между физическим и умственным трудом.

Вообще главная производительная сила — это, конечно, человек, его трудовая деятельность. Тут я имею в виду не только сознательную дисциплину, творческое отношение к труду, но и четкую, умелую организацию труда людей и его оплаты.

Таким образом, здесь мы подходим к вопросу совершенствования производственных отношений. Их основа — общественная собственность на средства производства. У нас она имеет, как известно, двойную форму: собственность государственная и колхозно-кооперативная. Перспективу мы видим в слиянии этих двух форм в единую, общенародную. Разумеется, не путем механического преобразования колхозов в совхозы. Практика показывает, что есть иные пути, — например, агропромышленная интеграция, развитие межколхозных и колхозно-совхозных объединений. Программа должна глубоко и четко осветить всю эту проблему.

Еще один важный момент. Мы не можем забывать о том, что живем в **социалистическом** обществе, развитие которого должно регулироваться коренными принципами социализма, в том числе, конечно, принципом **распределения по труду**. У нас все имеют равные права и равные обязанности перед обществом. Полное же равенство в смысле одинакового пользования материальными благами будет возможно лишь

при коммунизме. Но до этого еще предстоит пройти долгий путь. Тут требуется гораздо более высокий уровень и экономики, и сознания людей. А сегодня, если не считать определенной части общественных фондов потребления, каждый гражданин у нас имеет право лишь на такие материальные блага, которые соответствуют количеству и качеству его общественно полезного труда. Только на это. И тут важны строгий учет и строгое соблюдение этого принципа.

Совершенствование производственных отношений требует также коренного улучшения планирования и управления. У нас сформирован единый народнохозяйственный комплекс страны, накоплен определенный опыт комплексного планирования по регионам и по узловым проблемам экономики. Последние примеры этого — Продовольственная программа и Энергетическая программа — крупнейший документ перспективного значения, своего рода ГОЭЛРО в современных условиях. Реализация этих программ потребует огромной работы партии, государства и всего народа. Но хорошо известны и недостатки в нашем планировании: неоправданное распыление ресурсов, несбалансированность планов, разрыв между товарной массой и доходами населения. Устранить такие явления — задача и хозяйственная, и политическая.

Развитие производственных отношений предъявляет сегодня новые требования и к организации социалистического соревнования. Сейчас одна из основных его форм — соревнование за перевыполнение производственных планов, причем главным образом по количественным показателям. Во многих случаях это по-прежнему оправданно, — особенно в добывающей промышленности. Думается, однако, что стоило бы сосредоточить теперь главное внимание на таких целях соревнования, как повышение качества продукции, улучшение использования производственных мощностей, сырья, энергии, рабочего времени. И, конечно, разумная экономия, экономия на всем — от тонны металла до килограмма хлеба.

Вообще надо сказать, что формы соцсоревнования, как и других общественных инициатив и массовых движений, не есть что-то застывшее, раз навсегда данное.

Они меняются в зависимости от уровня материальной и духовной зрелости общества. И обязанность партии — вовремя замечать, поддерживать и распространять все полезные, животворные начинания.

Товарищи! На XXVI съезде мы четко заявили о необходимости обеспечить тесную связь экономической и социальной политики. Это и понятно: ведь конечной целью наших усилий в хозяйственной сфере является улучшение условий жизни людей.

Нам надо научиться, вырабатывая наши хозяйственные планы, всесторонне учитывать и отражать в них важнейшие факторы развития общества — социальные, национальные, демографические. Это должна быть единая политика партии, единая стратегия общественного развития.

У нас четко используется формула «повышение уровня жизни». Но ее порой трактуют упрощенно, имея в виду лишь рост доходов населения и производство предметов потребления. В действительности понятие уровня жизни гораздо шире и богаче. Тут и постоянный рост сознательности и культуры людей, включая культуру быта, поведения, и то, что я бы назвал культурой разумного потребления. Тут и образцовый общественный порядок, и здоровое, рациональное питание, тут и высокое качество обслуживания населения (с чем у нас, как известно, еще далеко не все благополучно). Тут и полноценное с нравственно-эстетической точки зрения использование свободного времени. Словом, все то, что в совокупности достойно именоваться социалистической цивилизованностью.

Огромный сдвиг произошел у нас в деле улучшения жилищных условий населения. И все же жилищная проблема остается острой для многих. Эту проблему мы в недалеком будущем в основном решим, каждая семья будет иметь отдельную квартиру. Но надо обеспечить, чтобы распределение квартир, как и других благ, было справедливым, учитывало, в частности, как человек работает. Возможно, имеет смысл предусмотреть также более широкое развитие кооперативных начал и привлечения средств предприятий в строительстве, — причем не одних жилых домов, но, скажем, пансионатов, домов для престарелых, где это

можно и нужно. Это не только будет полезно в экономическом плане, но и поможет воспитывать в людях чувство коллективизма, чувство прямой сопричастности к решению общественных дел.

Мало усовершенствовать систему денежного вознаграждения за труд, надо еще производить необходимое количество товаров, пользующихся спросом. Причем эталоны качества должны быть взяты без всяких скидок, самые высшие. А то сейчас положение порой бывает просто обидным: исходные материалы хорошие, а продукция такая, что люди предпочитают переплачивать спекулянту за хорошо, со вкусом сделанные товары. Дело надо исправлять, и исправлять не откладывая.

Особенно необходимо наладить бесперебойное снабжение населения высококачественными продуктами питания, причем так, чтобы достигнуть максимально возможной самообеспеченности в этом отношении. На решение этой проблемы нацелена наша Продовольственная программа.

Все большее место в социальной политике партии будут, несомненно, занимать вопросы здравоохранения. Демократический характер нашей первой в мире системы бесплатного здравоохранения общеизвестен. Однако ее качественный уровень еще далеко не всегда соответствует требованиям развитого социализма. Это не раз отмечалось за последние годы в решениях партии. Но, чтобы их выполнить, нужны немалые усилия. Особого внимания заслуживают предупреждение заболеваний, и как один из путей к этому, — введение ежегодной диспансеризации всего населения. Ведь речь идет о здоровье людей, то есть о деле архиважном как в социальном, так и в экономическом плане.

Решение всех этих крупных задач в области внутренней политики партии будет означать заметное продвижение к социальной однородности общества. Эта великая цель, которую наметили в теории, о которой мечтали несколько поколений коммунистов, стала для нас сегодня вопросом непосредственной практики. Жизнь подсказывает, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном, судя по всему, произойдет уже на этапе зрелого социа-

лизма. Этот вывод XXVI съезда КПСС, очевидно, будет отражен в новой редакции Программы партии.

Партия исходит из того, что предстоящие годы десятилетия принесут с собой значительные изменения также в политической и идеологической надстройке, в духовной жизни общества.

Скажу прежде всего о развитии нашей политической системы, о совершенствовании советской государственности, расширении социалистической демократии.

Многие установки на этот счет, содержащиеся в действующей Программе партии, уже реализованы, особенно после принятия новой Конституции СССР. Заметно окрепли связи депутатов и Советов в целом с населением. Прочно вошло в практику всенародное обсуждение важнейших законопроектов. Возросла роль народного контроля. Повышается активность профсоюзов, охвативших теперь практически всех трудящихся и в городе, и в деревне.

Словом, сделано немало. Но, конечно, не все, что следует и что можно сделать.

Взять, например, порядок принятия решений по крупным вопросам государственной и общественной жизни. Есть возможности его дальнейшей демократизации. Я имею в виду все более широкое обсуждение проектов таких решений в трудовых коллективах; обязательный учет в соответствующих случаях заключений профсоюзов, комсомола, женских организаций; максимально внимательный подход к предложениям трудящихся.

А разве не помогут приблизить деятельность партийных и государственных органов к нуждам и интересам народа большая гласность в работе, регулярная отчетность руководящих работников перед населением?

В Программе партии зафиксирована задача сокращения и упрощения управленческого аппарата. Думаю, что ее следует по-прежнему считать актуальной. Это и практический, и принципиальный политический вопрос, его остро ставил еще Ленин. У нас кое-что делается в этом направлении, но недостаточно. Убежден, товарищи, что можно без вреда для дела значительно сократить штаты многих учреждений и организаций.

Освободившиеся люди всегда найдут себе применение там, где у нас нехватка кадров.

Конечно, в новой редакции Программы партии значительное место должна занять тема дальнейшего развития демократических начал в управлении производством. Завтра на сессии Верховного Совета СССР будет рассмотрен проект первого в истории нашего государства Закона о трудовых коллективах. Это акт большого политического значения. Правильно и хорошо, что Закон принимается после обстоятельного, подлинно всенародного обсуждения. И очень важно, чтобы он в полной мере проводился в жизнь.

Нормальный ход нашего общественного развития немыслим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих интересы общества и права граждан. Необходимо, в частности, полностью покончить с таким явлением, как случаи использования государственного, общественного имущества и служебного положения в целях личного обогащения. Ведь если вдуматься, это не что иное, как подрыв самой сути нашего строя. Здесь закон должен быть непримиримым, а его применение — неотвратимым. Защита интересов народа — это одна из основ нашей социалистической демократии.

И еще об одном, товарищи. Мы должны объявить настоящую войну такой практике, когда наши демократические нормы и установления не подкрепляются делами, когда довольствуются лишь формой, видимостью дела. Велика ли польза, скажем, от собрания, если оно, как это нередко бывает, происходит в основном по подготовленному сценарию, если нет заинтересованного, откровенного обсуждения, выступления участников заранее редактируются, а инициатива и тем более критика причисываются и приглушаются? И много ли строит работа профорганизации, которая не осмеливается поднять голос в защиту интересов трудящихся, против тех или иных непорядков на производстве? Или деятельность народных контролеров, если к сигналам не прислушиваются, не принимают необходимых мер?

Исключительно важно добиться, чтобы слова никогда не расходились с делом, а суть дела не подменялась формой. Это, если хотите, один из важнейших

резервов совершенствования нашей социалистической демократии во всех звеньях государственной и общественной жизни.

Что касается более далекой перспективы, то мы, коммунисты, видим ее в постепенном перерастании советской государственности в общественное самоуправление. И произойдет это, как мы считаем, путем дальнейшего развития общенародного государства, более широкого вовлечения масс в управление делами общества.

Очевидно, процесс этот будет происходить не сам по себе и не просто по чьей-то доброй воле. Он обусловлен и материальными возможностями общества, и уровнем политического сознания и культуры масс. Это очень важно понимать и помнить. Не придумывать абстрактно дальнейшие пути и формы развертывания демократии, а идти от жизни. В этом гарантия реальности наших программных установок.

Разумеется, товарищи, в новой редакции Программы КПСС займут соответствующее место вопросы национальной политики партии. Мне уже приходилось отмечать, что совершенствование развитого социализма обязательно должно включать продуманную, научно обоснованную национальную политику. В основе ее — принципы, завещанные нам Лениным: полное равноправие всех наций и народностей страны, свободное их развитие в рамках братского союза и неуклонный курс на их сближение. Осуществление этой политики требует и будет требовать впредь последовательного воспитания всех советских людей в духе социалистического интернационализма, глубокого сознания общности интересов всех народов Советского Союза.

Товарищи! Совершенствование развитого социализма немислимо без большой работы по духовному развитию людей.

Как здесь правильно говорили, формирование человека начинается с первых лет его жизни. О работе нашей школы и других учебных заведений немало говорилось в ходе Пленума. Мне хотелось бы подчеркнуть одно: партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социа-

листического общества, активный строитель социализма, с присущими ему идейными установками, идеалами и интересами, высокой культурой труда и поведения.

Хорошее средство воспитания — соединение обучения с производительным трудом. Надо твердо проводить курс на то, чтобы прививать школьнику привычку и любовь к полезному труду. Это может быть труд физический или умственный, но обязательно настоящий труд — производительный, нужный обществу.

Труд содействует и физическому развитию. А с этим у нас не все благополучно. Я имею в виду не только уроки физкультуры и занятия спортом, но и приобретение какого-то минимума знаний в области гигиены и медицинской помощи. Надо, чтобы человек смолоду знал свой организм и умел поддерживать его в порядке.

А где, как не в школе, может человек получить начала эстетического воспитания, на всю жизнь приобрести чувство прекрасного, умение понимать и ценить произведения искусства, приобщаться к художественному творчеству?

Конечно, решение всех этих задач потребует немалых усилий и времени. Придется, помимо всего прочего, улучшить отбор и подготовку педагогических кадров с учетом современных требований.

Мы здесь, в президиуме, обменялись мнениями вот о чем. Видимо, возникает необходимость серьезно подумать о реформе нашей школы, включая и систему профессионально-технического обучения.

Товарищи! Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок.

Наука, к сожалению, еще не подсказала практике нужные, отвечающие принципам и условиям развитого социализма решения ряда важных проблем. Что я

имею в виду? Ну, прежде всего выбор наиболее надежных путей повышения эффективности производства, качества продукции, принципы научно обоснованного ценообразования. И не только это. Жизнь постоянно выдвигает все новые и новые проблемы, с которыми связано движение нашего общества вперед. Тем более, что теперь имеется и опыт социалистического развития ряда других стран, который требует внимательного изучения, оценки и обобщения. Словом, на роль общественных наук в современных условиях обязательно надо обратить внимание в новой редакции Программы КПСС.

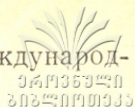
В действующей Программе неплохо сказано о значении литературы и искусства в нашем социалистическом обществе. Вместе с тем некоторые положения на этот счет нуждаются, пожалуй, в дополнительном развитии.

Партия поддерживает все, что обогащает науку, культуру, помогает воспитанию трудящихся в духе норм и принципов развитого социализма. Она бережно, уважительно относится к талантам, к творческому поиску художника, не вмешиваясь в формы и стиль его работы. Но партия не может быть безразличной к идейному содержанию искусства. Она всегда будет направлять развитие искусства так, чтобы оно служило интересам народа. Речь, конечно, идет не об администрировании. Главным методом влияния на художественное творчество должна быть марксистско-ленинская критика, активная, чуткая, внимательная и вместе с тем непримиримая к идейно чуждым и профессионально слабым произведениям.

Все мы видим, как по мере роста культурного уровня народа усиливается воздействие искусства на умы людей. Тем самым растут и возможности его активного вмешательства в общественную жизнь. А значит, в огромной мере увеличивается ответственность деятелей искусства за то, чтобы находящееся в их руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма.

Товарищи! Опыт мирового развития за последнюю четверть века диктует необходимость доработки мно-

гих положений Программы, касающихся международных проблем.

Существенно изменилось соотношение сил на мировой арене. Произошло небывалое обострение борьбы двух мировых общественных систем. Между тем попытка решить исторический спор между этими системами путем военного столкновения была бы гибельной для человечества. Характер дальнейшего развития взаимоотношений между ними, то есть, по сути, вопрос сохранения мира на земле, — это и сегодня, и в обозримом будущем стержневая проблема внешней политики нашей партии.

И не только нашей партии. Нависшая над миром угроза ядерной войны побуждает по-новому оценить основной смысл деятельности всего коммунистического движения, коммунисты всегда были борцами против угнетения и эксплуатации человека человеком, а сегодня они борются и за сохранение человеческой цивилизации, за право человека на жизнь. Нельзя не отразить этого и в Программе.

Громадного значения фактором в деле обеспечения прочного мира на земле являются в наше время страны социализма, их политика. Укрепление сотрудничества и сплоченности этих стран есть, я бы сказал, первейшее направление международной деятельности КПСС и Советского государства.

В Программе КПСС сказано о новом типе отношений, возникших между социалистическими странами. Но последние два десятилетия обогатили наши представления о мире социализма, нагляднее показали, как он разнообразен и сложен. Между отдельными социалистическими странами есть большие различия в экономике, культуре, в путях и методах решения задач социалистического развития. Это естественно, даже если нам когда-то и казалось, что оно будет более единообразным.

История мирового социализма подтверждает, что социалистический строй создает все возможности для уверенного прогресса общества и гармоничных взаимоотношений между странами. Мы видим немало примеров того, как эти возможности реализуются на основе принципов социалистического интернационализма, кото-

рые включают в себя как безусловное уважение суверенных прав каждой страны, так и взаимную товарищескую поддержку, взаимную помощь. Но, как показывает опыт, все это само собой не приходит. Чтобы возможности были претворены в жизнь, необходима правильная политическая линия.

За ошибки в политике приходится расплачиваться. Когда ослабевает руководящая роль компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформистскому пути развития. Теряется связь партии с народом — и в возникшем вакууме появляются самозванные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся. Нет отпора националистическим настроениям — и возникают межгосударственные конфликты, для которых, казалось бы, и базы-то нет в социалистическом мире.

И особенно важно, конечно, чтобы имеющиеся различия не мешали развитию сотрудничества. Обеспечить это — святая обязанность коммунистов, правящих коммунистических партий. В конце концов то, что нас может разделять, неизмеримо меньше того, что есть у нас общего как у строителей нового общества.

Мы за дружбу со всеми странами социализма. Что касается наших ближайших друзей и союзников — стран социалистического содружества, то у нас общее мнение: жизнь требует не просто расширения сотрудничества, но и повышения его качества, эффективности.

Это означает, во-первых, дальнейшее совершенствование политического взаимодействия, важнейшим инструментом которого служит Организация Варшавского Договора. Мы представляем себе дело так, что в этой сфере наше сотрудничество будет все более тесным. Оно, конечно, и впредь будет развиваться с учетом особенностей положения, а также специфических интересов отдельных государств. Вместе с тем совместно определяемый общий курс будет все более прочным сплавом мнений и позиций братских стран.

Мы стремимся, во-вторых, к качественно новому уровню экономической интеграции. Без нее уже сегодня невозможно представить себе жизнь стран социалистического содружества. В перспективе же интегра-

ция станет все более глубокой, всеохватывающей и эффективной, надежно обеспечивая укрепление национальных экономик стран-участниц. На это направлены наши совместные усилия.

Наконец, в сфере духовной жизни мы предвидим дальнейшее идейное сближение братских народов, укрепление чувства единства, общности исторических судеб, расширение обмена ценностями культуры.

Разумеется, все это — процессы длительного характера. Они идут уже сегодня, но в еще большей мере будут сказываться завтра, в грядущие десятилетия. И мы убеждены, что чем выше и чем ближе друг к другу будут уровни общественного развития стран социализма, тем больше будет между ними взаимопонимания, тем органичнее, богаче и глубже будет их сотрудничество.

Объективный научный анализ существа разногласий, когда они возникают по тем или иным вопросам между отдельными странами социализма, а также между некоторыми братскими партиями в мировом движении, и поиск путей их преодоления на марксистско-ленинской основе, путей укрепления сплоченности коммунистов — это, безусловно, одна из важных задач партии в международном плане. Программа не может обойти ее, если мы хотим оставаться на почве реальности.

Одна из коренных черт современного мира, которая должна найти отражение в новой редакции Программы, — это растущая роль стран Азии, Африки, Латинской Америки, освободившихся от колониальной или полуколониальной зависимости. Процессы, которые в них происходят, сложны и неоднозначны, и важно их правильно понимать.

В некоторых из этих стран утвердился капиталистический строй. Но и их объективным интересам противоречит агрессивная политика господства и диктата, проводимая империалистическими державами. Стремясь к преодолению экономической отсталости, эти страны нуждаются в равноправном международном сотрудничестве, в прочном мире. Многие из них видят в связях со странами социализма средство укрепления своей независимости. Естественно, что мы и впредь

УДК 62-100
СНБ-111033

будем проводить курс на взаимовыгодное сотрудничество с этими государствами при полном уважении их суверенитета и невмешательстве в их дела.

Наиболее близки нам в бывшем колониальном мире страны, избравшие социалистическую ориентацию. Нас с ними объединяют не только общие антиимпериалистические, миролюбивые цели во внешней политике, но и общие идеалы социальной справедливости и прогресса. Мы видим, конечно, и сложность их положения, трудности их революционного развития. Ведь одно дело — провозгласить социализм как цель, а другое — строить его. Для этого нужен определенный уровень производительных сил, культуры и общественного сознания. Социалистические страны солидарны с этими прогрессивными государствами, оказывают им помощь в сфере политики, культуры, содействуют укреплению их обороны. Помогаем мы в меру своих возможностей и их экономическому развитию. Но в основном оно, как и весь общественный прогресс этих стран, может, конечно, быть лишь результатом труда их народов, правильной политики их руководства.

Что касается мира капитализма, то мы являемся свидетелями значительного углубления всеобщего кризиса этой общественной системы. Все более теряют эффективность методы, с помощью которых капитализму удавалось поддерживать относительную стабильность своего развития в послевоенный период. Все яснее становится: империализм неспособен справиться с социальными последствиями небывалой по глубине и масштабам научно-технической революции, когда миллионы и миллионы трудящихся обрекаются на безработицу, на нищету.

Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах. Это глубоко, но по-разному сказывается на политике капиталистических стран.

С одной стороны, как уже говорилось, резко увеличилась агрессивность ультрареакционных сил во главе с империализмом США. Предпринимаются попытки любой ценой повернуть развитие вспять. Конечно, такая политика не принесет империалистам успеха, но своим авантюризмом она крайне опасна для чело-

вечества. Поэтому она встречает мощное противодействие народов, которое, несомненно, будет возрастать.

Однако в сегодняшнем капиталистическом мире есть и другие тенденции, другие политики, более реалистически учитывающие положение на международной арене. Они понимают, что в мире произошли уже необратимые процессы, понимают необходимость и обоюдную выгодность длительного мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы, со своей стороны, не раз говорили и повторяем, что к этому готовы. Мы убеждены, что это отвечает интересам народов по обе стороны социальной баррикады, разделяющей мир. Ведь есть немало крупных проблем, которые касаются всех стран мира и значение которых все возрастает. Например, сохранение природы на нашей планете, овладение новыми источниками энергии, освоение космоса, ресурсов Мирового океана.

Коммунисты убеждены, что будущее за социализмом. Таков ход истории. Но это вовсе не означает, что мы собираемся заниматься «экспортом революции», вмешательством в дела других стран. «Экспорт революции» вообще невозможен. Социализм вырастает только на почве объективных потребностей общественного развития каждой данной страны. Мы твердо верим, что социализм в конечном счете докажет свои преимущества именно в условиях мирного соревнования с капитализмом. И мы вовсе не сторонники соревнования в военной области, которое навязывает нам империализм.

Мирному сосуществованию объективно способствует военно-стратегическое равновесие между социализмом и империализмом. Достижение этого равновесия — один из важнейших итогов последних десятилетий. Оно потребовало от нашего народа и народов других стран социалистического содружества немалых сил и средств, и мы не позволим его сломать. Мы и впредь будем делать все необходимое для обеспечения безопасности своей страны, наших друзей и союзников, будем повышать боевую мощь Советских Вооруженных Сил — могучего фактора сдерживания агрессивных устремлений империалистической реакции. Но если бы удалось снизить уровень вооружений и военных расходов с

обеих сторон, приступить к разоружению, к чему мы активно стремимся, то это было бы великим благом для всех стран и народов.

Наша цель — не просто предотвращение войн. Мы стремимся к коренному оздоровлению международных отношений, упрочению и развитию всех добрых начал в этих отношениях. Мы будем добиваться уважения суверенных прав государств и народов, строгого соблюдения принципов международного права, которые империализм все чаще пытается отбросить, растоптать.

Короче говоря, в нашу эпоху именно социализм выступает как самый последовательный защитник здоровых начал в международных отношениях, защитник интересов разрядки и мира, интересов каждого народа, всего человечества. Обо всем этом, видимо, надо ясно сказать в новой редакции Программы КПСС.

Товарищи! Решение огромных задач, стоящих перед страной, потребует дальнейшего повышения руководящей роли партии. Поэтому партия должна постоянно совершенствовать формы и методы своей собственной работы. На этот счет в Программе КПСС есть ряд положений, которые еще нуждаются в претворении в жизнь. Возникают и новые вопросы.

Очень важно, например, обеспечивать на деле правильное распределение функций органов партии и государства. Не раз говорилось, что партийные органы не должны дублировать государственные, но не всегда этого удается избежать. В итоге это нередко приводит к снижению ответственности руководителей государственных органов, к стремлению переложить ее на органы партийные, а у последних невольно порождает элементы ведомственного подхода к делу.

Большой резерв партии — дальнейшее развитие внутрипартийной демократии, повышение творческой активности, инициативы и ответственности коммунистов. Чем смелее и конкретнее будут выступать коммунисты, обсуждая насущные вопросы жизни партии и страны, чем активнее будут принимать участие в выполнении принятых решений, тем успешнее сможет выполнять наша партия свою историческую миссию.

Новая редакция партийной Программы призвана помочь нам всем сконцентрировать силы на решении

ключевых задач, стоящих перед партией и народом. Если мы хорошо справимся с ними, это будет ^{новый} громадный шаг в развитии страны, в улучшении ^{жизни} жизни народа. И тогда наш социалистический строй еще убедительнее продемонстрирует всему миру свои преимущества, свою притягательную силу.

Важно не только наметить ясные, продуманные ориентиры на будущее, но и довести их до сознания миллионов коммунистов и беспартийных, чтобы они активно включились в предстоящую работу. Это как раз и есть одна из главных задач бойцов идеологического фронта. Идеологическая, воспитательная работа есть прежде всего вопрос связи партии с массами. В этом ее значение. И настоящий Пленум окажет, я уверен, значительную помощь партии во всех ее делах.

(Речь была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами).

Постановление Пленума ЦК КПСС

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПАРТИИ

Заслушав и обсудив доклад члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко, Пленум ЦК КПСС отмечает, что идейно-политическая обстановка в стране характеризуется дальнейшим сплочением советских людей вокруг Коммунистической партии Советского Союза, ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с Юрием Владимировичем Андроповым. Трудящиеся нашей страны единодушно поддерживают внутреннюю и внешнюю политику КПСС, курс партии на интенсификацию производства, подъем материального благосостояния и культуры народа, углубление социалистической демократии, упрочение основ советского образа жизни, сохранение мира, предотвращение термо-

16.09.59 20
510-111033

ядерной войны. Они конкретными делами отвечают на призыв партии всемерно укреплять дисциплину и порядок, работать более организованно и эффективно, успешно выполнять решения XXVI съезда КПСС, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК.

Советское общество вступило в такой этап, когда назрели глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. В тесной взаимосвязи с этим должны происходить и изменения в сознании людей, во всей надстройке общества. Усилия партии и народа концентрируются на задачах планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма, реализация которых прямо зависит от уровня сознательности и активности трудящихся. Идеологическая работа все больше выдвигается на первый план, возрастают ее роль и значение. При решении новых задач, учил В. И. Ленин, «с политической точки зрения подготовка именно масс есть самое важное».

Следует также иметь в виду, что на международной арене происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений. Исторические достижения реального социализма, рост авторитета и влияния мирового коммунистического и рабочего движения, прогрессивное развитие стран, сбросивших ярмо колониального гнета, подъем национально-освободительной борьбы, огромный размах антивоенного движения все более глубоко воздействуют на сознание народов во всем мире. Империалистическая реакция, прежде всего правящая верхушка США, вынашивая бредовые планы мирового господства, своей агрессивной политикой подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы. Против Советского Союза, стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам и огульности психологическая война. Не гнушаясь ложью и клеветой, буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии.

Пленум положительно оценивает работу по улучшению дела воспитания и пропаганды, проведенную партийными организациями в соответствии с решениями XXVI съезда

КПСС, постановлением ЦК от 26 апреля 1979 г. Вместе с тем Пленум отмечает, что серьезные недостатки в этой сфере устранены не полностью, не все партийные комитеты проявляют к ней должное внимание. Еще дают себя знать такие нетерпимые явления, как отрыв от потребностей практики, формализм и парадность. Дальнейшее совершенствование идеологической деятельности, повышение ее результативности — одна из важнейших задач партии.

I

Центральный Комитет КПСС единодушно одобряет программные положения и выводы, содержащиеся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова на Пленуме, и считает, что они должны быть положены в основу всей деятельности партийных организаций.

Идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу необходимо решительно поднять на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма. Массово-политическая работа призвана крепить единство партии и народа, повышать коммунистическую убежденность, политическую активность трудящихся, развивать их творческую энергию. Формирование сознания коммунистов и всех членов нашего социалистического общества — задача не только идеологических работников. Это — дело всей партии.

Для повышения действенности идеологической работы у нас есть все необходимое. Это реальные завоевания социализма, имеющие всемирно-историческое значение, это наше великое революционное учение, сложившаяся система и накопленный опыт коммунистического воспитания, мощный информационно-пропагандистский аппарат, квалифицированные, преданные делу партии идеологические кадры. Следует более эффективно использовать богатый арсенал средств просвещения и воспитания, применять их более активно, творчески, учитывая, в частности, значительно возросший уровень образованности и запросов советских людей. Необходимо последовательно строить идейно-воспитательную работу на прочном фундаменте социально-экономической политики партии. Она должна быть наполнена глубокими идеями, тесно связанными с реальностями сегодняшней жизни и указывающими путь дальнейшего движения вперед.

Сила идейно-воспитательной работы, как и политическая партия в целом, — в ее научной обоснованности, в опоре на самую передовую, постоянно развивающуюся марксистско-ленинскую теорию. Коллективная мысль КПСС обогатила научный коммунизм учением о развитом социализме. Партия определила, что советское общество находится в начале этого исторически длительного этапа, раскрыла реальную динамику его развития. Это требует активизировать научный поиск, обеспечить решительный поворот научных учреждений, всех ученых-обществоведов к ключевым практическим задачам, стоящим перед страной.

Партия и государство ждут от экономистов, философов, историков, социологов, психологов, правоведов разработок надежных путей повышения эффективности производства, исследований закономерностей становления бесклассовой структуры общества, интернационализации социальной жизни, развития социалистического народовластия, общественного сознания, проблем коммунистического воспитания. Особенно актуальны такие вопросы, как стимулирование научно-технического прогресса, улучшение системы управления и планирования, обеспечение приоритета общенародных, государственных интересов, совершенствование распределительных отношений, принципы научно обоснованного ценообразования и т. д. Надо шире изучать все лучшее в опыте братских стран социализма. Необходим глубокий анализ новых явлений в международных отношениях, развитии мирового социализма, в мировом революционном процессе, новых аспектов и сторон общего кризиса капиталистической системы. Научные разработки должны выливаться в практические рекомендации, давать обоснованные социальные прогнозы.

Одна из важнейших задач пропаганды и агитации — всемерно способствовать решению кардинальных народнохозяйственных проблем: интенсификации производства, быстрейшему внедрению достижений науки и техники, осуществлению Продовольственной и Энергетической программ, обеспечению рационального использования производственного потенциала страны, подъему производительности труда и на этой основе — дальнейшему укреплению экономического и оборонного могущества нашей Родины, росту народного благосостояния.

В борьбе за выполнение государственных планов, повышение качества продукции, лучшее использование производственных мощностей, сырья, энергии, рабочего времени, капи-

те немислим без последовательной борьбы за строгое соблюдение социалистического принципа распределения, правильное использование общественных фондов потребления.

Упрочение социалистического сознания идет в упорном противоборстве с рецидивами мелкобуржуазной психологии, с проникающим по разным каналам идеологическим влиянием империалистической пропаганды на сознание некоторой части населения. Необходимо создавать обстановку нетерпимости к таким явлениям, как использование государственного, общественного имущества в целях личного обогащения, спекуляция, взяточничество, всякого рода паразитирование на гуманизме нашего строя. Последовательно опираться в борьбе с ними на активность масс, на неотвратимую силу закона, вести целенаправленную работу по формированию разумных потребностей, интересов личности.

Задача партийной пропаганды — нести людям правду о миролюбивом ленинском внешнеполитическом курсе, мирных инициативах КПСС и Советского государства, направленных на обуздание гонки вооружений, коренное оздоровление международных отношений. Сохранение мира на земле — это и сегодня, и в обозримом будущем стержневая проблема внешней политики нашей партии. Пропаганда должна содействовать укреплению дружбы и сотрудничества СССР с другими социалистическими государствами, сплочению международного коммунистического и рабочего движения, успехам национально-освободительной борьбы народов. Надо последовательно и настойчиво разоблачать врагов мира и прогресса, милитаристские планы империализма, в первую очередь американского, который является сегодня источником нависшей над человечеством угрозы мировой войны.

Пропаганда призвана убедительно раскрывать антинародную сущность империализма, его политики и идеологии, неспособность буржуазного общества устранить социальные язвы, национальную и расовую несправедливость. Следует развивать политическую бдительность советских людей, их неприимимость к враждебным взглядам, умение противостоять идеологическим диверсиям классового противника, оппортунистическим и ревизионистским наскокам на реальный социализм. Активный отпор антисоветизму и антикоммунизму — это постоянное направление деятельности партийных комитетов, средств массовой информации. Необходима хорошо про-

думанная, единая, динамичная и эффективная система пропаганды.

II

Действенным инструментом идеологической работы партии являются печать, телевидение и радио. В нашем обществе пресса — важнейший институт социалистической демократии, средство привлечения трудящихся к обсуждению и решению злободневных вопросов, формирования общественного мнения. Она успешно выполняет свою воспитательную и организующую роль, когда концентрирует внимание на главных направлениях деятельности партии и народа, серьезном анализе проблем, распространении передового опыта. Выступления печати, телевидения и радио должны увлекать и убеждать глубиной проникновения в жизнь, аргументированностью доводов, свежестью мысли и слова, умело пропагандировать преимущества нашего строя, ярко раскрывать характер и облик строителя нового общества — подлинного героя нашей эпохи.

Партийным комитетам следует по-деловому, без мелочной опеки направлять работу средств массовой информации и пропаганды, повышать их боевитость и авторитет, обеспечивать поддержку принципиальным выступлениям. Остро реагировать на факты невнимательного отношения к проблемным и критическим материалам.

Руководители министерств и ведомств, советских и общественных организаций должны наладить систематическое информирование прессы о деятельности органов управления, характере решаемых проблем. Они обязаны по существу отвечать на выступления печати, телевидения, радио, своевременно сообщать в редакции о принятых мерах.

Современные условия требуют совершенствования сложившейся структуры печати, в частности ведомственной, решения назревших проблем городских и районных газет. Особое внимание надо уделить повышению содержательности и оперативности информационных программ телевидения. Ускорить разработку мер по укреплению материально-технической базы средств массовой информации, книгоиздательского дела, с учетом их растущего значения.

Обеспечить улучшение подготовки и повышение квалификации журналистских кадров. Развивать традиции массово-

го рабселькоровского движения. Воспитывать журналистов как активных, смелых разведчиков нового, стойких политических бойцов. Их должны отличать высокая идейность и компетентность, безупречная журналистская этика.

Испытанным средством партийного влияния на массы является устная пропаганда. Необходимо шире использовать ее возможности для живого, доверительного общения с людьми, откровенного разговора о волнующих их вопросах. Считать важной обязанностью руководителей партийных комитетов, министерств и ведомств, советских и хозяйственных организаций систематические выступления непосредственно в трудовых коллективах. Держать под строгим партийным контролем реализацию замечаний и предложений трудящихся. Следует улучшить информирование и инструктирование агитаторов, политинформаторов, пропагандистов, лекторов, учить их умению говорить с аудиторией живо и увлекательно, убеждать, вести за собой людей.

Большой вклад в обогащение духовной жизни трудящихся, в их воспитание на коммунистических идеалах вносят литература и искусство социалистического реализма. В основе достижений советской многонациональной художественной интеллигенции — ее преданность делу партии, прочная связь с жизнью народа.

В партийном руководстве развитием культуры необходимо органически сочетать бережное, уважительное отношение к таланту с высокой принципиальностью и требовательностью. Задача творческих союзов и объединений — воспитывать деятелей культуры в духе ответственности перед народом, укреплять в их среде обстановку идейной, нравственной и эстетической взыскательности. Главным методом влияния на художественное творчество должна быть марксистско-ленинская критика — активная, чуткая, внимательная к творческому поиску. Вместе с тем ее долг — давать четкую, партийную оценку работам, в которых высказываются чуждые нашему обществу, нашей идеологии взгляды, допускаются отступления от исторической правды. Критика не может снисходительно относиться и к художественно слабым, серым произведениям. Необходимо проявлять постоянное внимание к развитию самостоятельного творчества, приобщению масс к ценностям культуры. Усилить персональную ответственность руководителей органов печати и учреждений культуры за идейное содержание и художественный уровень публикаций и репертуара.

Пленум ЦК КПСС обязывает партийные комитеты значительно улучшить руководство идеологической, массово-политической работой. Необходимо, чтобы партийные комитеты, их первые секретари глубоко вникали в ее состояние, добивались тесного единства идейно-воспитательной работы с организационно-партийной и социально-экономической деятельностью.

Партийным организациям, Советам народных депутатов, профсоюзам и комсомолу следует сочетать политическое просвещение масс с их активным вовлечением в управление делами общества и государства, в организацию контроля. Расширить практику участия трудящихся в предварительном обсуждении проектов решений по крупным вопросам государственной и общественной жизни. Обеспечивать широкую гласность в работе органов управления, воспитывать у каждого труженика чувство сопричастности общему делу. Повышать ответственность руководящих кадров за воспитательные последствия хозяйственной деятельности. Одобрить практику обсуждения на совещаниях у хозяйственных руководителей вопросов воспитания. Шире использовать воспитательную силу социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду. Направить усилия соревнующихся на достижение таких целей, как повышение качества продукции, улучшение использования производственных мощностей и всех видов ресурсов. Обратит особое внимание на выработку и внедрение эффективных форм идейно-воспитательной деятельности в условиях агропромышленных объединений, производственных бригад.

Партийным комитетам настойчиво добиваться единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, улучшения координации средств идеологического воздействия, усилий общественных организаций, трудовых коллективов, семьи и школы, охватывать идейным влиянием все социальные группы. Систематически распространять лучший опыт работы, повысить в этом роль идеологических комиссий. Решительно бороться с шаблоном, с подменой существа дела формой. В идейно-воспитательной работе нетерпимы бумаготворчество и заседательская суета, оценка ее по сугубо количественным показателям. Главный критерий ее эффективности — уровень политического сознания и трудовой активности масс.

Все усилия по организации идейно-воспитательной работы в конечном счете реализуются в трудовом коллективе. Сюда и должно направляться основное внимание, здесь должны быть сосредоточены лучшие пропагандистские кадры. Партийные комитеты обязаны повышать роль и значение первичных партийных организаций как ведущей силы и политического ядра трудовых коллективов, их ответственность за решение социально-экономических вопросов, коммунистическое воспитание трудящихся, за укрепление организованности и сознательной дисциплины, за развитие критики и самокритики.

Партия постоянно заботится о подрастающем поколении, на плечи которого в ближайшие десятилетия ляжет ответственность за судьбы общества. Задача партийных организаций, комсомола — шире привлекать молодежь к общественно-политической деятельности, воспитывать ее в духе преданности коммунистическим идеалам, развивать чувство гордости за свою страну, стремление личным трудом содействовать ее расцвету. Прививать любовь к Вооруженным Силам СССР, укреплять готовность к защите социалистической Родины. Уделять неослабное внимание всем социальным группам и возрастным категориям молодежи — рабочей и колхозной, учащейся и армейской, в полной мере учитывать их особенности. Наполнять жизнь комсомольских организаций большим общественным содержанием, искоренять проявления заорганизованности и парадной шумихи.

Поднять уровень воспитательной работы в школах и ПТУ. Последовательно проводить ленинские принципы единой, трудовой, политехнической школы, воспитывать у школьников привычку и любовь к общественно полезному труду, расширять их идейный кругозор, формируя прежде всего у каждого из них высокие качества гражданина социалистического общества, активного строителя коммунизма. Полнее использовать возможности школы в эстетическом и физическом воспитании. Возвышать престиж и авторитет учителя, больше заботиться о его квалификации, условиях работы и быта. Значительно улучшить подготовку в вузах и техникумах специалистов для ведущих отраслей народного хозяйства, идейно-политическую закалку студенчества.

Всемерно совершенствовать массово-политическую работу по месту жительства. Повысить роль культурно-просветительных учреждений в организации досуга трудящихся, особенно на селе. Развивать массовую физическую культуру и

спорт. Распространять опыт создания в каждом районе культурно-спортивных комплексов с подчинением их независимо от ведомственной принадлежности местным Советам.

Важно вести систематические научные исследования эффективности воспитательной работы. Шире внедрять опыт по созданию в этих целях при партийных комитетах научно-методических центров и групп. Академии наук СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС внести предложения о повышении роли социологических исследований в постановке воспитательной деятельности, об организации на базе Института социологических исследований Академии наук СССР Всесоюзного центра по изучению общественного мнения.

Ключевое звено идеологической работы — кадры. Все партийные комитеты — республиканские, краевые, областные, окружные, городские, районные — должны иметь специально подготовленные кадры, способные умело организовать идеологическую работу с различными группами населения и отвечать за нее. Им следует создавать необходимые условия, заботиться о систематическом повышении их идейно-теоретического уровня и профессионального мастерства. Осуществить дополнительные меры по совершенствованию системы подготовки и переподготовки всех категорий идеологических кадров. Идеологические кадры должны являть собой образец коммунистической идейности, высокой требовательности к своему труду, ответственности за порученное дело.

* * *

Претворение в жизнь линии партии на совершенствование развитого социализма позволит сделать новый большой шаг вперед в коммунистическом созидании, еще убедительнее продемонстрирует преимущества социалистического строя, увеличит его притягательную силу. Для коммунистов нет обязанности почетнее, чем нести в массы великие идеи марксизма-ленинизма, раскрывать неразрывную связь политики партии с насущными интересами людей, еще выше поднимать общественную активность трудящихся.

Пленум ЦК КПСС выражает твердую уверенность, что идеологические кадры, все коммунисты отдадут свои силы, энергию и талант благородному делу коммунистического воспитания, продолжат и творчески обогатят славные традиции большевистской пропаганды, добьются новых успехов в реализации исторических задач, стоящих перед Коммунистической партией и советским народом.

ЭТИ СТРОКИ...

СНЕГ... СНЕГ... СНЕГ

I.

Над городом навис, как тяжкий груз,
Бетонный гул домов и тротуаров.
Мороз меня попробовал на вкус,
Пахнув холодным дымным перегаром, —
Пригубил, словно редкое вино
В коктейле снега, пыли и бензина,
Советует прохожим заодно
Узнать поближе нового грузина.
Но у прохожих на душе — мороз,
И в голове — забот полно́ до боли,
А ветер лижет, как голодный пес,
На тротуарах комья грязной соли.

II.

На улице стоит базарный гам.
Откуда взялся в сердце нежный трепет?
Я слышу где-то рядом, где-то там
Изящных каблучков лукавый лепет.
Тук-тук — сбивает с толку и с пути.
Тук-тук — ты, кажется, проспал немножко.
Тук-тук — быстрее, смотри, не пропусти!
И вот я вижу стройные сапожки.
Тук-тук — звучит, как стук моих оков,
Тук-тук, тук-тук — разорванный на части,
Я гвоздиками острых каблучков
Вбит в тротуар, беспомощный от счастья.
Все больше женских лиц, но не к добру
Все меньше расстоянье между нами —
Их волосы, как гривы на ветру,
Они уже несутся табунами,

Сметая все... Беги от них живей!..
Остановились... С первобытной дрожью
Гляжу на снежных мной желанных фей,
Закутанных тепло в меха и кожи.
О, как я был испуган, как был рад!
Но все прошло необъяснимо скоро,
И мысли возвращаются назад
В мои, как праздник, солнечные горы.
А там уже давно растаял снег,
Там нежно потянулись к солнцу лица.
Цветы ткемали, словно белый свет,
Зажглись в глазах задумчивых тбилисцев.

НЕНАСТНОЕ УТРО

Ночью дождь утолил свою страсть.
На песок у обрыва
Тихий вялый прибой
Вынес утро, как мертвую рыбу.
Белый, плотный, как парус,
Над горами поднялся туман —
Гагра, словно огромный корабль,
Уплыла в океан...
Вдруг прорвал тишину женский крик.
Крик, острей, чем кинжал,
Был далек и безлик,
Но от боли туман задрожал.
Он навывлет прошел, этот крик,
Разрывающий уши,
Крик о помощи: СОС!
О, спасите скорей наши души!

ЭТИ СТРОКИ

Когда ветер укачивал ивы Иори,
Когда стадо белело на склоне вдали,
Как прибрежная галька у сонного моря,
То тогда эти строки ко мне не пришли.
Эти строки возникли сейчас между нами,
Когда все вы поверили в них от души —
Вот теперь, наконец, растревоженный снами,
Ветер ивы качает в иорской тиши.

Перевод Ларисы ФОМЕНКО

●

Бабушка сажала розы
В честь погибших сыновей.
И на бабушкины слезы
Откликался соловей.
Было больно и печально
Мне от бабушкиных слез.
С болью к этим розам чайным
Сам я тоже с ними рос.
Вместе с ними я утрами
Не одну встречал весну.
Розы плакали слезами,
Как и бабушка в войну.
Вот и бабушки уж нету,
И давно седею я.
Но бессмертны розы эти —
Бабушкины сыновья.

●

Холодной женщины страшись,
Она надменна и жеманна,
И гасит всякие желанья
Своей сентенцией на жизнь.
К ее негреющей красе
Не воспылаю я любовью.
Мне ближе небо голубое
И луг, искрящийся в росе.

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Запоздали мои стихи
(Плачь, гордыня!),
Запоздали мои цветы —
Георгины.
Вот и время твое петухи
Откричали.
Ну а слезы мои — от беды
И печали.

◆

«ПРИДЕТ МОЙ МАЙ...»

ПРОЩАЙ!..

По рельсам моих нервов с этих пор
Твои колеса больше не промчатся...
Я дверь закрыла на глухой запор —
Теперь могу спокойно попрощаться.
Прощай! — И все слова иные
Сегодня на губах моих сгорают.
Прощай! — Мне разонравилось отныне
Метаться ветром у твоих окраин.
Прощай! — За то, что боль свою напрасно
Холодной горечью пытался врачевать.
И если ты не избежал соблазна —
То именем моим не смог его назвать.
Прощай! — За то, что полумрак не властен
Рассеять свет. В его лучах воскресну.
Прощай! — За то, что, захмелев от страсти,
Ты все же предпочел остаться трезвым.
Прощай! — За то, что ветви твоих дней

Каждый человек должен оставаться самим собой. Писатель тем более. Оставаться самим собой и занимать свое, только ему принадлежащее место в литературе. Кто вправе определять творческие возможности художника? Вероятно, в первую очередь сам художник. Вот почему я придаю особое значение таким строкам Мзии Хетагури:

«Придет мой май. Пусть не сегодня — завтра...»

«Впереди бесконечные, полные боли дороги...»
В этих словах видится мне путь поэта, нелегкий, но счастливый.

Мзия Хетагури публикуется на русском языке впервые. Быть может, поэтические образы ее стихов не всегда поддаются переводу, и все-таки я уверен — стихи Мзии Хетагури не оставят равнодушным своего нового читателя.

Джансуг ЧАРКВИАНИ

В душе безводной не роняют тени.
 Прощай! — И если вспомнишь обо мне,
 То будешь без меня со мною хоть мгновенье.
 Прощай! — Ты убивал меня, где мог
 Назвать себя счастливым и бесстрашным.
 Прощай! — Ибо клокочущий поток
 Не переплыть на лодочке бумажной.
 Прощай! — За то, что я всегда без слов
 Была твоей опорой надёжной.
 За то, что мой ненастный небосклон
 Не омрачил твоей мечты погожей.
 Прощай! — За то, что не разделишь кров,
 Как прежде не делил своей свободы.
 Прощай! — За то, что я печальна вновь,
 Какой была до твоего прихода.
 За то, что ты ни с кем не мог проститься,
 Сгубив желанье встретиться со мною.
 Прощай! — Тебе опять мятеж приснится.
 Прощай! — За то, что грезишь о покое.
 Прощай! — За то, что потонули в недрах
 Слова иные... Беспощадны губы.
 Прощай и помни — штормовые ветры
 Ютиться в заповедниках не любят.

Я спасена —
 Я от любви свободна!
 Теперь вольна позвать в свой дом
 Лишь нужных мне гостей...
 Я исцелилась. Я совсем здорова!
 Отныне созерцаю хладнокровно
 Чужую суету, заботы
 И любовь...
 Смеюсь над ней,
 Как над грошовым вздором...
 Я не должна прислушиваться к ссорам
 Соседской детворы,
 И не должна ее мирить.
 Как скажут мне, так и пойму
 И передам лишь то, что мне поручено.
 Я буду
 Всегда выигрывать, не зная поражений,

Хранить покой родного очага,
Как и положено, не пересаливать обед,
И лишь реальные желания иметь.
Вокруг меня ни склок, ни кривотолков,
Ни взглядов искромечущих не будет,
И никаких раскаяний в несметных прегрешеньях—
В изменах или верности до гроба.
Не будет
Ни мольбы, и ни молитвы иступленной,
Ни обжигающих фонтанов слез...
Я ни несчастна и ни счастлива.
Всё в меру — умиротворенная.
Такою именно
Советует мне быть
Отзывчивый доброжелатель.
Никогда уже ни слова
Не вырвется невольно из моей груди.
И не войдет в меня блаженство
«Голосом прекрасным»,
Коснувшись уха шепотом неясным.
Я буду взвешивать все сказанное
И несказанное.
Я утомлю свой мозг, оценивая заново
Своих знакомых и едва знакомых,
И заключу в неволю
Собственные мысли...
Затем я соберу нехитрые пожитки
своей любви —
цветные сны и разноцветные желанья.
Я заточу их в ржавые оковы,
похороню их там, в том самом месте,
Где тайна моей грусти, чуть дыша,
Еще пасётся на остатках трапезы —
щедрот моей любви...
Я выздоровела — вы поздравили меня!
Так заодно пособолезнуйте...
Возможно, я сейчас больна неизлечимо.

ЕЖЕДНЕВНО...

Неизменно вырастает эта лестница меж нами.
Ежедневно возникает этот мост необъяснимый.
Ежечасно луч связует наши взгляды, наши лица!
Ежедневно,
Ежечасно,
Неизменно...
В маске вора
В твой карман крадутся пальцы,
Чтобы стать твоей добычей.
О, молю тепло кармана,
Прочь серебряную наледь!
Пусть звенит на тротуаре...
Здесь мои, мои владенья,
Наших рук немая встреча,
Счастье, мир запретной думы,
Рук чудесное скольжение...
Наши жаждущие пальцы
Там к груди прижмут друг друга,
До последнего сближенья,
До беспамятства! До стоны...
Эта лестница меж нами!
Этот мост необъяснимый!
Этот луч, происходящий
Ежедневно, ежечасно...

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

Случилось так, что в городе своем
зимой я заблудилась ненароком:
я шла, задумавшись, по улицам бесснежным,
как будто тайный поиск увлекал.
Лишь где-то в поле незнакомый запах
вдруг пробудил меня. То — запах снега.
В ярах глубоких он белел, покорен
своей судьбе январской на ветру.
Обыкновенный снег — он был доступен
в открытом поле всем, кто пожелает!
И ощутила я, как все величье
утратил от бесснежья милый город —
его деревья, крыши, плиты улиц...

Всего лишь снег, обычный для зимы!..
Прими же плечи легкие мои,
пригни их тяжестью молитвы, небо!
И грудь мою, белеющую ночью,
январскими снежинками усыпь;
придай мне силы доброту увидеть,
и грех, и свет, живущие во мне,
чтобы меня, потерянную всеми,
смогли найти все те, кто потерялись,
как я, бредя по серым зимним плитам, —
найти в открытом поле чистый снег...

Перевод Григория ГЛАЗОВА

КРЕСЛО

Театр. И в зале сломано кресло,
Грустно, зияет, кричит пустота.
Кресло без спинки — не опереться,
Пусто, когда все забиты места.
И человек попадетя, как кресло,
Тоже без спинки, смешная черта.
Ни понадеяться, ни опереться...
Грустно. Зияет, стучит пус-то-та.

Перевод Олега СТРИЖАКА

УПРЯМСТВО

О, это упрямство! — Мой вечный проводник
и вечный спутник, подстерегающий меня
на всех платформах дальних станций!
Когда мне чудится, что лопнуло терпение
упрямства моего
и что оно надело на себя ярмо покорности,
когда мне кажется — любовь и благодарность
заставят, наконец, его промолвить «да»,
когда мне кажется — оно покорно стелется у ног моих
и в широко раскрытых моих глазах вот-вот чайдет
покой,
когда мне кажется, что погружаюсь
я в реку Милосердия и теплого Добра, —

тогда-то, именно тогда
одно-единственное слово,
проклятое, как вечное проклятье,
как пес с цепи сорвется,
и хриплый лай его вспугнет
ночную тишину: «Нет, нет и нет!»
Я — вечная рабыня этого упрямства,
оно — мой верный проводник, мой вечный спутник.
О, упрямство это!
Меня оно проводит до конца и встретит на безвестном
полустанке

с цветами белыми
и, голову склонив, чтобы в последний раз поцеловать,
закроет мне глаза —
невыплаканных слез они полны —
и, проклиная смерть,
откажется со мной расстаться:
«Нет, нет и нет!»
Но в первый раз
душа измученная
скажет: «Да!»

Перевод Дины ТЕРЕЩЕНКО

ЕСЛИ бы они могли жить так, **возможно**, они бы и не узнали, что такое раскаяние, я говорю, жить вот как: поставить хижину из той же ольхи на той же глыбе, старинную хижину лесных жителей, постелить заячьи и беличьи шкуры, и одежду пошить наспех из заячьей или беличьей шкуры, на зиму конечно же, лето пробежали бы в чем мать родила, и длилось бы лето дольше обычного, и носились бы они вокруг хижины, среди кустарников и зарослей на противоположном берегу, лазали бы по деревьям, гонялись за белками, ныряли в озеро за рыбой, ловили бы ее и тут же глотали; или сети ставили, и начала бы возникать цивилизация, или капканы на зверя ставили, яму бы рыли и хворостом прикрывали, не знали бы ни огня, ни соли, что ни поймают — тут же съедали бы, и не столько живую тварь ловить будут, сколько

Отар ЧХЕИДЗЕ

ЛАБИРИНТЫ УЩЕЛЬЯ

Р о м а н

Продолжение. Начало см.
«Литературную Грузию» №№ 5,
6 за 1983 г.

Перевод
Нодара ТАРХНИШВИЛИ

лесные плоды собирать: грушу, кизил, орешки, одним словом, жили бы в лесу, как лесные жители, одним словом, если бы могли, конечно же; в ту минуту, по крайней мере, им казалось, что они жили именно так, именно так жизнь прожили, все остальное не принималось в счет, и они отмахивались от него, как от дурного сна: затыкали уши, чтобы не слышать криков паровозика, что пыхтя и извиваясь ходил вверх и вниз по Боржомскому ущелью, уши затыкали и глаза закрывали, чтобы не знать — каков он, мир, чтобы не вспоминать... и не помнили. И были они счастливы, ибо были свободны, ибо отключились, отключились и недоступны стали на миг, но, вероятно, придется вернуться к посюсторонним заботам. И они вернулись, конечно же, и дух переводили воспоминаниями о той ночи, блаженной ночи, воспоминаниями и мечтой, это и есть жизнь, оказывается, она — мечта и ничего больше, или тот отрезок времени, который отведен человеку на мечту, то время, которое ему удалось урвать у мытарств в виде минут отключения и забвения, так говорили, говорили и иначе, разное говорили, по-разному, и переиначивали тоже, но ведь нельзя же прислушиваться ко всем и всему, невозможно просто.

Как бы там ни было, друзья не узнавали Эли. Снова слетелась ее стая, собрались благодаря превращению Эли, и она повела их за собой с большой охотой, с чрезмерной увлеченностью. Именно поэтому не узнать ее было — в силу чрезмерной увлеченности, но поведение ее не посчитали очень подозрительным — лето близилось к концу, истекало лето, истекал дачный сезон, надо было успеть провести хотя бы один вечер и рассвет на вершине Цхрацкаро, встретить восход солнца, увидеть рождение солнца из утробы ночи, — нельзя было иначе, иначе считай лето, проведенное в Боржомском ущелье, пустым, непригодным даже для воспоминаний, никчемным и досадным, и Эли думала после вечера, после большого вечера, был бы то концерт, спектакль или что другое, всем вместе тронуться в путь на Цхрацкаро, на вершину Цхрацкаро и вознести восторг, вызванный искусством, туда, на ту вершину, вознести и слиться с красотой природы, с красотой рождения солнца. Эли думала, и трепетала стая Эли; Эли веселилась, и веселилась стая Эли.

ожил приунывший курорт, ожил каждый уголок, уголок рынка, уголок источника, ну а зал, о нем и не спрашивайте, — спорили, беседовали, обсуждали, проповедовали до того красноречиво, что и древние колхские и римские ораторы позавидовали бы, но только здесь были одни лишь женщины, женщины завладели всем, где-то там шевелилась ветка или ломалась хворостинка — здесь никто этого не слышал, — а не слышал — и страха не было ни у кого, если бы даже лешие напали, они все равно не прекратили бы спора, и не удивительно, конечно же, многое следовало урегулировать... Обо всем не расскажешь... достаточно сказать, что многое следовало урегулировать, — каждый должен был заняться своим делом, урегулировать свое, и на плечи Эли легли заботы. Эли должна была составить программу вечера, составить и пригласить участников, объездить Боржом и Бакуриани, Цеми и Цагвери, все уголки Боржомского ущелья, встретиться лично, чтобы быть спокойной, она сама же и взялась, и живо приступила к делу, и помощника не захотела, и проводника не захотела, здесь все вы нужны, мол, и запыхалась стая Эли, не справиться, мол, нам...

«Не надо браться за дело со страхом»; и хмурилась стая Эли: «Разве мы испугались?», «Верю, ясное дело, нет». И шумела стая Эли: «Управимся, мы верим»; «Счастливо оставаться».

И стая поручала Эли, если она что предпримет, тотчас пусть сообщит, на площади будет стоять дежурный, расспрашивать всех проходящих;

«Вы не тревожьтесь, если весть запоздает».

И не соглашалась стая Эли: «Будем тревожиться, будем тревожиться»;

«Тогда буду стараться»;

«Должна постараться!»

И Эли торопилась.

Настежь раскрыла двери шкафа. Поставила на пол небольшой кожаный короб. Все никак не могла его уложить — ни один наряд ей не нравился. Прикладывала и примеряла, смотрелась в зеркало и отбрасывала, ничего не могла выбрать или с трудом выбирала. Во

дворе фыркали лошади, нетерпеливо переминались с ноги на ногу, им, холеным, не стоялось на одном месте. Таких лошадей уже не запрягали в боржомские коляски, как только расправились с дачами Романовых, взялись и за манташевские и эристовские, новой упряжью и они не блистали, но порода чувствовалась, резвая порода отменных скакунов. И фыркали нетерпеливые, переминались, словно поторапливали Эли, и кучер места не находил, раскачивался на облучке, ворчал недовольно. На нем была старинная кучерская шапка и брюки старинные, кучерские, и рубаха хаки, опоясанная кожаным ремнем, опять же кучерским, конечно, плоским и почти таким же широким, какими были ремни с кистями. Эли запаздывала, суетилась, терялась, все валилось у нее из рук. Замрет и засуетится, замрет и уставится в одну точку, чему-то улыбается, чему-то близкому и далекому, невидимому и незримому; потом задрожит, съежится, словно спрятаться хочет, смотрит на шкаф, распахнутый настезь, словно хочет войти туда и закрыть за собой дверь, зарыться в ворох платьев и кружев. Потом она приходила в себя, подбегала, выглядывала в окно: «Сейчас!», успокаивала кучера, раскачивающегося на облучке, или, может, лошадей успокаивала, и снова кидалась к коробу, бросала в него что попало, а теперь закрыть никак не могла; закрыла с трудом — кружева торчали наружу, красные, голубые, черные, эх, да бог с ними, — она уже не думала ни о чем, вынесла короб, бросила на сиденье, поднялась в фазтон, обессиленная упала рядом, и поехали не переводя дыхания. Или нет, сперва она велела поднять шатер фазтона. Сделать этого не удалось, однако — заело шатровые замки, или просто кучер не в силах был справиться с ними. Лошади переминались с ноги на ногу, вот-вот сорвутся и понесут, кучер с трудом их удерживал, шатер так и оставался откинутым, впрочем, солнце пекло не очень, ветерок веял, обвевал фазтон закрученный ветерок закрученного-перекрученного ущелья. Она приказала опустить шатер до конца и начала запихивать кружева в короб, красные, желтые, зеленые, синие, запихивала и не могла запихнуть, и тут лошади не выдержали, понесли, кучер чуть было не свалился с козел, он старался придержать их, не сумел. Эли вскрикивала, не от страха, скорее захваченная

скоростью, но глаза рукой прикрывала — недолго свалиться в пропасть. Кучер сползал с козел, но снова оклеивался на своем месте, всю ловкость свою выкладывал. Косой ветер свистя мчался за ними по косогору, но ровил разодрать головной платок Эли, отнять его, но Эли не отдавала и не прятала, держала, дразнила и без того разозленный ветер. Мчался фаэтон, кренился на поворотах, скрипел, казалось, опрокинется, свалится в пропасть, и вскрикивала Эли как-то вызывающе, насмешливо, вскрикивала и закрывала лицо платком, и тут же ветер набрасывался на лицо, и уже не слышала она, скрипел ли опять фаэтон, не ощущала, кренился ли он, спускался или одолевал подъем. Ей было все равно, она ждала чего-то, кого-то ждала и предпочитала ехать с закрытыми глазами, чтобы открыть их вдруг и увидеть нечто неожиданное, испытать восторг неопишуемый. Трясло немилосердно, а однажды ее встряхнуло так, разве что сверхъестественная сила могла так встряхнуть. Не думай, читатель, что я преувеличиваю, ведь это плоды воображения Эли. Возможно, я не должен был напоминать, но кто знает, что да за чем может последовать.

Так и должно было случиться, этого она и ждала. И отняла платок от лица. И ветер отнял пестрый платок, развернул, унес и изорвал о верхушку сосны. Но Эли уже его не видела, она смеялась звонко и раскачивалась вместе с лешим, да, да, это именно он впился в нее или влетел к ней, его-то она и ждала, ясно. Громыхали колеса по-прежнему, громыхали, скрипели по-прежнему, свистя гнался за фаэтоном ветер, обтирал насухо взмыленных лошадей, смеялась Эли по-своему звонко, но не так, как на островке под водопадом, как-то иначе, совершенно иначе, и леший посмеивался совершенно иначе, ржал совершенно иначе... (Он не был лешим, конечно, и не ржал, так уместно было сказать о нем, когда он был в лесу, на озере, на глыбе, там было уместно, но не здесь, в фаэтоне. Но было же у него имя? Разумеется. Однако Эли не произносила его — если они бывали вместе, это было ни к чему, ну а при других тем более она не обратилась бы к нему по имени, оно вырвется у нее в конце кон-

---

Отар Чхеидзе. Лабиринты ущелья.

цов, или кто другой произнесет, я же до тех пор стану его называть лешим, не к чему, вряд ли мы будем путаться — ведь их двое (кучер не в счет). Так уже и лешим не надо его называть и представлять не надо; он был все тем же, вежливым и учтивым женщиной, как вечерами в квацихском зале под шелестящими сводами, только теперь сидел в фазтоне и покачивался вместе с Эли, и рубашка была на нем другая, серая, с черными кантами, черные же пуговицы украшали ворот.

И покачивались они... и мчался фазтон, и мчались они.

И сворачивали-поворачивали, неслись буквально по самому краю пропасти, и вновь терялись в прогалинах, ускользали от леса и вновь в нем оказывались, пересекали крутосклон, путались в зарослях или теряли из виду ущелье, теряли из виду вспененную реку, потом она вновь показывалась, и вид ее был однообразен и многообразен, знаком и неожидан... Но каков бы ни был — извилист был путь ее.

— И как будто бесконечен, — молвила Эли после долгого молчания.

— Как будто.

— Хотя бы!

— А-а?!

— Я говорю, хотя бы.

— Такой же извилистый?

— Пусть... Только не сейчас...

— Но когда же?

— Когда?..

— Да, когда же?

— Не знаю...

— Помочь?

— Помоги.

— Для нас лучше, чтобы никогда.

— И вправду лучше... ущелья, горы, горы, ущелья, ущелья, горы, горы, ущелья, горы, горы, ущелья... Подъем, спуск, подъем, спуск, подъем, спуск, подъем, спуск... Поворот в одну сторону, поворот в другую, поворот в одну сторону... Боже мой, не могу больше.

— Язык ломаешь.

— Сломаешь.

— О, как трудно!

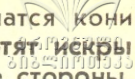

— Мечтаем о том, что знаем, чтобы отречься от того, что имеем.

— Постой, я не поняла.

— От чего отрекаемся, о том и мечтаем.

— Я говорю, не поняла... — и Эли кладет свою маленькую точеную руку на его ручищу и он тут же накрывает ее другой рукой. Накроет, запрячет и проглотит, выплывет и вторая, такая же маленькая, такая же точеная, опустится на большую, и все так же они покачиваются, кони мчатся все так же. Звенят подковы по кремнистой дороге, была бы ночь, можно бы увидеть, как разлетаются искры из-под копыт... была бы и будет, уже недолго до сумерек, и солнце давно зашло, прилегло за горами, но то и дело появляется где-то вверху. Самого солнца не видно — луг пылает, пылают цветы, словно взлетели ввысь, вслед за солнцем. И река, наверное, громче шумит, как это бывает в вечернюю пору, да только не слышно, естественно — звенят подковы по кремнистой дороге, фаэтон скрипит, скрежещет. И подпрыгивают руки, подпрыгивают, хватаются друг за друга, льнут друг к другу, и откуда-то как бы песней детству доносится скороговорка: «Сорока-воровка кашу варила, детей кормила, этому дала, этому дала», — доносится песней и подхватывают ее руки, подхватывают и пускаются в пляс и поднимаются, устремляются к небесам. И парят в небесах, словно смотрят с восторгом, с той детской наивностью, с тем детским удивлением, когда впервые услышали: «Сорока-воровка кашу варила»... Где-то и впрямь сели сороки, наскучило им небо, насытились вольным полетом и опустились, чтоб снова взлететь; и снова хватают руки друг друга, снова пальцы поднимаются, раскачиваются и пускаются в пляс, верещат: «Сорока-воровка кашу варила, детей кормила, старшему дала, среднему дала, младшему ничего не дала»... — снова взлетают руки в небо, снова смотрят с восторгом и смеются, смеются, о, как смеются!.. Грохочет фаэтон, скрипит — вот-вот развалится, в особенности на поворотах; разваливается и кренится, приподнимается, становится на одно колесо — они смеются, смеются беззаботно, наталкиваются друг на друга и смеются. Иногда оглядывается кучер, согнув-

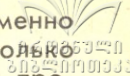

шись смотрит на них и тоже смеется; и мчатся кони по кремнистой дороге, наступит ночь и полетят искры из-под кованых копыт, брызнут искры во все стороны.

Пусть высекают искры копыта коней, пусть хоть костер разводят, к ним вернулось детство и не так-то легко с ним расстаться.

Прижмутся точеные пальцы, точеные пальцы точеных рук, — мизинец — к мизинцу, безымянный — к безымянному, средний — к среднему, указательный — к указательному, большой — к большому и раскроются словно крылья. «Сыграем в «один хлеб»; «Сыграем так сыграем», — жилистый палец опирается на первую ступеньку. На ступеньку нежнейших мизинцев — «Мама меня послала, одолжите, говорит, один хлеб»; «Поднимитесь чуть выше»; «Собак боюсь», «Нет собак, со стадом ушли», — и поднимается жилистый палец по ступенькам нежнейших безымянных пальцев с той же просьбой, с той же опаской, с той же надеждой; поднимется, взберется, и выскочат притаившиеся собаки, девочка звонко засмеется, мальчик убегает сломя шею, собаки преследуют его, лают, настигают, кусают, и кричит мальчик, девочка смеется, звонко смеется, смеется... Перестал грохотать фаэтон, не высекают подковы искр и не в фаэтоне они сидят, но у камина, и играют, кувыркаются среди мутак, кувыркаются и смеются, смеются до слез, и снова принимаются играть, затем чтобы снова смеяться от души, весело, беззаботно, хотя уже вкралась в игру озабоченность, озабоченность свила себе гнездо в детской игре — это уже урок осторожности, это уже урок жизни; дети смеются — не понимают, чему их учат, смеются и учатся, смеются и познают истину, поймут, что это такое и что к чему; видно, детству свойственно возвращаться: а неплохо, если человек вернет себе детство, еще раз станет ребенком, пока умрет; каким бы оно ни было, хорошим или плохим; вот, пожалуйста, для примера, когда на узком повороте одно колесо повисло в воздухе, это не имело никакого значения, потому как они думали, что кувыркаются среди мутак перед камином.

Так им было лучше, и они оставались в детстве. Словно и впрямь обо всем позабыли.

А дорога — узкая, крутая, извилистая, непременно произойдет неожиданное, непредвиденное — столько грохота, столько взлетов на поворотах над самой пропастью: свалятся в пропасть непременно, или они одни свалятся, или фаэтон вместе с ними, с кучером и лошаадьми, и это возможно, конечно, все было подготовлено к этому, да и нравятся публике картины катастроф, поиски трупов, эксперты, следователи, прокуроры, нравятся, и тем не менее не могу поддаться подобному искушению, потому что ничего подобного не произошло, к тому же не такая уж это важность, и не сравнить ее с той душевной катастрофой, которую они пережили, которая их мучала, по воле которой и из-за которой они превратились в детей и начали новую игру: обмотали пальцы нитками, переплели их, спутали-перезапутали и странно, словно и впрямь каким-то колдовством снимали с пальцев друг у друга запутанную сеть, снимать становилось все труднее и труднее, если вначале хватало двух пальцев, к концу уже не хватало двадцати, то есть всех, и пришлось прибегнуть к помощи зубов. Уже зубами пытались распутать странно запутанную сеть жизни. Смех пошел на убыль, приходилось думать и стараться не ошибиться, ошибались — винули друг друга, придирались друг к другу, и начинали заново, и запутывались опять в сложных сплетениях, в нераспознанных, неразгаданных, самой же сложной была та путанка, которую приходилось поддерживать зубами, и сложной была и странной, потому как невозможно было понять, каким образом запутывается. Вот тебе и забава, ищи, когда нет ни единого узла. Вот и воспоминания детства! Фаэтон снова проносился по краю пропасти, мчался по спуску, преодолевал подъем, снова — подъем и... добрались благополучно, — имей терпение, благополучно добрались!

До Боржоми — рукой подать.

XIII

СТЕМНЕЛО, но подковы уже не высекали искр, — остановился фаэтон у гостиницы. Они сошли на землю и тут же пожалели, что быстро отпустили ку-

вчера, — в гостинице не оказалось свободного места даже в общежитии, об отдельном номере не могло быть и речи. Администратор не обнадеживал — прибывали многие, отъезжать никто не отъезжал, можно было переночевать в фазтоне, но вот отпустили кучера, а теперь стояли вместе с другими и ждали: может, спустится кто с багажом; одни ждали терпеливо, другие, уже не надеясь, нервничали, придирались к администратору, требовали директора или выбегали на улицу — может, повезет где в другом месте, и прибежали обратно запыхавшись, не прозевали ли момента; такой она была, эта суетня в вестибюле гостиницы, и я бы не стал ее описывать, видят — нет места, и следовало уходить, но именно здесь прозвучало имя... и описание сутолоки в гостинице последовало именно за этим и замешкаться из-за этого пришлось. Имя прозвучало неожиданно, сердце словно вдруг перестало биться: он побледнел, пожелтел, казалось, потеряет сознание этот стройный и такой сильный на вид мужчина. Он услышал свое имя, когда раздраженный администратор резко ответил отказом и он повернулся уходить, но тут какой-то низкорослый мужчина сорвался с места и буквально набросился на него.

— Георгий! Разве ты не Георгий?!

И он побледнел, сердце вдруг словно замерло, но длилось все это не долго, вовсе не долго, через миг и цвет лица вновь вернулся к нему, вернулся, и он вздохнул с облегчением, и подтвердил, что да, что именно он и есть Георгий, и улыбнулся как-то бессмысленно, растерянно и отрешенно; «И меня так же вот позабудет, наверное», — подумала Эли, так ей показалось, во всяком случае, в тот короткий миг, когда низкий мужчина стремительно бросился к Георгию и забросал его градом вопросов, не обращая внимания на шумливую, галдящую, требующую ночлега толпу. «Я и вчера там спал, — говорил он, показывая рукой на расшатанное кресло, — шага сделать не смею, чего доброго, и Ладо потеряю, Гудиашвили, оказывается, уехал в Вардзиа, не застал я его. Дождусь непременно. Понимаешь, обнаружил картину Нико Пиросманашвили; она его кисти вне всякого сомнения, тем не менее Ладо должен подтвердить, и обрадую я его и заодно он подтвердит. Какая это картина, если бы ты знал, как я набрел на

нее, если бы ты знал!.. Случайным образом очутился у одной девушки на Вокзальной улице. Проснулся, вижу, смотрит на меня немного подержанная, попорченная рама, как-то вроде бы задом наперед смотрит. В раме к картону приклеены фотографии Нато Вачнадзе; одно фото, остальные вырезки из журналов и газет; а что на обратной стороне, спрашиваю девушку; портрет моей тети, отвечает, тети Сусанны, какая-то странная картина, и похожа на нее и не похожа, выбросила она ее, а я подобрала, перевернула и карточки Нато приклеила, смотри, говорит, как она красива, Нато. Красива, говорю, постой, давай перевернем, перевернули и — нате вам!.. — живопись Нико, подлинник вне всякого сомнения! У меня чуть в глазах не потемнело, хотя не чуть, а потемнело, и впрямь потемнело, потом, когда зрение вернулось, когда я пришел в себя — схватил картину и — ноги в руки, но девушка нагнала, через мой труп, кричит, я взмолился, проси чего хочешь, говорю, взамен; ничего не хочу, отвечает, не расстанусь с ней ни за что на свете, тогда, говорю, почему задом наперед, дрянь эдакая, повесила? Я разозлился не на шутку. А на что мне тетя Сусанна, отвечает, я, говорит, карточек Нато не отдам. У меня, сам понимаешь, отлегло сердце. Да я тебе, говорю, другие принесу, вдесятеро больше фотографий, с автографом, умоляю ее буквально на коленях, и умолил, согласилась, обошел всех кинолюбов, собрал предостаточно, и когда она прижала к груди карточки Нато с автографом, я схватил портрет Сусанны и бросился вон, сообщил об этом Нато. Она за ухо меня оттаскала — ограбил, говорит, несчастную. Это правда, но ведь я не для себя ее хочу, ведь в музей должен сдать, ведь надо же в конце концов собрать все произведения Никалы. Хочешь, покажу?».

Георгий кивнул.

Картина была из серии «Красотки» — женщина кого-то ждала или кого-то проводила и ждала другого, она выглядела довольной и недовольной, была в ее обличье и надежда и безысходность; она вызывала и жалость и насмешку, словно земля вот-вот уйдет у нее из-под ног или какая-то сила ее поднимет, словно и крылья

у нее вырастают, не ангела — летучей мыши, — этого не было видно, конечно же, но чувствовалось и вызывало улыбку, и удивление, сквозившее в глазах женщины, вызывало улыбку, — чему это она удивлялась?.. Маленький мужчина пытался объяснить тайны живописи Пиросманашвили, пытался объяснить и был рад, что нашел слушателя, был рад и возбужден, и возбуждение начало расти, когда и другие стали собираться вокруг, отошли от администратора и собрались у расшатанного кресла, собрались и заслонили человека, и картину заслонили. Маленький мужчина повесил картину на стену, вскочил на кресло и стал доказывать, какой самобитный художник появился в грузинском изобразительном искусстве, как порастерялись его творения, само имя предалось забвению, но оно непременно возродится и станет известно всему миру: кто-то поддакивал, кто-то не соглашался, кто-то язвил за чьей-то спиной, кто-то и не язвил. что-то сердито выкрикивал, «прямо делать людям нечего», и пуще прежнего ярился поклонник Пиросманашвили, говорил красноречиво, доказывал, прибежал ко многим примерам классической и ренессансной живописи, реалистического искусства (модернизма он не упоминал, при этом слове, готовом слететь с уст, прикусывал губу так, что оставался след), он брал верх над упорствующими и сомневающимися, размахивал руками, раскачивался...

О Георгии он уже не помнил, тот этим воспользовался, отозвал Эли и зavel в кафе, заказал кофе и пирожного.

— Мне лучше было бы там, — заметила Эли.

— А мы там и есть, — ответил Георгий, сделал ей знак молчать, из-за дверей доносился голос страстного проповедника искусства.

— Я хотела бы договориться с ним.

— Можно и завтра.

— Я бы хотела сейчас — отложенное дело можно считать наполовину не удавшимся.

— Сейчас он и выслушать тебя не сможет.

— Действительно... Какой увлеченный человек.

— Таково искусство, оно захватывает, хотя все захватывает, все зависит от того, что ты сам из себя представляешь. Таким надо быть, таким, или...

— Или не быть...

— О-о!.. Строгий приговор.

— Я говорю лишь по отношению к себе.

— Все равно строго... Люди разные.

— А если человек таков?

— Таким и будет.

— Ха-ха-ха... А если не может быть таким?

— Тогда?

— Лучше умереть, чем убить свое сердце, так я думаю. — Эли показалось, он собирался выхватить кинжал или пистолет, и она схватила его за руку.

— Что ты говоришь? — вскрикнула Эли, не отпуская его руки.

— Ничего особенного, — тряхнул головой Георгий, как бы отгоняя тяжкие мысли.

Принесли кофе и пирожное. Боржомом славился всякого рода пирожными.

— Не хочу, — отказалась Эли.

— Немного поешь сама, немного отдай «не хочу», помнишь, наверное.

— Да...

— «Сорока-воровка»?

— Ха-ха-ха...

И Георгий ложкой отломил кусочек пирожного с орехами.

— «Сорока-воровка... — Георгий загнул мизинец, — этому дала, — загнул безымянный, — этому дала... — загнул указательный. — И этому дала», — поднес ложку к губам Эли. Она засмеялась, дотянулась до ложки.

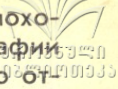
— И есть учили нас в игре, — Эли взяла у него ложку.

— Всему учили в игре.

Тут уже не надо было их учить, конечно, да и задерживаться больше не стоило — кафе постепенно наполнялось людьми, — время, отведенное на источники, отошло. Не стоило оставаться среди этого шума, да и о ночлеге следовало позаботиться. Но до того, еще в кафе успела Эли сообщить, какая у нее вдруг возникла мысль: она подумала о выставке работ Пиросманашвили в квацихском зале. Выставку устроили бы тогда же, перед новым вечером или одновременно с

ним. Соберется общество истинных ценителей искусства и будет праздник Пиросманашвили. Да вот только согласится ли он? «С радостью согласится», — последовал ответ; переговоры тем не менее были отложены — вокруг маленького мужчины по-прежнему оставалось несколько слушателей из числа наиболее ярких спорщиков, и переговоры пришлось отложить. Сон откладывать было куда труднее, но они бродили по боржомским улицам, по парку с источниками, бродили и болтали беззаботно. Это того стоило. Это всегда того стоит — забыть обо всем на свете и болтать, как дети или молодые, да, как молодые, болтать о красоте, о прекрасном, о самопожертвовании во имя добра, о самопожертвовании ради ближнего, о дружбе, словом болтать, но болтать только о хорошем, дурное и в мыслях мелькнуть не могло, болтать до рассвета. И застиг их рассвет, наступил рассвет, к чему было заботиться о ночлеге, которого, впрочем, и найти вроде было невозможно. Нельзя было найти ночлега, и тем не менее нашли: узкая тропинка вилась между двумя дворами и упиралась в дряхлый домишко — так он, во всяком случае, выглядел при лунном свете, главное, от дома веяло покоем и уютом, потому и кликнули смело хозяев. Им открыли, впустили в дом. Стены комнаты были оклеены старыми, обшарпанными обоями, ветхая мебель расставлена вдоль стен; пахло стариной, чистотой и уютом. И они как-то расположились ко всему этому, и к хозяйке, старой приятной женщине, которая долго стояла в открытых дверях, стояла, не решаясь ни отказать пришельцам в крове, ни пригласить их в дом. Потом сказала виновато: «Я, знаете, сдала дом на все лето и деньги вперед получила, а не приезжают; и впускать никого не могу, неловко как-то получается, конечно, но ведь неловко и отказать людям в ночлеге среди ночи, не могу отказать, наверное и долго-то не останетесь, ну, а если те приедут, не осуждайте». «Нет, нет, что вы», — успокаивали они старушку. Эли при этом еще и альбом листала: с фотографий улыбались ей офицеры, кавалеры, девицы и дамы с глубокими вырезами на платьях, со всевозможными украшениями, улыбались, радовались ей или друг другу, жизни или красоте человеческой, радовались и угасли в радости. «Это вы», — узнала Эли хозяйку. Хозяйка улыбнулась.

морщины сошли с ее лица и она вправду стала походить на фотографию времен молодости. На фотографии золотом было оттиснуто «Ницца»; «Боржоми» было оттиснуто на других фотографиях, таких было меньше, больше было снятых там, на чужбине, много, видно, ездили и она и ее близкие. И гвозди тоже были на стенах, и следы от гвоздей были видны, рваные следы от выдраных гвоздей. «Я сняла фотографии, опасное было время, а у страха глаза велики»; Эли понимающе кивнула головой: «И во дворце писателей перепрятали портрет Григола Орбелиани кисти Гиго Габашвили». «А-а?!» — вырвалось у женщины. «Нет, все кончилось, прошло», — успокоила ее Эли, впрочем навряд ли успокоила — хозяйка, извинившись, забрала альбом со старинными фотографиями в соседнюю комнату, принесла взамен ворох фотографий «Самтависская коммуна», вышла на кухню, вернулась: «Я поставила чай, печеным угощу, не откажите, к приезду гостей готовлюсь, не приезжают — и я ем сама, ем все лето печенье, не откажите». Но Эли отказалась, сославшись на слабость и утомление, отказался и Георгий. Хозяйка понимающе кивнула головой и не стала настаивать. Эли с трудом добралась до кровати, сначала никак не кончались ступеньки, потом — расстояние до кровати казалось невероятно длинным, наконец она подошла и, не раздеваясь, упала на постель и погрузилась в дурман, впрочем, это и дурманом нельзя было назвать, странные тени задвигались перед глазами: тени-насилыники выдавливали ей глаза, сверлили мозг; она хотела открыть глаза, не могла, вся расслабла, потерялась, потеряла голову, не чувствовала своего тела, или разодрали его на куски страшные тени и вынесли по кусочкам, швыряли друг в друга, точно играли в мяч на краю пропасти, а потом выбрасывали в пропасть кусок за куском или собирали в кучу. Вроде бы ничего особенного с ней не произошло — день прошел безо всяких злоключений, более того, день прошел под знаком беззаботного детства, искренности, радости и в безудержном, пусть рискованном, беге лошадей, но ведь и риска-то она не ощущала в своем самозабвенном погружении в детство; никаких злоключений, решительно никаких, откуда же взялось

это тяжелое забытие — результат какого-то переживания, она что-то пережила и продолжала переживать подсознательно и обессилела вдруг, и поглотила ее пропасть... Она вся скрючилась, съежилась, сжалась в кулак в огромной постели. Георгий осторожно подошел, дотронулся до нее рукой и щекой и, если вначале осторожно — потом прижался к ее щеке, лишь тогда она очнулась, но только на миг:

— Не надо... — Только это она смогла произнести и до того бессильно, что у него защемило сердце.

И он ушел.

Вышел на улицу, ходил в одиночестве вверх и вниз по улице до парка, ни к кому не торопился, никого не ждал, ни от кого не бежал, но то и дело как-то жадно всматривался в лица, которые казались ему знакомыми, только казались, он и не искал встречи, даже мысленно не искал и сам не обращал на себя ничьего внимания. Слоняющихся в одиночестве было предостаточно, ходили и группами, и парами, терялись в парке, уходили за парк. В парке играл духовой оркестр, играл на редкость скверно, редкую ерунду.

Георгий бродил бессмысленно и бездумно. Так он и очутился снова в гостинице, где администратор по-прежнему отмахивался от назойливых просителей, поредевших, правда; где все так же проповедовал тот маленький мужчина, только попался ему некто, кто не уступал ему, не давал договорить: «Безыдеен этот твой Пиросманашвили, и точка, в Тбилиси постарел, в Тбилиси помер, а в таком большом городе рабочего не заметил?» «Как это не заметил! — подпрыгивал маленький мужчина. — Что же тогда его «Грузчик?» — «Какой же это рабочий, таскальщик, подавшийся в город на заработки крестьянин, я о промышленном пролетариате тебя спрашиваю, может, ты и «Дворника» рабочим считаешь или этих ортачальских шлюх рабочими считаешь? Несчастные люди, несчастье большого города! Поражение Пиросманашвили в том, что ничего кроме тягот он не увидел в те бурные годы, когда Сандро Эули звал народ вперед к новым победам!». «Полноте, причем здесь Эули, какое это имеет отношение к ис-

161035940
812-0101033

куству», — размахивал маленькими руками маленький мужчина, но без прежней бодрости, без прежней уверенности. Оппонент его, плотный, длиннорукий, оказался крепким орешком. Маленькие руки летали. Администратор подозвал оппонента и украдкой протянул карточку для прописки, он ее заполнил и пошел вверх по лестнице. Маленький мужчина последовал было за ним, но отстал и наскочил на администратора. «Мы столько времени ждем, а кто он такой, что за такое красное яичко!». Администратор пожал плечами, уставившись на телефон, пожал плечами и маленький мужчина, злой подбежал к креслу, сел или упал в него, закричало, закричало кресло. «Орточальская красotka» насмешливо смотрела на него и смеялась над ним и над собой, и над художником, и над тетей Сусанной, и над племянницей Сусанны, смотрела и смеялась. Потому и выбросила ее тетя Сусанна, потому и перевернула ее племянница Сусанны, а он подобрал и выставил, повесил у себя над головой — пусть смеются над ним. Пускай не признают гения, он-то уверен и с этой уверенностью он крикнул вошедшему Георгию: «Нико свое возьмет! Нико победит!»

— Ты веришь? — как бы ободряя, спросил его Георгий.

— Верю.

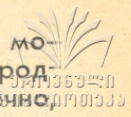
— Больше мне ничего и не надо знать.

Ресторан закрывался. Они прихватили вино, немного закуски, спустились на берег Куры и засели, засели основательно, рассвет неминуемо застиг бы их здесь. Шумя неслась Кура.

XIV

В ТУ ночь Эли осталась одна, и день пришлось провести в одиночестве. Ночью ничего особенного — заснула как убитая, после пережитого кошмара, заснула не раздеваясь, прикрылась только покрывалом с бахромой, набросила на поясицу и плечи, в одежде лежала на тахте, а Георгий внизу, у

входа, не было сил подниматься наверх; «Языком едва ворочал, — объяснила хозяйка Эли, — колени подкосились, упал, я одеялом укрыла». И осталась Эли одна, но и это ничего, ничего особенного, она бы сходила в парк, кого бы только ни встретила. Встретила бы, конечно. И встретила-таки первым Сандро Кавсадзе. Он возвращался с источников, прижав зеленый термос к белой рубашке, он и там выпил и с собой нес воду бессмертия, только дома он выпил бы ее не сразу, а стояла бы она, пока не настал час, предписанный врачом, потом выльет остатки, снова ходит к источнику, снова напьется воды из источника, наполнит зеленый термос, прижмет к белой рубашке и унесет с благоговением, благоговей и перед источником, и перед воздухом, и перед устремившимися в небо елями. Сандро уходил и возвращался по нескольку раз в день. Приходили и другие, приходили и уходили, в таких же белых рубашках, подпоясанные такими же белыми кручеными шелковыми поясами-шнурами с кисточками, с такими же зелеными или синими, красными или желтыми термосами, возвращались, несли воду домой, чтобы весь день была под рукой. Эли встретила Сандро, приостановилась, поклонилась, он поклонился в ответ, учтиво, но холодно. Однако холодность маэстро ничуть не смутила ее: «Наверное не узнали меня, я — Эли». «Ах да, не узнал сразу, — извинился он, — принял вас за нового члена ансамбля. Мочи нет от этих новых членов ансамбля». Он объяснил, что, почему и как его беспокоило: приходят и приносят с собой свой штат, занимаются в ансамбле, получают зарплату. Зачисляются никчемные люди, редкие лентяи, никуда не годные, увлекающиеся чем угодно, кроме искусства. Репетировать они не хотят, замечания их раздражают, тут же созывают собрания, в чем только ни обвиняют. По десять собраний в день созывают, все спорят, о чем только ни ораторствуют, только не о песне, не о голосах, и голоса у них не годятся. Ни голоса, ни слуха, но это их мало беспокоит, а если кто и одарен — совершенно лишен силы воли, лень заела, некоторых еще можно как-то увлечь, но они чему-то научатся и точка — застывают на первой же ступени. Никакого движения, все на один лад, сухо, без-

жизненно, будто это запись, пластинка, никак не могут избежать однообразия, а ведь это в нашем народном искусстве немыслимо. Песня есть песня, конечно, но при этом ее столько, сколько истинных певцов, скажу больше — ее столько, сколько она поется, однообразие не есть песня, однообразие — пустота, говоря яснее, однообразие — смерть разнообразия, смерть красоты. Я не думал, что какая-либо сила сможет одолеть грузинскую песню, не думал, а она вот-вот умрет у меня на руках.

— Я не думала, что это так, — Эли с нескрываемым удивлением смотрела на Кавсадзе.

— Увы, это так.

— И все же сомневаюсь.

— Мне не веришь?

— Ой, что вы?!

— Тогда в чем дело?

— Народ думает, что...

— Народ легко сбить с толку.

— Но не надолго.

— И все-таки потом бывает поздно. Ты все еще не веришь? Ну, да понятно — выходит большой ансамбль на сцену, уже не помещается и на больших сценах, сверкает в старинных грузинских костюмах, сверкает и гремит — впечатляюще, ничего не скажешь. Кто-то хочет завоевать имя, кто-то к чему-то стремится, и в газетах хорошее напишут, и по радио похвалят, кругом одни похвалы, вот и теряется народ, добрая моя, народ и тот теряется, а если когда-нибудь спохватится... Как бы до того не умерла грузинская песня, вот что меня пугает!

— Вы столько заботились о спасении грузинской песни...

— Это было легко, оказывается, народ пел, и я ходил в народ, изучал, восстанавливал, записывал, заучивал наизусть и заставлял заучивать, народ пел и мы пели вместе с народом; но вот не поет уже народ. Смолк народ, только с нами остается песня и только нам дано ее сохранить. Это трудно, очень трудно.

— И почетно.

— Да еще как! Ведь это и есть жизнь нации, это есть зеркало прошлого, сохранить его — значит и прошлое сохранить, не сохранишь — и убьешь прошлое, да еще какое прошлое!

— Этому не бывать.

— И я того же хочу, чего же еще могу я хотеть! Но дело требует и таланта, и любви, и разума.

— А что, разве перевелось у нас все это?

— Не знаю...

— Талант?

— Как тебе сказать...

— Любовь?..

— Ну, как тебе сказать...

— Разум, что ли?

— Тогда скажу тебе так: теперь такие собрались люди, вокруг меня, понятно, которым недостает и таланта, и любви, и разума. Слава богу, осталось несколько хороших певцов, несколько светлых лиц можно и среди молодежи разглядеть, и именно на их плечах вся тяжесть этого раздутого ансамбля, если сохраняем свое лицо, так благодаря им, и если не утратим его, тоже благодаря им, благодаря их радению и самоотверженности; на других полагаться не приходится, неизвестно, когда подведут, засыпят больничными листами, иногда и на гастроли отправляемся в половинном составе; но, представь себе, если нас приглашают в какой-либо большой город, они первые объявятся и отличиться захотят и как только рот открывают, боже мой, словно кинжалы в мое сердце вонзаются, в глазах темнеет и ничего, ничего уже я не понимаю, дирижирую хором или просто обреченно размахиваю руками, да и пожаловаться не могу, вот так оно и есть, и что мне предпринимать, не пойму, как-то все-таки решился и доложил — вы, мол, вот так вот без разбору к нам присылаете и присылаете людей, но выпускаем петь, а они не могут, так по крайней мере присылайте таких, чтобы смотреть на них можно было. Ведь сами понимаете, что сцене красота нужна. Гогочут в ответ: поглядите на него, красивых женщин ему на старости лет захотелось. Высмеяли меня, сплетни распустили всякие. И вот увидел тебя и решил, что надумали все же красивых женщин присылать, — усмехнулся Сандро.

— И холодно меня встретили?

— Нет, нет... — не очень уверенно возразил Сандро.

— Вы считаете, что красота и бездарность — близнецы-братья?

— Нет! Нет! — уже твердо заявил Сандро. — Но думаю, если бездарен, так пусть хоть красивым будет. Это другое, согласитесь.

— Допустим, я согласилась.

— Согласитесь. Начал вот жаловаться, и про отца твоего позабыл совсем. Это был большой покровитель народного искусства, наизусть знал наиблестящий репертуар, в том числе и песни Восточной Грузии, много мы у него переняли. Многое подправили с его помощью. Какие он знал застольные песни... Гм! Мы уже и «Аробную» неспособны петь, одна Маро Тархнишвили поет, женщина поет мужскую песню. Хорошо, что хоть женщина поет!.. Да и хор она сохранила, ни с кем не смешалась, не растворилась, никому не уступила, свое взяла, да еще как взяла.

— Я и Маро попрошу! — воскликнула Эли. — Как же это я про нее забыла.

— Она на Украине.

— Ах?!

— Выступает с большим успехом.

— О вашем успехе тоже много пишут.

— То, что пишут, — это одно, а что переживаю я сам — другое.

— К нам вы все-таки приедете... Вернее, подниметесь, и к вам снова вернется радость.

— Посмотрим.

— Непременно, непременно приедете!

— А если весь ансамбль захочет?

— Как вам угодно!

— Как же вы с таким количеством людей справитесь?

— Люди сами друг друга развлекут.

— Я спрашиваю, чем кормить будете?

— Это уже не наша печаль, пусть Зураб позаботится.

— Что же, его до сих пор оставили в покое?

— Ну, не совсем...

Отар Чхеидзе. Лабиринты ущелья.

— Приедем, все съедим, и он заодно успокоится.

— Ха-ха-ха... Так ему и передам.

Они сидели в аллее, неподалеку стоял лоток с мороженым. Возле лотка толпились дети и мамы. Не шумели, не рвались вперед, пытались завладеть лакомством, смотрели вприщур — задрав носы, с улыбкой, как бы дожидаясь своей очереди, собрались словно для того, чтобы смотреть, как продавец достает мороженое, закладывает его в формочки, — сначала кружочки вафель, потом мороженое, — заполняет их ловко, с увлечением хватая пальцами, ловко протягивает, радуется, любитесь делом своих рук, потому что они все смотрели, не толкались, конечно же, разве что слегка передвигались, и то для того, чтобы получше увидеть. И пробиралось, просеивалось солнце в сосновую аллею, просеянный свет солнца лежал на людях, газонах, кустах и цветах. Было тихо и покойно, было много людей и тем не менее было тихо.

— Искусство и в этом, как видишь, — проговорил Сандро.

— Да... — ответила ему или своим мыслям Эли.

Ответила и вся обратилась во внимание: к лотку подошел главный дирижер оперного театра Евгений Микеладзе; подошел, опустил руки на плечи детей, опустил, но как бы и не коснулся их — волнами нисходили руки, волнами нисходили пальцы, всплывали — произвольно, он и не помнил про свои руки. И смотрел на руки продавца, смотрел щурясь, морщась, вроде детей, слегка разинув рот. По-прежнему сияло солнце, вернее, сосны просеивали свет солнца. Подходили и другие, и Евгений оказался в самой гуще детей и мам; он отошел, уступил им дорогу, отодвигался постепенно, не досталось бы ему мороженое, но продавец, как уже отмечалось, знал свое дело, выяснилось, что и об очереди каждого помнил, и вопросительно взглянул на дирижера, тот поднял вверх три пальца, три пальца показались в воздухе, три стройные свечи, и оказалось, что... к ним направился Евгений!

— Вы о нас побеспокоились? — вздрогнула Эли.

— И о себе.

— Он художник, — заметил Сандро, кивая в сторону продавца мороженого.

— Да.

— Во всем нужно искусство.

— Да, — подтвердил Микеладзе.

— А искусству, искусству-то ничего не нужно?

Евгений усмехнулся, понял, что хочет сказать Сандро, промолчал, но тут в разговор вмешалась Эли, объяснила причины недовольства руководителя ансамбля. Искреннее огорчение сквозило в ее голосе, огорчение и надежда, что все это временно. «Все временно, — подтвердил Евгений Микеладзе, — временное взбаламучивается, вечное невозмутимо, муть оседает, но, бывало, взбаламученное фильтровалось — невозмутимое взбаламучивалось, так было, есть и будет.., а вот мороженого у нас нет». Сандро успел съесть свое мороженое, одна Эли никак не могла справиться, касалась губами, охлаждала полные, чувственные губы, мороженое таяло, по капле стекало по белым пальцам, таким белым, что невозможно было проследить за каплями, они появлялись на розовых ноготках. В этом была своя красота, но красота рук музыканта была совершенно иной — красноречивые, звучные, поющие, сверкающие, они сопровождали каждое его слово, а слова в общем-то были ни к чему, слова должны были уступить место языку жеста, как же иначе, когда пальцы, кисть, рука двигались так четко, ярко, понятно, едва ли можно было выразить словом нежнейшую, чистейшую чувственность, чрезмерное, крайнее волнение, не в ту минуту, конечно, когда было нужно, бывало нужно ему, причастившемуся к таинствам несравненных композиторов, их поверенному и другу. Но все это в свой час — не в эту минуту, сейчас он говорил оживленно, охотно, словно ничего его не беспокоило и он никогда ни о чем не беспокоился и не будет беспокоиться, ни в чем себе не откажет, как человек, перед которым простирался великий мир, богатейший мир музыки, щедрый и пленительный, и он шествовал, не останавливаясь, шествовал и дотрагивался рукой и заставлял звучать струны этого мира. Ничего грубого он не

касаясь, ничего аляповатого, ничего беззвучного, стона, ронился страшного или заглушал чистыми звуками, божественными звуками природы, заглушал, либо становился глухим и слепым ко злу, уходил в себя, замыкался в себе, проникал в суть музыки — суть вечного трепета и звал и вел за собой тех, кто шел за ним, кто мог идти. И он шествовал свободный, вольный по просторному миру, в котором были самые разные композиторы, и создающие мелодию, и разрушающие ее, чтобы в конечном счете к ней вернуться. Но сейчас не было повода для особого восторга и спокойно лежали руки на коленях, под просеянным светом солнца.

— Так вы приедете? — радостно повторяла Эли.

— Безусловно.

— Какое счастье! Неужели?

— Безусловно. Я ведь вам верю и буду весьма рад, если хоть одному человеку доставлю радость.

— Одному ли! Не скромничайте! — кокетничала Эли.

— Тем лучше, очень рад.

— Я тем более!

— Тому, что я согласился?

— Конечно.

— Вы сомневались?

— Боялась, что у вас не будет времени.

— Так оно и есть. Но кому под силу не уступить прекрасным?

— Батано Сандро, — воскликнула Эли, — вы слышите?

— Конечно.

— Отчего же вы не встретили меня так?

— Разве я не сказал вам, что в ансамбль начали присылать красивых женщин.

— Ха-ха-ха...

— Я назвал ее прекрасной, — заупрямился Евгений.

— Это одно и то же.

— Смотря кто как скажет.

Эли смеялась, щебетала и смотрела на них: состязались два художника, шутили и состязались.

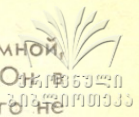
Вот, например: хормейстер воздел руки, воздел и заиграл ими, заиграл и впрямь красиво, как бы спел гимн красоте, лучи подхватили его, лучи, проникающие сквозь ветви елей и сосен.

И вслед воздел руки дирижер, возвел глаза и замер, замер в окружении высоких елей, среди... свечей. Замерли и они, как свидетели великой молитвы, поклонения прекрасному, вечному... Эли закрыла глаза, когда погасли свечи, закрыла, надеясь продлить видение, не хотела открывать, — там, в сосновой аллее, в прохладе, где сквозь ветви просеивалось солнце, где солнце мягко ложилось на землю в сосновой аллее, где задерживались даже высокомерные прохожие, не говоря уже о завистниках, пропади они пропадом, где задерживались и почитатели, конечно, и глазам их представлялась приятная картина, приятная, безусловно, картина: красивая женщина между двумя большими художниками, на скамье, в сосняке, озаренном мягким светом солнца. В юности я видел такую картину — фотографию, и помню ее по сей день, по сей день сопровождает она меня, но мне кажется — намного сильнее была картина живая. Все это длилось недолго, они, конечно же, разошлись, еще раз пообещав непременно приехать в Квацихе, и заодно посоветовали, или велели, обязательно пригласить сестер Ишхнели: «Весьма их обрадуешь», — кто из двоих говорил, неважно, — беспокоились оба, что Ишхнели почему-то назвали салонными певицами и отвергли, как все салонное; они нигде не числятся, нигде зарплаты не получают, никуда их не приглашают и трудно им приходится, и материально и морально трудно. Приглашение ободрит; это же хор, это же явление, своеобразное, неповторимое, и все это теряется, родились бы они чуть пораньше или чуть позже, — но поймут их, когда-нибудь поймут, но, к сожалению, будет уже поздно — природа беспощадно берет свое. Так они и ушли обеспокоенными, один — в одну сторону, другой — в другую, даже проститься забыли или запоздали: только потом обернулся Сандро, издали кивнул головой, Евгений тоже обернулся, помахал ру-

кой; многие прощаются языком жестов, но это прощание было другим, это была музыкальная фраза из какой-то оперы. Эли не могла вспомнить, какой именно. И просеивалось солнце сквозь лохматые ветви сосен...

XV

ПОТОМ Эли очутилась возле родников, потом возле водопада в Боржом-парке, перешла на противоположный берег Боржомулы и посидела у воды на бревне, перебирала прибрежные камушки, отбирала похожие на зверей или птиц, поразвлеклась и решила захватить с собой; собрала цветы, играла полевыми цветами и слушала Тамар, композитора Тамар Вахвашишвили, иногда грустноватую, иногда приподнятую, но всегда звучную, поющую; они встретились там же, в сосновой аллее, — Ушанги Чхеидзе ускользнул, вам, говорит, вдвоем будет лучше, ускользнул и показывался то у родников, то у водопада, то на нехожих тропинках; то махал рукой с противоположного берега, и я тут, дескать, махал и скрывался, потом снова показывался и снова скрывался, и кто только ни показывался... Они как-то даже избегали знакомых, ну а если это не удавалось, кивали им головой или махали рукой так, что жест говорил сам за себя — оставьте нас одних. Тамар грустила, и Эли разделяла ее грусть. Эли сочувствовала любому ее состоянию. «Он покинет нас, — грустно говорила Тамар, — понимаешь, Котэ, Котэ Марджанишвили. Пока его приглашают на отдельные постановки, уезжает... возвращается. В конце концов надоеет — там и останется, в Москве или Ленинграде, или будет работать в обоих городах — он может ставить два спектакля одновременно и одновременно руководить двумя театрами. Не лежит у него уже сердце к родному городу. Иные полагают, что это временно, пройдет, мол, хандра, простит, если и обидели, простит великодушно, простит и останется. Не думаю, нет, нет, не думаю. Знаешь, у него вырывается порой, печально вырывается: «Вы можете и без меня», говорит, чуть не плача, и часто это с ним — каждый миг, минуту каждую. Хочется прикрикнуть на него, но

у меня срывается голос, что-то происходит со мной, что-то странное, я чуть ли не теряю сознание... Он испуге бросается ко мне: «Что с тобой?», а я ничего не могу ответить, потому что не знаю, не понимаю и плачу беззвучно, одни слезы катятся по лицу. Он советует обратиться к врачам, или сам водит меня к ним, он и в поездки меня берет, чтобы я писала музыку к его постановкам, но не этого мне хочется. Он должен оставаться здесь, должен вернуть свою былую привязанность к своему же театру и навсегда остаться здесь, иначе он не выдержит. Театр выдержит, и это его радует искренне и огорчает: «Вы можете и без меня обойтись», — скажет, вздохнет тяжело и глаза завлажнеют, и тут же становятся сухими, и огонь загорается прежний... А я стою, пальцы себе ломаю, и с лицом происходит что-то, кривится, наверное, у меня лицо! Уедет он, покинет нас... Ужасно это предчувствие... И не выдержит...»

— Почему ты так думаешь?

— Сама не знаю.

— Неведенье правит нами. Должно быть, не хватает сил, чтобы постигнуть неведомое.

— Мысли, должно быть, путаются.

— От бессилия это.

— Надежду, должно быть, теряем.

— От бессилия это.

— Страху, должно быть, покоряемся.

— От бессилия это.

— Ах! Другое у меня на языке, а ты заладила — от бессилия да от бессилия...

— Да... Не буду. Умные люди советуют избавляться от страха и тяжелых раздумий, — сказала Эли.

— Иногда это мне удается, здесь по крайней мере... ты видела Мзетамзе на рассвете? Или в сумерки? Великолепен, не правда ли?

— Несравненен восход солнца на Цхрацкаро.

— Утро там долгое! — Тамар подняла руку, заиграла пальцами, словно перенесла их через склоны, через ельник, отыскала где-то среди горных хребтов лужайку, усеянную цветами, и растворилась в них. —

Роса сверкает на солнце, сверкают цветы, омытые росой, переливаются радугой, и ты бежишь среди цветов по вспененному морю радуг, в колышущихся волнах радуг, мчишься и кричишь, и цветы начинают кричать, сильнее раскачиваться, они настигают, хочешь убежать, спотыкаешься, но не падаешь, они нагоняют тебя. подхватывают на руки, раскачивают. Земля и небо начинают вертеться, кружиться, кружатся тысячи красок, ты смыкаешь глаза и слышишь шепот, слышишь слова причастия, клятву, слышишь божественный голос и смыкаешь глаза — все кругом окутано радугами и ты промокла, и ты, и он, вы промокли под дождем цветов. Ну, а сумерки — совершенно иное, краски гаснут, тонут, мрак внезапно окутывает ущелья, а Мзетамзе по-прежнему горит от солнца. Ты уже во мраке, вы оба во мраке, а вершина Мзетамзе сияет и горит, и как будто начинает крошиться, разваливаться, кажется, обрушится на вас обоих. Ты трепещешь и дрожишь, и прижимаешься к нему, и он прижимает тебя к своей груди и шепчет что-то, и исчезает дрожь страха или сливается с трепетом блаженства. На Мзетамзе горит солнце, солнце крошится, тает, тает, и ты как бы идешь за ним, протянув руки из тьмы, идешь, но тает оно, тает, исчезает... Ты стоишь с протянутыми руками и слышишь шепот, шепот леса, шепот гор, говор божественный. Ты стоишь с протянутыми из мрака руками...

— Прекрасно! — взгляд Эли ищет Мзетамзе за ущельем, за ущельями, где-то вдали — можно вообразить, предположить...

— Было...

— Ведь было?

— Было.

— Уже и сожаления нет.

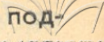
— Уже нет!

— Ничто не вечно.

— Ничто не вечно.

И неожиданно раздался смех, смеялся Шалва Нуцубидзе — один лес так смеется. По тропинке, на противоположном берегу, шел Шалва и смеялся, резко, громко, смеялись и его спутники, кто пронительно, кто звонко, кто как — неважно, главное,

Шалва выделялся своим смехом, сияющим лицом и поднятой в знак приветствия рукой. Говорил он без умолку, другим слова не давал сказать, а им (покорным слушателям, отнюдь не соперникам) только этого и надо было. Они следовали за ним, смотрели на него, любовались им и ждали очередного анекдота или остроты, их ожидание оправдывалось, и смеялись, хотя и в этом искусстве, искусстве смеха, не могли превзойти Шалву. Так и предстал досточтимый Шалва перед женщинами, погружившимися в философское раздумье, прошел мимо, перестав смеяться, и по-своему степенно, раздумчиво начал что-то рассказывать. Степенность, однако же, улетучивалась постепенно — ученый входил в азарт, рассказывал все более увлеченно, размахивал руками, голову пригнул, напряг сильную шею, словно приготовился бодаться или на врагов наступал. Солнце начинало припекать, капельки пота бусинками сверкали на его сильной шее, а когда опускалась тень, густая, плотная, прохладная, он стоял и убежденно говорил о древности эпоса об Амирани, ссылаясь на сохранившиеся строфы, восстанавливал утерянные, сравнивал со сказаниями о Прометее и Гильгамеше и доказывал первичность грузинского мифа (именно тогда он и опускал голову, что твой бык), превозносил крайнюю бескомпромиссность Амирани (у Прометея и Гильгамеша нет-нет да находил слабинки); он переносил на склоны Кавказских гор костры первого огня, первую выплавку железа, первую наковальню, первую сталь, переносил или искал следы первичности кавказской кузницы, искал и находил! «Здесь, — доказывал он, — начинался Ренессанс», и, прижимая к груди «Вепхисткаосани», бросал вызов Европе: «Представьте что-либо более величественное, более глубокое и оригинальное!». И тут же, посмеиваясь, как бы про себя произносил устами Руставели имя Дионисия. Никто не знал причины его смеха, скрытой радости, но ничего не оставалось неузнанным, и узнали позднее, когда он, в который раз отбыв заключение, возвращался на кафедру Тбилисского университета или по-прежнему прогуливался

здесь и здесь же обрела, только ступила ногой на родную землю, только фэтон очутился в лесу, в Рионском лесу... Этого не забыть, пусть хоть это будет вечным! Согласись со мной, прошу! Уступи мне, прошу! — это походило и на шутку и на мольбу, на молитву, вознесенную к провидению. Эли поторопилась опередить само провидение:

— Уступаю.

— Спасибо, дорогая! — Тамар сидела задумчивая, наверное, мысленно все еще находилась в Рионском лесу, именно в Рионском, а не Булонском.

По дощатому мостку прошел Павле Ингорква в белой шелковой рубахе навывпуск; ветер или ветерок норсвил стянуть рубаху, унести ее вместе с хозяином. Ветер развернул полы рубахи, Павле никак не мог собрать их худыми руками. А где он был, ветер? Выходило точно как у Галактиона: «Не видно ветра, не слышно ветра, вершины все же качает ветер».

Он перешел шаткий мосток, вышел на тропинку, сбежал от нуцубидзевской группы, сделал большущий крюк, убежал, опустив голову, оставался наедине со своими мыслями, улыбался своим мыслям, поразительным гипотезам, и впадал в дурман. Он не был красноречив, слушатель его не радовал и на трибуну он не поднимался, не вступал в споры, а то и вовсе не приходил на диспуты, и в своих книгах не задевал никого. близко к себе не подпускал разъяренных, почему-то разъяренных его догадками, он и не допускал их к себе и не уступал, добавлял все новые и новые материалы, доказывал убедительно, если даже не хватало документов, ссылаясь на Мерчуле, сбъяснял таинственнейшие события нашей истории, восстанавливал биографию Руставели, расшифровывал ноты средневековой гимнографии, грузинской, естественно, и писал прекрасно, умел выражать свои мысли, завидовали и этому, злились и придирались, склонялось его имя, склонялось и вертелось на языке чрезвычайных докладов и информации, в речах опять чрезвычайных, статьях, книгах, а он, как ни в чем не бывало, уединялся, погружался в глубины истории и поднимал все новые жемчужины,

---

Отар Чхеидзе. Лабиринты ущелья.

поднимался и поднимал, отвергали, и вновь уходил вглубь. Отвергали, однако использовали, великолепно использовали его находки, открытия, переписывали и перерисовывали, присваивали и отличались, завоевывали себе имя, обрастали наградами, а он, как ни в чем не бывало, уходил все глубже и глубже... Павле был другом Шалвы, если остался человек, над которым тот не произдевался, это был Павле; причем в присутствии Павле он даже понижал громовой свой голос, как вот сейчас, пусть, говорит, уйдет, минует нас, погрузится в свои мысли... А Павле все никак не удавалось справиться с полами своей рубахи...

«Вершины все же колеблет ветер», — это, должно быть, Ушанги, голос опережал его, густой и звучный голос словно переправлялся через Боржомулу, перепрыгивая с камня на камень.

«Вы ведь тоже приедете к нам?» — такими словами встретила Эли высокого, долговязого молодого человека. Он вздрогнул, съежился, будто чего-то испугался, и выговорил через силу, едва слышно: «Будь ты невинна как лед и чиста как снег, клевета все равно тебя не минует. Говорю, ступай в монастырь. Прощай!.. Если ты все же выйдешь замуж, выбери глупого, не то умные хорошо понимают, какой ужас вы им готовите. Иди в монастырь, иди скорее! Прощай!..» Замерло ущелье, встrepенулись глыбы... Глыбы, конечно, лежали неподвижно — женщины встrepенулись; замерли сперва, потом встrepенулись, они были очарованы, понятно: внезапно, вдруг, безо всякой подготовки несравненный мастер разыграл сцену, которую они не раз видели и слышали в театре, но здесь она звучала совершенно особо, здесь, на каменистом берегу, в ущелье между глыбами, где, сверкая, бежала Боржомула.

— Боже мой! — вырвалось у Тamar, и она закрыла глаза.

Эли глубоко вздохнула.

— Вы нам монолог прочтете? — проговорила она.

— Сейчас? — Ушанги чуть было не пообломал себе пальцы.

— Нет, не сейчас, — поторопилась успокоить его Эли, — когда приедете к нам.

— А Верико не просите? — то ли спросил, то ли не помнил он. — Тогда мы всю картину представим.

— О, как хорошо! Как они обрадуются! — Эли, понятно, разумела своих подружек.

Еще бы не обрадоваться, одного вечера навряд ли хватит, продлись он хоть до утра, — со столькими она договорилась, помимо тех, с которыми мы уже познакомились. В числе изъявивших согласие приехать в Квацixe был Государственный квартет и режиссер Сандро Ахметели, и Васо Годзиашвили, и Эммануил Апхайдзе, и Государственный симфонический оркестр, — ей было все равно, она не разбирала, приглашала, кого встречала, какой бы жанр они ни представляли; казалось, в то лето специально собралось их столько, истинных мастеров искусства, и они соглашались, не раздумывая, с радостью, сами же заговаривали о Цхрацкаро, и туда, мол, заодно поднимемся. Конечно же, безусловно!..

День был спокойный, природа была спокойна, одни боржомские улицы и парк исполнены были беспокойства.

XVI

БУДТО само провидение их собрало, приехали, съехались с гор, ущелий. Сосо Гришашвили и Мариджан, к примеру, прибыли из Цагвери.

Сосо смеялся, смеялся, от смеха у него перехватывало дыхание: «Если бы вы знали, если бы вы знали!..» — он не мог выговорить ничего больше.

Мариджан нарочито на него сердилась, нарочито и зря.

Сосо все не унимался. «Если бы вы знали, Мариджан обзавелась ослом, так о нем весь Цагвери говорит. Какое это зрелище, если бы вы знали... какие анекдоты... какая ругань...» — смеялся, и перехватывало у него дыхание, и приятен был ему ласковый гнев. Потом как бы одернул себя: «Три грации меня окружают, а я смеюсь так грубо».

Три грации:

Эли, Тамар, Мариджан.

Или: Эли, Мариджан, Тамар.

Или: Мариджан, Эли, Тамар, — или как хотите.

Сосо не растерялся.

— Которую предпочитаешь? — спросила Мариджан.

— Это выше моих сил.

— Неужели не меня? — нахмурила брови Афина, скажем Тамар. — Меня первой признаешь, и я принесу тебе славу.

— Я наиболее популярнейший поэт Грузии, — напомнил Сосо.

— Я сделаю тебя наиболее богатым, — обещала Мариджан, скажем Гера.

— Богатство осуждают, богатого преследуют, — напомнил Сосо.

— Я принесу тебе любовь красивейшей женщины, — вкрадчиво сказала Эли, Афродита.

— Меня уже любит красивейшая женщина, — напомнил Сосо.

Ничего не поделав, они сложили оружие. Новоявленный Парис не ошибся — Трои не спасти, она сметена с лица земли, а тут еще появились фотографии, не давали покоя, старые фотографии Боржом-парка, с ящиками о трех высоких ножках, закутанными в черную материю, каждый тащил поэта к себе, и он не обижал никого, благо фотографии были его страстью, и он собирал вокруг себя фотографов так же, как букинистов, как пьяниц собирал вокруг себя; его, собственно, можно было назвать пьяницей по части книг, фотографий, сцены, аплодисментов... Что угодно, только не вино, боже упаси, он не дотрагивался до крепких напитков, и никто, даже самые заядлые пьяницы, даже друзья-весельчаки, карачохели, не могли его совратить. Карачохели, тогда они еще были, теперь их нет, не стало старого Тбилиси, не стало, и он оплакал их в своих стихах. Он воспевал женщину, как трубадур, он воспевал головокружительную страсть. И женщины его боготворили. Я не преувеличиваю несколько. Они, милые дамы, шептали его стихи вместо молитвы, припадали к его стопам,

и он не оставался в долгу; не обделял ласковым взглядом и комплиментом никого, независимо от степени привлекательности, и, возможно, именно благодаря этому глубоко западал в чувствительные души ко всеобщему негодованию сильного пола, ну и злились же они, завидовали, ворчали, в основном поэты, разумеется, но ничего не напишешь, они складывали оружие, и на вечерах поэзии, только он появлялся, тут же приспускали знамена и присоединяли свои обиженные аплодисменты, вялые аплодисменты, к горячим аплодисментам возбужденных залов и площадей, впрочем, надо сказать, что не оставались до конца, выбегали, ругаясь на чем свет стоит. Поэты из числа более высокомерных вовсе не приходили, если знали, что и он должен прийти. И он знал, кого избегать, и избегал, но другим это приходилось делать чаще.

И в Боржоми, наверное, избегали... Кто-то повернулся, шел медленно навстречу, вдруг повернулся и пошел прочь, да он и сам никого не желал видеть. Парис очутился в своей стихии, среди женщин и фотографов. Не мешкая, забрался на вяз и лег на огромную ветвь. «Хорошо! — изрекал фотограф. — Хорошо, замрите, снимаю». Поэту захотелось также иметь фотографию, где он, стоя в речке, обливает водой женщин на берегу. Потом и дамы вошли в воду, сфотографировались и на камнях стояли, и на деревья лазали, и за ветки цеплялись, и на лавке сидели, приложив голову к голове, и слушали Сосо, воздевшего руки и читавшего стихотворение, и Сосо слушал, когда они втроем в один голос твердили одно и то же. Слушал, но ничего не понимал; где только они ни побывали, как только ни развлекались: в хороводе неслись и в прятки играли, ни уголка не оставили, более или менее примечательного, и под водопад головы подсовывали, и воду пили из источников, задрав головы и поднимая стаканы, — все это придумывал Сосо, придумывал вдохновленный, заставлял поддерживать его, они как будто упрямылись, сопротивлялись, но тем не менее шли за ним,

звонко смеясь, за ними — фотографии с треногами и большими ящиками в черных покрывалах на плечах, шли, словно никого вокруг не было: поэт и музы — никого больше, никого больше, и вдруг... поэт нахмурился.

— Я и заговаривать не должен был, — пожалел поэт.

— Наверное, со мной! — испугалась Эли.

— Конечно, с тобой...

— Боже, в чем я провинилась?

— Еще и спрашиваешь?

— А как же, если невинна.

— Боже мой!

— В чем же я провинилась?!

— Не пригласили...

— Мы вас приглашаем.

— Вовремя, нечего сказать, весь мир уже пригласили...

— Мы не могли вас найти.

— Меня?! Да на камень наступи, и тот мое имя скажет, ветку встряхни, мой адрес укажет. Не буду с тобой разговаривать. Я с тобой в ссоре.

И ссору запечатлели на пленке, и раскаяние, и примирение. Получилось до того выразительно, что Михаил Чиаурели сказал, когда ему показали фотографии: «Это же фильм! Сосбщили бы, я вам оператора Дигмелова прислал бы. Блестящий артистизм пропал даром. Все равно приглашу вас сниматься в «Последнем маскараде». «В последнем не надо, — отказался Сосо, — пусть будет просто маскарад, раз ты настаиваешь, только не последний». Отказался — и тот не пригласил, может, и не думал, пошутил просто, как бы там ни было, Эли он пригласил. В эпизоде приема послов среди гостей или хозяев, неважно, есть и она, и она выделяется среди всех остальных. Выделялась ли она и тут, не могу сказать, но новоявленный Парис был осторожен, и когда говорил ей комплимент, тут же рассыпался в комплиментах перед остальными, если одной рукой поддерживал ее, им протягивал обе, если на одной фотографии оказывался рядом с ней, на парных снимках стано-

вился между двумя остальными, смягчал ревнивые взгляды, смягчал или нет, они замечали его пристрастие и журили ласково, без злобы. Хороший был день!

Но страх время от времени ввергал Эли в дрожь, мерещилось ей — со всех сторон смотрит на нее дурной глаз: то из лесу выглянет, то откуда-то впивается ей в спину... И дрожь пробирала Эли. Стоило ей уняться, как вновь начинал сверкать дурной глаз. Тамар не могла понять, что происходит с ее подругой, Мариджан советовала обратиться к врачу, Сосо пытался развлечь; дурной глаз исчезал, исчезал и появлялся вновь, сверкая пуще прежнего, а то не исчезал вовсе, она уже и к источникам не спускалась, готова была сбежать: Сосо как назло не хотел уходить, перепробовал все источники, подавали и он не отказывался, спускался вниз, помогал женщинам в белых халатах, подавал гранеными стаканами не только знакомым, но всем, множеству знакомых и незнакомых предлагал, и люди, в особенности, конечно, дамы, перегибались через мраморные стены бассейна, протягивали руки за водой, и он вертелся бодрый, веселый, свободный, счастливый, о возвращении и думать не думал, а дурной глаз между тем сверлил Эли, тот же глаз, дурной, черный, отливающий синевой, не предвещающий добра, пронизывал до мозга костей. Где он гнездился, откуда набрасывался? Не поймешь — скамеек было много в открытом зале и народу предостаточно — одни сидели, другие стояли, третьи сновали взад-вперед, порхали, девушки вообще всполошили все вокруг, пожилые семенили, матери, быстро шагая, несли грудных детей, пусть, мол, освятит их вода, налитая рукой поэта. Может, то был глаз рока, спускающийся с боржомского неба, маленького неба, маленького, которое, тем не менее, смотрит на тебя отовсюду, но и Талала померещилась ей, вначале среди белых халатов, потом поодаль, среди порхающих и семенящих, потом еще дальше, среди сидящих на лавках. У Эли рябило в глазах, вокруг смеялись, щебетали, играли, валяли дурака, мешали смот-

---

Отар Чхеидзе. Лабиринты ущелья.

реть. Впрочем, для чего ей это было нужно, или почему померещилась Талала? Она не могла понять, не могла убежать от глаза судьбы и от людей, тут еще Гульчина привиделась, это после, в кафе, когда им удалось избавиться от трещавших девиц (вернее, Сосо удалось избавиться), когда они пожаловались, что устали и проголодались. Сосо потребовал люля-кебаб и лимонад, ничего больше, нечего, мол, по сторонам глазеть, а платить за это вам придется, все свои деньги я фотографам всучил. И в кафе Эли снова увидела горящий глаз, в задних дверях, он сверкал зло, но недолго, сверкнул и погас, как будто Гульчина мелькнула, скользнула за чьей-то рукой, так ей показалось, и (это уже на самом деле) в дальнем углу кафе загромыхали стулья, загромыхали столы, один стол несли в их сторону — Шалва решил объединить столы: Шалва шумел, то есть Нуцубидзе, и второй Шалва был здесь, одной рукой подталкивал стол, подталкивал или придерживал (нельзя было понять, что он делал, лицо его ничего не выражало, изрядно измятое коричневое лицо). И портфель он держал цвета своего лица в другой руке, конечно же, как всегда неразлучный портфель. Он износился, пообтрепался, что лежало в нем, трудно сказать, возможно — «Вепхисткаосани», который он так тщательно заучивал наизусть, заучивал и не мог заучить, не мог вовремя привести нужные строфы, хотя зачем это ему было нужно, Шалве первому то есть, он сам все прекрасно от начала до конца помнил и просто ради удовольствия Шалвы второго обращался к нему, на лекциях заставлял слушателей подняться, повернуться к нему лицом — ждал, что он скажет, ждал и смеялся. И ободрял его, ну, сам, мол, знаешь, сам, мол, знаешь, а что он знал, нельзя было понять, или чего ему хотелось, нельзя было догадаться — подталкивал или придерживал стол, нельзя было догадаться. И все-таки придвинули, приставили, сели:

- Их надо жалеть, — Шалва говорил, как тамада.
- Женщин?! — удивлялся Сосо.
- Женщин.
- Женщин надо боготворить.

— Надо боготворить и жалеть: столько воды, а теперь еще и лимонад.

— Так они пожелали.

— Ты должен догадаться: желают лимонад, подразумевают шампанское.

— На этот раз, увы, они знают, что у меня нет денег.

— Другому все равно стало бы стыдно.

— Например?

— Уважаемому Шалве, например! — это было сказано с апломбом Шалвы первого — второй улыбнулся, сам не понимая почему.

— Поэт беден, — заметил Сосо, — у поэта не бывает денег.

— Не бывает, значит, поэт — голодранец, — захохотал Шалва первый.

— Каждый грузин — поэт, — заметила Мариджан.

— Грузинский поэт — дважды поэт, — прибавила Тamar.

— И дважды бедный, прибавьте, — отрезал Шалва, Шалва первый, Шалва второй рассмеялся коротким смехом — отрезал на свой лад.

— Как бы наименее бедным не стал наш поэт из поэтов, — вставила Эли.

— И не удивляйтесь! — произнес Шалва, разводя руками, играя плечами, трясая головой, произнес с апломбом и уверенностью.

— Поэзия вам не деньги, — заупрямился Сосо.

— Нет и нет, ни в коем случае, разумеется, — поддержал его Шалва. — Поэзия — лишения, поэзия — несчастья.

— Ах, что вы, — возмутилась Мариджан, — поэзия — это прекрасно!

— Отдушина, — Шалва не дал ей договорить, — отдушина, потому мы ее называли прекрасной. Прежде всего она трагедия, рок всей нации. Потому-то у нас все поэты.

— Истинный поэт — дважды поэт, — улыбнулась Тamar.

— Наибеднейший — поэт из поэтов! Ха-ха-ха... / и по залу прогремел смех Шалвы.

— Вы, говорят, тоже начали... — заметила Эли.

— Я ведь тоже беден, — он возвел руки, как бы обращаясь к потолку.

— Мы прочли отрывки «Амирани».

— Неужели?!

— Почему вы удивляетесь?

— Теперь такое время. Никто ничего не читает — только пишут! — Шалва ударил кулаком по столу.

— Как это?! Вы, например?

— Так мы ведь другие, не правда, Шалва? — громко спросил он у Шалвы второго, который, разинув рот, смотрел на него. Все взгляды обратились к Шалве второму в ожидании, что он скажет, но он ничего не сказал, сперва положил портфель на пол, потом поставил к себе на колени, растянутые его губы сжались.

Шалва рассмеялся, Шалва первый, значит, он любил смеяться и вовсе без причины, а тут хватало Шалвы второго, и причиной он бывал и поводом, взглянет на него и засмеется.

Как бы там ни было, хороший выдался день!

И дурной глаз уже без прежнего свирепого блеска преследовал Эли, поблек или угас, то ли сама Эли заулыбалась в ответ своим мыслям: при чем Талала или Гульчина, с чего это они ей померещились. Никого больше она не вспомнила, никто и не мерещился больше. И в самом деле столько было живых впечатлений, столько встреч с людьми, приятными, интересными, и не устала она ничуть, и о квартире не вспомнила, ни о квацихской, ни о тбилисской, ни о боржомской. Тамар звала ее к себе ночевать, ну а завтра куда только ее ни приглашали!.. Сосо расхвастался, что знает места куда более восхитительные. «Сфотографируемся куда интереснее, и стихотворение напишу «Трем грациям», всем троим посвящу, всем трем и прочту». И с сестрами Ишхнели встретились, те приехали из Кортанети...

День был хороший, хорошо он завершился, хорошо. Завершился тем, что Шалва первый вместе с Шалвой вторым проводили Эли до дому.

— Попрощались возле спуска, возле узкого спуска.

Было светло, лампочка светила, и луна еще не скрылась в облаках, одним словом, дорогу нетрудно было различить. И попрощались, но Шалва первый все же предложил Шалве второму проводить даму.

— Благодарю! — рассмеялась Эли.

— Все-таки проводил бы, — Шалва первый не оставал.

— А что... — ответил Шалва второй, ответил так, словно выразил невесть как много одним этим словом.

— Ты, верно, слышал, Жан-Жак Руссо километры пешком проходил, чтобы поцеловать руку мадам де Варес.

— Да... — подтвердил Шалва второй, усмехнувшись.

— Так вот, что тебе этот узкий спуск. Проводил бы...

— Ддддаааа... — как будто что-то понял Шалва второй, бог его знает, понял ли?

— Кто знает, мы люди, — подбадривал Шалва первый...

— Хо-хо-хо... — засмеялся, или заржал, Шалва второй, как бы давая понять, что ему все ясно.

— Человек всегда должен надеяться, — продолжал твердить Шалва первый, — на все надеяться.

Эли рассмеялась, но тут же заглушил ее смех Шалвы первого, смех самоуверенного мужчины.

XVII

СИЯЛА полная луна, сверкало небо, усеянное звездами, плыли облака, белые-пребелые. пушистые облака, хотя казалось, луна плыла, или балкон плыл, и он стоял на балконе и плыл.

Он и качалку раскачивал, слегка раскачивал стул-качалку, раскачивал и плыл, плыл, плыл.

В комнате было темно, лунный свет лежал на балконе, почти не проникал в комнату.

И Эли не стала зажигать лампу, пошла по полоске света, вступила в безбрежье звезд. Позади остались

лес и горы, впереди было небо, похожее на море, и звезды, погруженные в море.

— Плыдем! — сказала Эли.

Мужчина не произнес ни звука, раскачивался по-прежнему медленно, откинув голову.

Эли подошла, попритржала качалку, остановила. — Сердишься? — спросила Эли.

— Нет, — он закрыл глаза, — нет, — повторил он тверже.

— Пропала на весь день, — как бы напомнила Эли.

— Наверное, все сделала...

— Да... Кого только ни встретила?! Перечислить?

— Знаю, — сказал он.

— Что ты знаешь? — она села к нему на колени, прижалась головой к груди и замерла.

— А что там знать, все они здесь, и значит, всех встретишь, если захочешь.

— Так оно и было, — прошептали губы Эли.

— Так вернемся?

— Как хочешь, — она подняла голову и взглянула на него.

— Мне все равно, — он погладил ее по волосам, снова прижал к груди и слегка раскачал качалку.

— А ты никого не должен встретить?

— Там встречу.

— А почему не здесь?

— Там встречу.

— А что тебе здесь мешает?

— Не знаю, что тебе ответить.

— Что-то мешает. Потому и напился, — она опять подняла голову, взяла его руку, прижала к щеке.

— Нет.

— А почему?

— Не потому.

— Сердишься?

— Нет, говорю.

— Останемся?

— Как хочешь.

— Останемся!

— Воля твоя.

— А ты?

- Мне безразлично.
- Все? Все безразлично?
- Все!.. Кроме тебя...

Зажмурила глаза, теснее прижалась к нему. Он ласково спросил ее:

- Тебе не холодно?
- Нет.
- А дрожишь как?
- Страх меня пробрал.
- Страх?!

— Да! Показалось, будто злой глаз глядит на нас сверху.

- Глаз божий...
- Нет, дурной, злой глаз.
- Всевышний глаз, он — божий, глаз преисподней
- злой.
- Не знаю.
- Знай.

— Не знаю, боюсь! Весь день он преследует меня. День был хороший, и он никак не смог испортить его, а теперь вот снова...

— Нет, нет, взгляни вверх, прошу. Сияет белая луна и облако белоснежно.

Женщина взглянула вверх.

— Действительно, луна белая и облако белоснежное. А мне Талала почудилась с дурным глазом.

— Талала?!

— Женщина одна, молоко и масло привозит в Квачихе. Давно она не показывалась, и тут она мне почудилась, и Гульчина... с дурным глазом...

— Гульчина?!

— Ты же ее знаешь!

— Да...

— Сверкнула дурным глазом и исчезла, ускользнула, как змея.

— Замучалась ты.

— Не очень. Хорошие люди окружали меня. Не очень, говорю.

— А сейчас?

— Прошло. Луна белизной сияет и облако бело-
снежно, и мы плывем.

— Сверкает небо звездное, и мы плывем.

— Плывем. Только до каких пор?

— Вот в чем вопрос!..

Замерла Эли, застыла, словно дышать перестала. Замер и мужчина, не раскачивался более, остановил качалку, незаметно давая ей успокоиться, отдохнуть, но нет.

— А дальше? — откуда-то издалика проговорила она.

— А дальше?! — удивился мужчина.

— Да, да... ты так начал, как Ушанги.

— Не слушал я Ушанги.

— Нет?!

— Нет...

— А произнес как он!

— Значит, прочувствовал.

Эли взглянула на него, только взглянула и снова прижалась к нему, снова замерла. Качалка закачалась, мужчина ее остановил. Луна заблудилась среди облаков, выбиралась и застревала снова, начинало темнеть и опять становилось светло, луна билась об острые ребра облаков, металась из стороны в сторону, рассеченная на части.

— Это видно по тебе, — продолжила Эли прерванный разговор.

— Неужели?

— Видно. Это ты и в самом деле произнес как Ушанги. Или ты его слушал, или ты великий актер.

— А вдруг... — усмехнулся мужчина.

— Нет! Ты так растерялся...

— В гостинице?

— Да. Чуть не потерял сознание.

— Не знаю... Я давно не слышал своего имени.

— Понятно. — Она пристально на него посмотрела. Он отвел глаза. — Я ни о чем не спрашиваю, только убеждена...

На небе снова показались пушистые облака, уже ничего не мешало луне, она плыла свободно и вольно, плыл балкон, и качалка покачивалась или плыла на свой манер.

— Ты, должно быть, догадалась. Мы только догадываемся, догадываемся и только, ни на что больше не способны. — Голос у него был грустный и не очень уверенный. — Это и есть трагедия, здесь она начинается, здесь и кончается. Сколько бы ни искали, сколько бы ни копались, ничего не найти — догадываемся и только. Хорошо, хоть догадываемся, горе тем, кто и догадаться-то не в состоянии, слепо следует за слепой судьбой... Человек застрял на сложном пути, на длинном пути, застрял и увяз, как только оторвался от матери-природы, и смотрит на высший разум, стремится к нему и смотрит. Он улыбается терпеливо, только лишь улыбается терпеливо и пальцем не шевельнет, чтобы помочь, помашет рукой и скроется. До далекого и недостижимого нужно много времени. Земля столько времени и не выдержит, нет, не выдержит, и тщетны муки эти непознанные, надежда тщетна. Нельзя было отграничиваться от природы, матери нашей, отграничиваться от естественности, с коей родились. Сохранили бы и сохранились, а так — что мы постигли?.. Малейшее чувство трагического, вращение головокружительное, кружение на одной точке, которое кажется нам стремлением, и, коли кажется, никто и ничто нас не разубедит, даже злая сила. Человек был — от природы, и был он свободен, оторвался от природы — и стал тем, кем есть, отрываясь да не совсем, там же кружится, там же мается, утратил все и ничего не обрел взамен, далек он, высший разум, далека свобода ума, природное близко по-прежнему, тут же, только надо обернуться, но поворот этот, может, и труднее, чем безрассудное наше стремление? Кто знает, кто ведает, я не берусь судить. Иная забота лежит на моем сердце: разбрелось стадо, гурт рассеялся, табун разбежался, оторвались друг от друга и перемешались, собрались в одно стадо и перемешались, так перемешались или разбрелись, что русло природы испортилось, и лицо своеобразное перестало существовать, все стало однообразным, все — на один манер; красота исчезла, понятно, исчезло прекрасное, равное высочайшему разуму. Ис-

чезло то, к чему стремились: надежда на передышку по тропе мучений, горькой стала жизнь сверх меры, ибо мы ведаем: «что будет там, в том темном и чуждом доме краю, откуда не возвращался ни один путник», — мы знаем, а Гамлет не знал, он сомневался, — не знал, потому наша участь трагичнее, мы обреченней. И если нам недостает сил, но мы чуть-чуть уподобились ему — и это нам зачтется за доброе рыцарство. Кто и когда, «вот в чем вопрос»!

Он хотел еще что-то сказать, но замолчал.

Она сидела с закрытыми глазами, ее голова покоилась на его груди.

— Продолжай, продолжай, — воскликнула она по-
года, — это он, Ушанги, я узнаю...

Мужчина слегка приподнял рукой ее подбородок:
— Ты долго с ним говорила?

— Нет, — улыбнулась она, глядя ему в глаза, —
недолго.

И снова прислонилась к нему, снова замерла, устала и отдыхала или хотела слушать молчаливого, чуть не разучившегося говорить человека, его удивительные слова не походили на мысли, высказываемые другими, даже философами, во всяком случае теми, которых она знала, которых называли философами. Они познали мир в цитатах и лелеяли его и с восторгом преподносили при каждом удобном случае. Ушанги являл собой исключение, когда говорил устами Гамлета — Гамлет представлял собой исключение, явившееся в лице Ушанги и этого, который только нынешней ночью, когда плыла луна или балкон плыл или когда все мироздание плыло, вдруг заговорил, человек сдержанный до предела, до предела молчаливый, скупой на слова даже в состоянии крайнего возбуждения, — вдруг заговорил. Почему? Как? Отчего? Не волею ли providения?.. Она дышала часто, в такт биению сердца. Он трогал ее волосы, перебирал пальцами по волоску, как струны, казалось, они звучали, издавали нежнейший, тончайший, чистейший звук, и его слышал он один, никто другой, ибо все остальные лишены были дара слушать природу.

— Лучше быть несчастным, чем полагать, что ты счастлив, — заговорил он, — иначе — конец; не будет

возврата к природе. К высшему разуму не будет стремления, хотя оно и тщетно, но что поделаешь, сила стремления, тем не менее, — сила, тем не менее — надежда. Бездна — падение духа, и когда полагаешь, что ты счастлив, — это тоже падение. Ну, скажи на милость, что мне от тебя надо? Ты продолжай думать по-своему. Слова одолели меня, слова и приведут куда захотят. Не обращай внимания. Ты должна быть счастлива. Будь счастлива, чувствуй, верь, если хочешь, только все же это несчастье, когда счастье становится неписанным законом, лично я думаю так — это несчастье.

— Моя вина, — усмехнулась Эли.

— Твоя вина?

— Я виновата, что оставила тебя одного.

— Да... От одиночества так бывает. И люди избегают уединения.

— Оказывается.

— Ты сама велела продолжать.

— То было совсем другое... Природа и Разум, а это, про несчастье... мне не понравилось.

— Я помолчу.

— Нет, отчего же, продолжай, коли начал.

— Слово есть слово, и слову свой исток известен, само тебя подхватит и водит, как ни старайся — не убежишь.

— А ты не убегай. Я до того, может, вздремну.

— Может, ты дремлешь?

— И в самом деле дремлю...

— Летаргический сон не спасение.

— Довольно!

— Ладно.

Он замолчал, молчание было ему даже как-то на руку. Уже не раскачивался стул, не плыла луна, ее закрыли облака, и корабль-балкон перестал раскачиваться, и ощущение слившегося с небом моря, из которого всходили звезды, тоже исчезло. Хотя звезды светили редкие звезды, может быть, и расчистилось бы небо, прояснилось, и раскрылась великая книга мира, воз-

можно, но он не молвил бы слова, он предпочитал перебирать струны, нежнейшие струны ее волос.

Трудно сказать, сколько времени все это длилось... женщина слегка вздохнула, шевельнулась, словно дрожь ее пробрала, и шевельнулся мужчина, приподнялся, медленно встал, бережно поднял ее на руки и на руках отнес в комнату. Постель была расстелена.

В небе облака продолжали свой бег, луна — свой, выглядывала и скрывалась, все и вся знали, что им делать, каждый знал свое дело...

XVIII

И ЗУРАБ знал свое дело...

В этот раз в марани, стоя на коленях у кевври, он снимал с горловины плотно умятый пласт глины, снимал осторожно, словно возился с новорожденным. Осторожно снял крышку и крестовину из стеблей лозы с прилипшим к глине лозовым листом, затаив дыхание, замер и медленно вдохнул аромат вина, медленно появлялась на его лице улыбка. Потом он взял черпалку, нацелился на середину кевври и метнул ее, метнул, как стрелу или острогу, опустил черпалку почти до середины кевври, прислушался к бульканью вина, потом быстро выхватил ее и задержал над горловиной, чтобы не разбрызгивать капель, священных капель, добытых тяжелым трудом. Капли стекли обратно в хранилище, словно беспокоясь, почему их оставляют. Вино в просторном кувшине гудело, потягивалось со сна, пробуждалось, отдохнувшее, мощное, сильное, — пробуждалось или рождалось? Рождалось! Рождалось! Рождалось и сразу включалось в жизнь, приобщалось к жизни человеческой, подключалось к ней, увлекало, возвышало, уносило ввысь, помогало забыть невзгоды, рассеивало грусть, пускай не надолго, и то хорошо, и то хорошо! Зураб засучил рукава — опустил на колени и вкусил от него! Очистилась и черпалка, он поднес ее к небольшому кувшинчику, медленно стал клонить набок, прислушиваясь к звуку льющегося вина, — к звуку илиговору? Скорее кговору, потому какменялось выражение лица Зураба — вспыхивало или успокаивалось, начинало сиять или мрачнело, как в ожи-

дании чего-то недоброго... Да, значит, не звук, не говор, скорее всего, вино говорило и, налитое в стакан, оно, казалось, приготовилось поверить какую-то тайну, и он смотрел на него выжидающе.

Замолкало вино, сверкало рубиновым цветом, снующим в беспорядке, и Зураб подмигнул Георгию, одобряя вино. большей похвалы не требовалось, и он не хвалил больше вина. Пили с удовольствием, пили охотно, это и было и похвалой, и восторгом, — пили маленькими стаканами, сужающимися посередине от широкого верха к широкому доньшку. Поднимали стаканы, ласкали и отрывали от губ, словно целовали ребенка в лоб. Полуденное солнце сияло на квацихском небе. Квацихское маленькое небо скользило по верхушкам деревьев, по сорвавшейся с гор глыбе и обрушивалось на Квацихуру, что и без того дышала на ладан, обрушивалось и жадно черпало лужи, лизало влажные прибрежные камни, — сияло полуденное солнце августа. Окрестности погружены были в дрему.

Они сидели в марани на обтесанных, обработанных пнях, на пне разложена была и закуска. На стенных полках стояли разнообразные сосуды, лежали роги, но они предпочли пить из тонких стаканов, точно созданных для ласки, ласки вина. Вино пробовали по случаю будущего праздника — званого вечера. Пробовали и пробовали, довольно долго. Хвалили аромат, вкус, чистоту, — такое вино, мол, Иванэ Джавахишвили и тот выпьет, и Григол Церетели, ну, а о Галактионе и о Георгии Кучишвили и говорить нечего. До праздника доставать не следует — одно прикосновение портит вино, нельзя его тревожить.

— И потом снова все кругом погрузится в дрему, — сказал Зураб.

— Нахмурится небо, заладят дожди, выпадет ранний снег.

— Звери спустятся. За оленями будем присматривать.

— Они сами за собой присмотрят.

— Вначале надо, чтобы они размножились. Зверья много.

— Вот пусть и размножаются.

— Как могут...

— Должны.

— Легко сказать.

— Это непреложно. Для каждого в отдельности.

И каждый должен спасаться в одиночку.

— А снег ведь мешает.

— На кой же черт им высокие ноги?

— Да, для них это спасение в какой-то мере.

Умолкли. Предались каждый своим мыслям, будто бежали, как олени, в одиночку, и за каждым гналось по волчьей стае. Лежал снег, глубокий снег, лес растворился в снегу.

— Медведю — нипочем, завалится в берлогу, сунет лапу в рот и спит, дремлет до весны, — улыбается Георгий.

— Благодать... — улыбка появляется и на губах Зураба.

— И все же лучше быть оленем.

— Только если волки не преследуют.

— Если и преследуют.

— Надо уметь убегать.

— Если и не уметь.

— Это да...

— Ну так вот... Значит, лучше быть оленем.

И Зураб не стал упрячиться. Посмотрит сквозь стакан или на стакан, все равно, не будет настаивать, и лицо у него такое спокойное, тихое, невозмутимое, к чему его словом тревожить.

— Ланенок-то вылечился? — сказал он все же, безо всякого умысла.

— Вылечился. Только чуть прихрамывает.

— Ничего, пройдет.

— Да...

— Старается, что твой человек.

— Разве что не говорит.

— Тяжелую рану перенес. Муки — матерью мудрости.

— Кто мог подумать, что его удастся спасти.

— Старое снадобье все еще не утратило силу.

Георгий промолчал, потом что-то невнятно пробурчал и прибавил, не повышая голоса:

- Отведу ей.
- Кого и к кому?
- Ланенка! — к кому — он не сказал.
- Наведешь на след.
- Они и без того идут по следу.
- Сомневаюсь.
- Нет.
- Пускай ты прав, надо замести следы.
- Не имеет смысла.
- Имеет.
- Теперь уже нет.
- Смысл в жизни.
- Не во всякой...

— Я не говорю о животной жизни.
— А если только она и есть?
— Пустое!
— Только она и есть.
— Пустое!

— С меня довольно. Мы давеча с тобой об этом говорили, не стоит возвращаться. Жизнь без устремленности — бессмысленна, так ведь! Не я это выдумал.

- Ты только не переживай и не повторяй...
- Я и не переживаю больше и не повторяю...
- Тем лучше.
- Ничего не меняется.
- Кто знает?
- Я.
- Никто не знает.
- Я уже ничего не жду.
- Все равно не знаешь.
- Ты ждешь. Перенесешь и низко опустившиеся тучи, и черные тучи, и нескончаемые дожди, и снегопады, и ураганы, и большие морозы, лета ждешь и, значит, перенесешь. Сюда снова приедут, будут шуметь, снова будут хвалить твой зал, концерты будут устраивать. Ты ждешь и потому тебе легко. Меня это не радует, очень уж это маленькое, слишком маленькое, я и не жду большого, и желания у меня иссякли, и стремления, и поскольку иссякли — я знаю... Не имеет

смысла, нет никакого смысла в том, запутаю я следы или наведу на след. Да что я мудрствую, когда я желанием охвачен, желанием только пробуждающимся. И так, мне хочется отвести к ней ланенка! Ты и отговаривать меня не станешь, конечно же, если не простишь своеволия, то и отговаривать не станешь, потому что знаешь — настою на своем. Хватит вступать в единоборство с судьбой, довольно. Единственная просьба — позволь выпить из турьего рога.

— С чего это вдруг?

— Как тебе сказать, разве кто может объяснить желание, хочу и все тут.

Зураб: А если я не пожелаю?

Георгий: Не выпью и все.

— Это вино... нельзя его пить сразу... Жаль просто — не почувствуешь вкуса. И напиваться этим вином не стоит, только надо пить, понимаешь, пить...

— Пить и не напиваться.

— Во всяком случае не следует напиваться.

Георгий: Будь по-твоему, как видишь, я не такой упрямый, только ланенка подарю непременно.

Зураб: Ты обещал ей?

— Нет, она пока не знает.

— Удивится?

— Возможно.

— Как ты ее обрадуешь!

Представить это им было нетрудно.

Дверь марани была распахнута настежь, солнце наполнило дверной проем, и в ослепительном свете вырисовывалась Эли с протянутыми вперед блестящими на солнце руками, с глазами, излучающими солнце и радость, рядом суетился ланенок, забегал, прихрамывая, в марани, забегал стремительно и падал на большую ногу, и тогда на помощь приходила Эли. Она поднимала животное на руки и прижимала к груди, прижимала, ласкала. Ланенок замирал, и из глаз его начинали сбегать слезы, потом глаза становились сухими, ланенок выскальзывал из Элиных рук, прыгал вокруг нее, падал, вскакивал и убегал. Эли в тревоге бежала за ним, помогала вновь, когда он падал, и снова при-

жимала к груди. А в дверях марани снова стояло солнце, больше никого, ничего больше: они одновременно посмотрели друг на друга и усмехнулись — глазам обоих предстала одинаковая картина, разве что пережили они ее по-разному.

— Все же по мне лучше, чтобы ты избежал встречи с ним, — сказал Зураб, как бы в ответ собственным мыслям.

— Поздно.

— Я и прежде тебе говорил.

— И тогда было поздно.

Зураб: Когда же было время?

Георгий: Кто знает! Может... Может, мы его упустили.

— Не должны были.

— Если оно не подчиняется и упустишь, и потеряешь.

— Ты о времени?

— О времени. Голова у меня словно не своя.

Зураб: Понятно, красавица вскружила тебе голову.

Георгий: Что тут удивительного?

Зураб: Тем не менее головы терять нельзя...

Георгий: Если бы в самом деле по ее вине... Она только... На ней нет никакой вины, никакой. Напротив— это даже хорошо, что она мне встретила. Ни о чем не напоминает. Я обо всем забываю, будто всегда так было, всегда, будто ничего в моей жизни не менялось. Вокруг меня — одна пустота... Она — единственная, кто заполняет эту пустоту, вот я и хватаюсь за нее, как утопающий за соломинку. Осуждай меня, ничего не поделаешь, я не вынес слишком сурового наказания. Не смог! Осуждай, что же делать, если я не увидел Прекрасного, того Прекрасного, того Высшего, перед чем преклонялся с юности... Осуждай!

— Почему ж это ты...

— Всех заботит свое, все одиноки в своей заботе.

— Все одиноки...

— Все.

Зураб: Давай, доставай, раз уж так тебе захотелось.

Отар Чхеидзе. Лабиринты ущелья.

Георгий: Турий рог?

— Да.

— Утопим заботы в турьем роге!

— Быть может.

— Но почему их топить?

— Вот именно!

— Ведь с их помощью мы и перебиваемся.

Зураб: Вот именно!

Георгий: Мне лишь печаль помогала жить, лишь забота... Когда теряешь надежду, начинаешь спорить с самим собой... А прежде с кем я только ни спорил! Потом — только с самим собой. И таяла ночь, и день таял, и месяц, и год, таяли и растаяли, иначе остановилось бы проклятое время!

— Погоди еще.

— Печаль меня изведет.

— Пусть так! Печаль и надежда. Одна утихомирит другую. Это и есть жизнь, это и есть наш бранный мир.

— Не узнаю тебя, дядя.

— Неужели?

— Ты считал целью жизни стремление к прекрасному, смыслом жизни, а теперь говоришь совершенно противоположное, не могу разобраться, не могу сопоставить одно с другим.

— Они и несопоставимы.

— Нет, конечно.

Зураб: Если не хватило сил, если нет больше стремлений, то не знаю, чем оправдать жизнь, выходит, я мечусь почему зря.

Георгий: Нужны ли оправдания жизни? Она — неумолимая действительность, лютая, жуткая, злая, чем же ее оправдаешь или к чему ей твое заступничество?

— Я тебя пытаюсь ободрить.

— Аа-а...

— И себя в том числе.

— Тебя и твой зал ободрит.

— Ха-ха-ха... А тебя нет? — Зураб сощурил глаза, отодвинул свой стакан, щурясь, еще раз посмотрел сквозь него.

— Мы опять идем туда, — Георгий и не взглянул на стакан, — все топчемся на месте, не продвинулись вперед ни на шаг, даже в беседе. Зал стал для нас роковым. Бахчо после того вечера коршуном над нами парит, исчезает и внезапно показывается на горных вершинах, исчезнет и всплывет... Ты ведь и сам догадываешься.

— Не было бы его, был бы другой; не было бы зала, было бы другое, что-то другое, какая разница.

— Я все-таки сожалею, что взялся его строить.

— Сожалеть надо о другом, и многом, не забывай, ибо если это судьба, то пусть она даже на арбе преследует человека, а все равно догонит, хоть мчись на лихом скакуне. Судьба, рок — все равно настигнет. Наверное, настиг меня рок. И знаешь, со мной что-то происходит, я испытал нечто такое, признаюсь, если и вправду судьба настигла меня, кто ведает, может я в самом деле буду сожалеть об этом бренном мире. Давай-ка лучше выпью.

— Ну смотри.

Окончание следует

Леван ГОТУА

ДВА РАССКАЗА

КАЖДЫЙ по-своему воспринимает Куру. Одни слышат ее набатную песнь, другие — глухой рокот.

Для меня Кура—длинная неумолчная летопись. В глухом ее рокоте мне слышится множество историй из «Жития Картли».

Есть место, где река, наша матушка, входит в самое узкое свое ущелье. Здесь она с яростью обрушивается на скалу и, бурля и пенясь, бросается вспять, вынося на поверхность обрывки того, что таит ее глубина. Постепенно они увязываются между собой и выливаются в стройный рассказ о нашем прошлом. И заполняются пробелы его подобно тому, как затягивались боевые раны на теле Вахтанга Горгасала... А Кура, незамутненная, продолжает свой бег, и рокот ее звучит подобно стихотворению в прозе...

...И летел фазан над теплым затуманенным ущельем. И было небо

Богатая, уходящая в глубь тысячелетий история грузинского народа привлекала и привлекает не только ученых, исследователей, но и художников, мастеров слова.

Одним из них был видный грузинский писатель, патриот и гражданин Леван Готуа.

Леван Готуа прожил напряженную и нелегкую жизнь, полную творческого поиска и неустанного труда.

Он родился в марте 1905 г., в семье известного публициста, издателя, общественного деятеля Партэна Готуа. Экономист по образованию, страстный альпинист, Л. Готуа исходил пешком всю Грузию, что так способствовало ему в постижении и настоящего, и прошлого родной страны и народа. История Грузии, ее летописи, хроники, многочислен-

ные материальные памятники грузинской культуры — все это было родной стихией для писателя, который, заглядывая в глубь веков, всегда оставался человеком сегодняшнего дня.

Леван Готуа скончался в январе 1973 г., не дожив до своего 68-летия и оставив немалое творческое наследие, проникнутое глубокой любовью к своему народу — воину, защитнику отечества, его радетелю и строителю.

Перу Л. Готуа принадлежит множество рассказов и новелл, романы «Огненный пояс», «Митридат», повесть «Серафита» и другие произведения. Некоторые из них знакомы русскому читателю в переводах.

Предлагаем новые переводы его рассказов.

фазаньего цвета — темно-синее с золотыми пятнами и пепельными разводами.

...И завладели персы Картли. Царь Вахтанг, сын Мирдата, укрылся в надежном месте. Грузины спрятали кресты. И в каждой церкви картлийской персы возожгли огонь.

...И был, с позволения сказать, человек — Варскен, питиахш персидский, отринувший истинного бога. Истязая жену свою Шушаник и народ свой, он стал опорой врагу и причинил стране большие беды.

...И был истинно человек — однорукий Вахо из Лиси. Он сидел в горячем водоеме теплого ущелья и, пытаясь развеять свою тоску, чертил на песке контуры большого города.

...И все свершилось быстро и тайно. Длинное деревянное корыто, в котором давят виноград, покрыли бурками, поставили на плечи и приступили к крутому подъему...

Итак, страна была разгромлена, задушена. Вахтанг Горгасал, потерявший в боях свое воинство, ушел за Лихи, чтобы залечить раны и собрать новое войско. Вернувшись, он скрывался то в Мцхета, то в Уджарма, то в Некреси, то в других неприступных крепостях. У него не было защищенной густонаселенной столицы, он чувствовал себя скорее военачальником, нежели царем. А в это время многочисленный его народ небольшими группами укрывался в лесах, предоставленный самому себе.

— Так не может продолжаться! Разобщенный народ не выстоит, никогда не быть ему могущественным!

Вахтанга преследовала неотвязная мысль — найти подходящее во всех отношениях место для столичного города, где крепость, дворец и крепостная стена вокруг города составили бы единый ансамбль и были бы сильны друг другом.

Куда только ни ступала его нога, где только ни ударял он копьём о землю, мерил пространства, досконально рассчитывал все... Но всегда чего-то недоставало — то воды в округе, то крутой скалы для крепости, то место, где предполагалось разбить город, было недостаточно велико, или оно находилось в стороне от главных дорог, не годилось для сердца страны.

...Царь постоянно искал это место — воевал ли, укрывался ли от врага, охотился ли. Никому не открывал своих планов. Знал — в разоренной, беззащитной стране ничто не скроется. Тем более — хороший замысел.

...Но была местность, которую Горгасал всегда избегал, хотя именно здесь, подобно спицам в аробной колеснице, сходились клинья исконно грузинских дорог — между Мцхета и Уджарма, Манглиси и Кахети, Хунани и Дарубанди, Тианети и Болниси. Однако она же таила в себе большой недостаток, и до поры до времени Вахтанг сторонился ее...

На сей же раз он специально направился сюда из Мцхета. И взял с собой небольшое войско. Шли вдоль правого берега Куры, крадучись, разведывая окрестность. Миновав Дигомское поле, подошли к дремучему лесу. За ним начиналась котловина, пересеченная оврагами, заросшими колючим кустарником. Издали в

окружении высоких лесистых гор она казалась большим зеленым заливом. По обе стороны Куры, куда достигал глаз, виднелись овраги, озера с впадающими в них реками, родники. На востоке окрестность упиралась в Триалетский хребет, как в естественный заслон и щит этой вымершей котловины. Кура здесь билась в узкой, как талия чохи, теснине. Местность изобиловала естественными укрытиями. Именно тут на вершине скалы, справа, подобно острию сабли торчала крепость.

Это было логово персидских питиахшей.

Не так уж и велика была она, эта крепость с зубчатыми стенами, сравнительно недавно возведенная персами, — подобно карлику приподнималась она над древним грузинским основанием. Под ней обрывались скалистые склоны, она господствовала над тропами, проложенными в них. Дорога между Мцхета и Уджарма и та, подобно хурджину, была переброшена через крепость. Непрístupная во всех отношениях, она кинжалом вонзалась в хребет Картли.

Горгасал точно и не знал, как она звалась раньше. Сейчас же он назвал ее Шурис-цихе — крепость зависти, так как она была восстановлена персами на зависть грузинской Мцхета.

Некогда населенная, пересеченная множеством дорог окрестность теперь, в дни персидского засилья и великой дани, казалась совершенно вымершей. От ближних сел остались одни развалины — фундаменты домов и прокопченные очаги. Здесь и днем рыскали волки, олени невозмутимо спускались в прибрежный лес к воде, трава кишела фазанами и турачами. На верхушках исполинских деревьев гнездились черные грифы и соколы. Грузины сторонились этой котловины. Даже Горгасал, направляясь в Кахети, обычно предпочитал Сацхенисскую дорогу. Однако на сей раз он был настроен по-боевому.

Вернувшись из-за Лихи, он по обыкновению изъездил крепости и села, вновь сплотил, укрепил разоренную страну, но до окончательной победы было далеко — пока Шурис-цихе косилась с высокой скалы, он не мог считать страну свободной.

Персы владели и другими крепостями вдоль реки, но ни одна из них не вызывала такого опасения у Горгасала, как эта. Она словно засела в легких мешала свободно дышать. Глядя на нее, Горгасал почти физически ощущал, как открываются старые его раны, причиняя нестерпимую боль.

...И, что главное, — до поры до времени он не мог решиться на открытый штурм крепости или ее осаду. Это было бы равносильно восстанию против персов и началу большой войны. А войско персидского царя Пероза подоспело бы на помощь к своим еще до того, как Горгасал взял бы Шурис-цихе.

Крепостью надо было завладеть — тайно, скрытно. Так, чтобы, отойдя ко сну резиденцией питиахша, она встретила бы рассвет грузинской, царской цитаделью. Но это было почти невозможно. Охрана Шурис-цихе не смыкала глаз ни днем, ни ночью.

С трех сторон скала, на которой стояла крепость, была неприступна. По единственному отлогу ее склону вилась труднопроходимая, совершенно открытая тропинка без каких-либо укрытий, ничего, кроме поражения, не сулящая пришельцам.

Горгасал давно уже подослал к крепости лазутчиков. Они сообщили ему — в Шурис-цихе подняты новые запасы продовольствия и оружия. В резиденцию питиахша Картли пожаловал почетный гость.

Вахтанг укрыл свое отборное войско в дремучем лесу, неподалеку от крепости. Перед заходом солнца, взяв с собой лишь оруженосца, он прочесал подступы к ней.

Прокрался вдоль зарослей травы по берегу Куры, затем, оставив коня оруженосцу, пошел пешком через ежевичник, раakitник... Горбясь, чтобы скрыть свой гигантский рост, продирался сквозь кустарниковые дебри. Тернии царапали его доспехи и наколенники, ломались о них.

У подошвы скалы он остановился, поднял шлем с изображением волчьей головы и, вытирая пот с шишковатого лба, устремил вверх пронзительный взгляд из-под изломанных бровей. Там, на гребне скалы, Шурис-цихе в упор смотрела в грузинское небо. Горгасал натянул тетиву, нацелился на крепость. Измерив глазами расстояние, стал обходить ее с восточной стороны.

Он спустился в дубняк, где дубы росли вперемежку с осинами, и очутился в мрачном ущелье. Ветерок обдал его теплым влажным воздухом, как будто кто-то жарко дохнул на него. Он не обратил бы на это внимания, решив, что жаром веет от раскаленной на летнем солнце скалы, но резкий запах серы удивил его — неужели в крепости жгут серу? С какой целью?!

Однако запах шел явно снизу. Зоркий глаз Горгасала заметил едва заметное облачко. Тонкой белой струйкой стояло оно над змеящимся глухим ущельем. Новый, более сильный порыв ветра донес до его слуха журчание ручейка.

Горгасал обошел подножие скалы и остановил взгляд на узкой тропинке, поднимающейся в крепость. В конце ее, на самом гребне надменной скалы, под фасадной аркой он различил обитые железом ворота.

Нет, не так-то просто было справиться с этой крепостью. Лихая атака здесь ничего не дала бы, жертвы оказались бы напрасны, да и заветный замысел до времени был бы раскрыт. Это приводило Вахтанга в ярость. Но яростью крепость не возьмешь!

— И все же я возьму ее! — Горгасал пнул ногой скалу... Скала, правда, «не дрогнула», но один увесистый камень сорвался с нее и скатился в заросли с красными крапинками малины... Оттуда выпорхнул испуганный фазан. Он круто взмыл вверх, словно дивный цветок вдруг вырос в воздухе, распустился и замер... А затем полетел горизонтально над землей. Горгасал невольно схватился за боевую стрелу, натянул лук. Целясь, он не закрывал ни одного глаза. Ничто не ускользало от его внимания. Он и не думал сейчас охотиться, но любил вдруг загадать — попадет в цель, значит исполнится желание. Эта привычка испытывать судьбу увязалась за ним с сиротской юности. «Возьму Шурис-цихе или нет?!». Он упредил прицел и пустил стрелу. Пустил и увидел, как она пронзила крыло птицы в самом основании. Фазан вскрикнул, стал резко снижаться... Последнее усилие, и, перелетев через холм, вниз головой рухнул в ущелье.

— Возьму! — вырвалось у Горгасала, и он поспешил к месту, куда упал фазан.

Оруженосец подал ему коня.

— Снизу доносятся чьи-то голоса... Не нарваться бы на врага! Отряд подошел к нам почти вплотную.

Горгасал сел на коня, и они вдвоем осторожно направились вниз по тропинке. Неподдалеку в дубняке царский отряд, затаив дыхание, ждал условного сигнала.

У подножия скалы журчал ручеек темно-синего цвета... Достигнув углубления в земле, обложенного камнями, он разливался лужей. Воздух вокруг был пропитан запахом серы, над лужей стоял горячий пар, капельками оседавший на листьях ближних дубов.

В горячем водоеме сидели три увечных старца. Спрятав под водой свои тощие тела, они, как зурначи, надували щеки и с облегчением выпускали воздух из легких. Четвертый — однорукий — лежал поодаль, наполовину высунувшись из воды, и левой рукой выводил на песчаной почве угловатые контуры башни.

— Эй, Вахо! Давай-ка лезь в воду... Как бы тебя не просквозило... На закате такое случается... — с наслаждением потягиваясь и хрустя суставами, сказал однорукому совершенно седой старик с удивительно черными бровями и глазами.

— Ничего со мной не станется. Вот только крепостную стену dokonчу.

Ответ Вахо, поглощенного своим занятием, прозвучал не в меру громко. Старики вытаращили глаза, заерзали...

— Потише ты там... Не то... услышит кто-нибудь...

— Надуют бурдюки из нашей шкуры и повесят не на твоей стене из грязи, а вон там, на Шурис-цихе...

— Один раз едва уцелел, так... — в один голос возмутились старики, бросая вверх косые взгляды, но там царила немая тишина. Старцы успокоились, перевернулись на другой бок, подняв волнение в водоеме, и снова затихли... Закрыв глаза, оцепенели во власти своих старческих видений. А может быть, даже и задремали.

...Вдруг в воду упал пронзенный стрелой фазан, вспорхнул раз, возмутил ее покой и неожиданно окрасил в красный цвет.

Старцы вздрогнули, но не произнесли ни звука. Замерли на месте. Только головы торчали из-под воды.

Под конец тот же бровастый вытянул свою кадыку-
стую шею.

— Эй, таборец... Взгляни-ка на эту ошпаренную
птицу... Свалилась на наши головы как гром среди
ясного неба! Не связано ли это с давилней?

Таборец раскинул высохшие, как ствол лозы, руки,
схватил фазана и поднял высоко над головой.

— Ты только посмотри на него! Как бы нас и вправ-
ду вслед за давилней не отправили бы! А вдруг они
сегодня пораньше спустятся?

Старики вдруг засуетились, с тревожным провор-
ством вскочили на ноги, кинулись к своим лохмотьям,
брошенным на берегу.

Вода едва достигала им до колен. С голов и бород
струями стекала горячая вода. Один из старцев был с
самшитовым крестом на груди.

Однорукий Вахо присел и оторвал фазану голову.

— Погоди-ка ты, пугало, стрела-то с крестом, как
у тебя! Смотрите, Шавлего, Бакур!

Старцы бросили свое рубище. Тот, что с самшито-
вым крестом, взял стрелу и стал внимательно ее раз-
глядывать.

— Благодарение господу! Так и есть...

Старики снова вошли в воду, испуганно озираясь
по сторонам, сели на корточки. Но вокруг не было ни
души...

Однорукий Вахо вернулся к своему занятию.

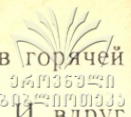
На какое-то время воцарилась тишина. Казалось,
все ждали, что будет дальше. Молчание нарушало
лишь бульканье горячей воды.

— Ошпарилась птица, заодно уж ошипем ее! —
Шавлего выдернул перья из кончика крыла и воткнул
их в глинистую почву, над которой трудился мастер
Вахо.

Фазаньи перья разноцветными флагами затрепета-
ли на ветру, рисунок крепости на земле как будто
ожил.

Бакур из Табори принялся ощипывать фазана...

Тут в прибрежных кустах раздался треск сухих ве-
ток. Старцы, онемев от страха, повернулись на треск.

Холодный пот прошиб их, хотя они и сидели в горячей луже.

Какое-то время никто не показывался. Старцы увидели приближавшегося к ним гигантского сложения седовласого человека. Одно обстоятельство с самого начала привело их в замешательство, хотя и несколько успокоило — великан, подобно им, был в чем мать родила. В руке он держал лук без стрелы.

— Владелец фазана?! — прошептал Шавлего.

А вновь прибывший встал над головами съежившихся в воде старцев... Оглядел каждого в отдельности. Как бы почувствовав их тревогу, бросил на берегу лук и, прикрыв левой рукой срамное место, осенил себя крестным знаменем.

И старцы тотчас вынули руки из воды и с хлюпаньем, брызгаясь, неистово многократно перекрестились. Один из них поднял крест, висящий на шее, и благословил пришедшего.

— Здорово, старички! — поздоровался незнакомец.

— Дай бог тебе здоровья! — загалдели было старцы, но тут же понизили голоса.

— Присоединяйся к нам... Ты, правда, человек дюжий, но мы поместимся, — Шавлего на четвереньках отодвинулся к краю водоема. — Вода здесь не иссякает... Да принесет тебе пользу ее жар и благодать!

Остальные тоже подались в сторону, освобождая место для гостя.

— Прекрасное средство от ревматизма... И для старых ран — настоящий бальзам... А у тебя их, видать, немало. Небось уже за пятьдесят... Отдохнул бы... Да хранит тебя бог! — сказал старик с крестом на шее.

— Ложись, брат, ложись... Ты же наш, грузин! Нам уже нечего стесняться или стыдиться, раз терпим это насилие, а пупы у нас у всех одинаковые, так-то... — проведя рукой по бороде лопаточкой, степенно проговорил таборец.

Вахтанг с удовольствием опустил в воду. Она оказалась удивительно мягкой, ласковой, казалось, его укрыли теплым байковым одеялом. Резкий запах серы приятно щекотал ноздри.

Вода вышла из краев и наполовину смыла глинистую роспись однорукого Вахо.

— Ну и место вы отыскиали! Рай для стариков! А я и не знал о нем... Что за вода! — глубоко вдыхая воздух, произнес Вахтанг. Его огромное тело казалось сейчас невесомым, усталость с дороги, недавнюю боль старых ран как рукой сняло. Он с наслаждением ударил руками и ногами по песчаному дну и весь покрылся пузырьками сернистого воздуха.

— Так вот откуда этот запах! — он осторожно провёл своей ручищей по воде.

Поверхность ее была беловато-желтой, мерцающей. Вахтанг заметил фазаньи перья, плавающие в водоеме, и вода показалась ему мягкой и гладкой, как эти перья.

— А вам везет, да и только! Что это за источник? Чей он?

— Про тебя, добрый путник, тоже не скажешь — невезучий! Нагрязнул к нам со своей дичью... — Шавлего протянул пришельцу наполовину ошипанного фазана. — Ничейная эта окрестность... Да и горячие источники тоже... Хозяина нет, насильников хватает!

Слова старца стрелой вонзились в сердце Горгасалу, но он не подал виду и перевел разговор.

— Подумать только... Он ведь сварился?! Прямо в горячую воду угодил, что ли?

— Прямым... Как нарочно...

Эти слова как бальзам подействовали на Горгасала. Они согрели его сердце надеждой, и оно исполнилось радости.

— Значит, сбудется... Я загадал желание и выстрелил...

— Если доброе дело загадал... С богом! Трижды пусть исполнится! — одорукий промыл стрелу в воде и положил на сухое место.

— Гм... Трижды?! — Горгасал взглянул вверх. Прямо над водоемом нависал валун. Над ним виднелись могучие ветви деревьев... Еще выше — утес... А на самом его гребне — освещенная заходящим солнцем Шурис-цихе.

Шавлего словно прочел мысли незнакомца. Испытывая его, бросил вскользь, по-стариковски, как бы нехотя, не договаривая:

— Стоит... Ее день — наша ночь!

Горгасал сделал вид, что пропустил мимо ушей слова Шавлего.

— Откуда будете?

Старцы притихли. Словно воды в рот набрали.

— Мать честная! Грузин грузину уже не доверяет... — Горгасал провел рукой по зарубцованным ранам.

Это движение не укрылось от стариков. Шавлего даже потихоньку на пальцах, спрятанных под водой, посчитал рубцы на его теле. Потом, вынув руку из воды, сказал:

— Что тебе сказать, добрый человек? А ниоткуда мы! Переселенцы... Из разоренных сел... Этого вот — с самшитовым крестом — пугалом зовут, а раньше и имя у него было и пристанище. Сейчас его дом — небольшая пещера вон там в скале, — и Шавлего указал на противоположный берег реки. Затем повернулся к старцу с бородой, торчащей цапкой, и обнял его за плечи, острые, как разбитая черепица, — а этот крепкий старик — Бакур из Табори, виноградарь — золотые руки... На берегу Куры у него был виноградник. Теперь же, вроде меня, ни кола, ни двора...

Горгасал посмотрел на Таборскую гору. На ней и сейчас были видны развалины села. Сердце сжалось у Горгасала. Каждое разоренное село он ставил себе в вину, ибо считал его свидетельством собственного бессилия как военачальника, как царя... Испытывая угрызения совести, он загорался страстью к созиданию.

— А на что способен этот однорукий? Что он копается, как крот, в земле? — нарочито вызывающим тоном спросил Горгасал, хотя давно уже разглядел контуры из камня и глины с пучком фазаньих перьев, напоминающим развевающиеся над крепостной стеной знамена.

— Это однорукий Вахо из Лиси... Был каменщиком, мастером, строящим крепости... Эх! Сейчас же... для кого и крот...

Однако Горгасал не обратил внимания ни на обиженный тон Шавлего, ни на то, что угрюмый Вахо стал мрачнее тучи. Он подошел к нему и долго с вниманием разглядывал контуры крепости на глине. Мес-

тами глина совсем высохла, по-видимому, это было творение не одного дня.

— А это что? — Горгасал указал на ком глины, но однорукий хранил молчание.

— Метехская скала! — не дожидаясь ответа, продолжал Горгасал. — А здесь, значит, мост думаешь провести?! Неплохо! — он ударил стрелой по щепке, изображавшей мост. — А на скале — царский дворец и крепость? Здорово! К Куре будет подведен тоннель, чтобы в случае чего не было недостатка в воде... А родника здесь нигде нет?

— Есть родник! — глухо бросил старик с крестом.

Угрюмое лицо Вахо вдруг прояснилось. Он понял — незнакомец не просто спрашивал его, он мечтал вслух. Изучая глиняный пейзаж, с видом знатока рыскал глазами и мечтал.

А потом, увлекшись, перевел взгляд на Куру. На той ее стороне гордо высилась метехская скала, укрытая лесным покрывалом.

«Действительно, прекрасное место для крепости и дворца! Кажется, его-то я и ищу!» — подумал он и внимательно огляделся по сторонам. «Здесь раскинется город, — Горгасал бросил взгляд на заросшую дремучим лесом котловину. — Вокруг пойдет крепостная стена вплоть до Салалакских отрогов Триалетского хребта!».

Мысль Горгасала работала с предельной ясностью, как у человека, у которого вдруг открылись глаза. «Искал и нашел, кажется?! И, оказывается, не я один искал!» Эта мысль удивила его, окрылила надеждой.

— Я не один! Ну-ка, посмотрим, что думает наш однорукий! — и снова уставился себе под ноги.

Вахо из Лиси тоже не забыл о крепостной стене, но занятое ею пространство показалось царю недостаточным.

— Почему поспешил? — он разрушил ногой возведенную на глине крепостную стену, схватил свой лук и бросил на землю, ограничив территорию воображаемого города. — Она пройдет вот так, до самой скалы! — Горгасал протянул руку в сторону голого остро-

конечного утеса. — Крепость тоже не годится! Ты сохранил контуры Шурис-цихе! — и он зло пнул ногой ком земли, изображавший крепость. — Здесь возведи мне крепость в грузинском стиле с семью башнями. А в основании ее — Клдис-убани¹, — то ударяя стрелой по контурам на земле, то очерчивая в воздухе пространство, продолжал мечтать вслух Горгасал. — Чуть ниже... вот здесь... — на сей раз он топнул ногой в горячую лужу, обдав брызгами приподнявшихся над водой старцев, — Абанос-убани² Бани без огня! Кто сможет этим похвастать?! Восточную стену укрепи чуть дальше... Не забудь о воротах!.. За ними мы разобьем Крцанисские сады и виноградники! — увлекшись, уже приказывал голый царь.

— Разобьем! — с не меньшим воодушевлением воскликнул однорукий. — Эх, было бы нам это по плечу!

— То есть как — было бы?! — поразился Горгасал, но тотчас сообразил, что для этих старцев он всего лишь безвестный голый человек... Такой же, как они. — А что нам мешает? — чуть понизив голос, но с надеждой спросил Горгасал и оглядел старцев. — Разве мы не грузины? Разве это не наша родная земля?

— Помилуй, но ты тоже мечтатель, только двурукий! — вздохнул Шавлего, пропуская белую бороду меж колен. — Эх, был бы я царь... Это прекрасное место для столичного города... Но с тем вот сатанинским клыком что поделаешь?! — он оставил бороду и протянул руку к Шурис-цихе.

— Гм... Был бы ты царь? Ну и будь им!.. А все же кто ты? — по-стариковски надулся Вахтанг.

— Был я когда-то Шавлего из Вере, теперь же постарел, одряхлел... Имя-то прежнее осталось.. Так вот, царь разве только своим венцом превосходил меня, а что касается остального...

— А все же... Что бы ты сделал, будь ты царем? — допытывался Вахтанг, неловко соскальзывая в воду.

Солнце зашло. Прохладный ветерок задул с Куры. Старики постепенно увлеклись беседой. В голосе невозмутимого Шавлего звучала острая боль.

¹ Клдис-убани — район скалы.

² Абанос-убани — район бань.

— Будь я царь, я взял бы ту крепость и закрыл бы все пути чужеземцам и огнепоклонникам.

Воцарилась тишина. Слышалось лишь журчание теплого горного ручья.

— Ну и возьми... если это так легко! — со злостью проговорил Вахтанг, по самую шею погружаясь в воду.

— Легко?! — Шавлего сердито взглянул на него. — Легко было разгромить беззащитную Вере... Разорить женщин и детей... И еще убить этого фазана!.. — он встал над головой охотника и дерзко бросил ему убитую птицу.

Это как бы послужило сигналом. Злоба, душившая старцев, подобно надрывному кашлю, выплеснулась наружу.

— Легко было отхватить мне здоровую руку!

— Меня вот огрели жезлом питахша — это тоже было легко! На, смотри! — и старик с крестом показал Вахтангу рубец на позвоночнике.

— Нет, легче всего было отнять у меня мою да-вильню и опоганить ее! — в свою очередь воскликнул Бакур из Табори, с отвращением сплевывая на берег.

Старцы надутыми индюками стояли над головой Вахтанга.

— Погодите! Ничего не понимаю... Давайте по порядку... Тебе вот кто отсекал руку?

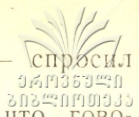
— Эх! — бывший мастер пожал изувеченным плечом и принялся месить подсохшую глину левой рукой.

— Я тебя спрашиваю! — рассердился Горгасал... Но тут Шавлего ткнул его в грудь тонким, как шило, костлявым пальцем и прошептал:

— Оставь его... Я тебе скажу... Его не заставишь, хоть вторую руку отрежь... Когда персы захватили крепость и переделали ее в Шурис-цихе, персидский эристав задумал возвести новые стены... Нас, жителей окрестных деревень — Лиси, Вере, Табори, согнали сюда таскать камни, строить стены... А он вот, Вахо, мастер-каменщик, имел смелость отказаться... Врага у нас, если смогу, похороню, но строить ему крепость — никогда! Мы помалкивали... На царя надеялись... А ему руку отсекали... На устрашение нам в живых оставили...

Леван Готуа. Два рассказа.

— И вы покорились вражьей воле? — спросил Вахтанг.

— А что нам оставалось делать... Мы-то что, говорят, сам царь смирился! Сам Горгасал от борьбы отказался... Бросил нас на произвол судьбы!

Настал черед Вахтанга набрать в рот горячей воды и окаменеть.

— С тех пор притесняет и обирает нас эта Шурисцихе.

— Богатства наши в прах обращает... Как пиявка сосет нас!

Старцы вновь одержали верх над пришельцем. А он; со злостью процедив воду сквозь зубы, глухо спросил:

— Все же кто это сделал, Вахо?

Но тут поднялся скрючившийся старец с крестом и, протянув то ли к небу, то ли к крепости веснушчатые руки, сказал:

— Я знаю, кто отсек ему руку... Тот, кто избил меня... Кто истязает добродетельнейшую свою супругу...

— Неужели питиахш Варскен?

— Да!

— В самом деле?

— Он! Ты, видать, больно сведущ в этих делах! — в один голос воскликнули убогие старцы. — Он и сейчас здесь, в этой крепости! — и так ощетинились, столько презрения и гнева звучало в их словах, как будто сейчас же, немедля были готовы разнести Шурисцихе своими старчески скрюченными увечными руками.

— Он отнял мою давилню... Но, кажись, спросилось с него за грехи! — Бакур из Табори неожиданно хихикнул со злорадством.

— Он здесь? Не может быть! Зачем ему было уезжать из Цуртави? — удивился Горгасал и вдруг вспомнил, что его лазутчики донесли о прибытии какого-то важного гостя в Шурисцихе.

— Он здесь! Я сам его видел... Своими глазами... Боком сидел на коне... И свита при нем, все персы. Вот по этой тропинке поднимались не спеша, прямо в крепость... А там уже вывесили знамена и паласы. Да разве я мог не узнать этого пестроглазого безбородого черта! — упрямо твердил старик с крестом. Вдруг лицо его искривилось, и он, как подкошенный, упал в

воду. — Боже, не дай мне умереть так, чтобы я не уви-
дел мук его, когда придет время расплаты!

Шавлего брызнул на него горячей водой. Старик как будто отрезвел, стал бить себя по голове:

— Грешен я... Ожесточился сердцем... Погубил душу... Чур меня! Чур! — он погрузился в воду и умолк.

Тут подал голос Бакур из Табори. У него и без того был надтреснутый бас, а от злости он и вовсе осип, да еще глотал окончания слов:

— И вот именно тогда... отня... давилнь... именно тогда... Напали на нас вечером, устроили погром... все забра... но давилню... да еще накануне ртвели! Я за топор... проклял их бога... С трудом успел уйти в лес. А когда вернулся, деревня была сожжена дотла... Виноградник вырублен. Спелые гроздья валялись на земле, как младенцы с размозженными головами. Все квеври и давилньи оказались разбитыми... А мою в эту крепость унесли...

— Значит, это недавно случилось?

— Две недели назад!

— На другой же день после приезда питиахша Варскена, — уточнил Шавлего. Вахтаг смекнул — не случайно он связывает историю с давилньей с именем питиахша... Ему, как видно, было известно нечто гораздо большее.

— За каким чертом понадобилась им давилнья? В крепости и источник есть и перегонный куб... Что им там давить еще, этим кровопийцам?

Однако старцы оставили его вопрос без ответа. Набрали в рот горячей воды. Выразительно помалкивали.

Гнев охватил было Горгасала, но он подавил его и неожиданно для самого себя произнес с той же горечью в голосе, что звучала в речах старцев:

— Я же ведь тоже грузин, в конце концов, христианин! Может быть, у меня больше причин мстить этой Шурис-цихе и питиахшу! Может быть, я смогу быть чем-нибудь полезным вам?

— Давилнья уже осквернена... Страна разорена... Крест сожжен... Грузины посрамлены! — глухо простонали старцы и снова умолкли, однако последняя нить недоверия была разорвана.

Шавлего поднял фазана, снова окунул его в горячую воду и принялся ощипывать.

— Ничего о себе не сказал... И причины своего прихода тоже не открыл, — в словах старика звучал скрытый смысл, он говорил, словно беседовал сам с собой. — Не за фазаном же пришел сюда этот богатырь. Пусть господь воздаст ему, если он затаил в сердце дурное... Но он явился раздетый, с открытым сердцем. Кто знает, кем он окажется, когда оденется, какого нрава. А сейчас — нагишом, с рубцами на теле... в горячей луже... он вызывает доверие. И стрела у него с крестом, и луком он чертит в воздухе стены желанной крепости. Насколько он умен, не знаю, но глаза у него зоркие. Так пусть же свершится то, что должно свершиться! Скажем ему... Может быть, наше слово сделает свое дело и принесет добро родине. Каждый же, кто покажет себя с лучшей стороны, и есть ее защитник. Да и помимо всего прочего, хранящий тайну врага недостоин своего народа и свободы!

— Аминь! Аминь! — крестясь, бормотали старцы, сидя на корточках.

Горгасал насторожил уши. Эти старички знают о какой-то «тайне врага», и главное сейчас — не помешать беседе.

А Шавлего продолжал старательно щипать птицу, бросая перья в воду, словно семена в почву, и шамкал беззубым ртом:

— Каждую полночь... открываются ворота Шурисцихе и до двадцати воинов-персов спускаются в ущелье с давилней на плечах... Вот здесь, у самого истока, они наполняют ее горячей водой, покрывают бурками и потихоньку поднимаются обратно. Это давилня Бакура из Табори.

Таборец в знак согласия бил себя кулаками в грудь.

«Что бы это значило?» — думал Вахтанг, чувствуя, как волнение постепенно овладевает им.

— Там, в крепости, кто-то болен ревматизмом. И болен не простой человек, не то сам бы спустился в ущелье... Или же носили бы воду бурдюками... А остыла, там же и подогрели бы...

Шавлего словно читал мысли Горгасала и отвечал на них.

«Хотел бы я знать, кто этот больной вельможа?» — думал про себя Горгасал. Он мгновенно увязал у слышанное со своими чаяниями и надеждами.

...И Шавлего как будто слышал его немой вопрос.

— И болен именно питахш Варскен!

— Аминь! Аминь! — крестясь, подтвердил старик с крестом.

Шавлего ощипал фазана, и птица теперь казалась голой, подобно старцам. Шавлего подбросил ее на руке:

— Купание пойдет ему на пользу, как этому фазану! — воскликнул он и вдруг зашептал, как бы доверяя воде сокровенную тайну: — Лучшего момента, чтобы овладеть Шурис-цихе, закрыть для врага двери Картли и возвести большой город-крепость, не мог бы вообразить себе ни один грузин, будь он хоть сам царь...

— Эх! Был бы я грузинский царь! — простонал однорукий Вахо.

— И ты? Вы тут, как я погляжу, все цари! Ну и что бы ты сделал?

— Пошли! — Вахо вскочил на ноги. Однорукий, с вытянутой шеей, он удивительно походил на ощипанного фазана.

Горгасал тяжело поднялся и, не торопясь, без колебаний последовал за ним. Старцы скривили шею от любопытства.

Вахо пошел вверх по воде к самому утесу. Из расщелины у подножия скалы ключом била вода. Исток ручья угадывался смутно, как в тумане.

Горгасал по колено стоял в воде и чувствовал, что здесь она намного горячее. Пар клубами вырывался из расщелины.

— Гм, что бы я сделал? А ну, считай до десяти! — зло бросил однорукий и неожиданно лег животом на воду и с силой во всю длину сунул свою единственную руку в пасть источника. Теперь горячая вода била ему прямо в лицо.

Горгасал начал быстро считать.

— Спокойнее, грузин! Это тебе не охота на фазана! Тут дело в выдержке!

Его слова задели Горгасала. Он был очень вспыл-
чив... Но на старцев из этого теплого ущелья сердить-
ся не мог. Горгасал замедлил счет. Мысль его рабо-
тала с лихорадочной быстротой: «Сколько чего наго-
ворили, вразумили, да и куснули по справедливости!
И эта басня о фазане: хочешь быть мудрым, слышать
правду — ходи голым по земле!».

— Девять, десять! — громко закончил Горгасал и
коснулся тела Вахо. Мускулы у него были стальные.

Вахо вынул руку из отверстия в скале и встал. Ру-
ка была красной, как если бы ее покрасили, пар тон-
чайшей тканью поднимался над ней.

— Я достал бы этой рукой жар родной земли, и ты
увидел бы, как сокрушил бы я врага, как настроил бы
городов и крепостей! Вот что я сделал бы!

Рука Вахо горела, как большая восковая свеча.

Досада и воодушевление одновременно овладели
Горгасалом. Он лег в горячую воду и сунул обе руки
в расщелину, из которой бил источник. Ему обожгло
руки, но он стерпел и, с трудом увернувшись от струи
воды и пара, насыщенных запахом серы, крикнул
Вахо:

— Считай до двадцати, у меня ведь две руки!

Горгасал почувствовал, как глубинный жар проник
в него сквозь кончики пальцев, в грудь ударила горя-
чая волна... Обдала подбородок, опарила лоб, окати-
ла спину... Капельками пота собралась в выемке по-
звоночника и стекла вниз по пояснице, бедрам, икрам
к пальцам ног, зарытых в горячий гравий.

Но, о чудо! Горячая волна не только не смешала
его мысли, напротив, придала им необычайную чет-
кость, одарила удивительной силой прозрения...

«Ключ к Шурис-цихе в жаре этого источника, басне
о фазане и давилъне! Угадал... Теперь-то уж я возьму
ее... И таким образом двух зайцев... нет — трех оленей
поймаю... нет — четырех, пять... О, это же... мой тезка,
однорукий Вахо-мастер считает! Как он сказал? Будь
он царем, что бы он сделал?! Я вот царь и сделаю это!
Крепость, питиахш Варскен... Закрывать наглухо врата
Картли... Отказаться от дани... Построить столичный
город-крепость... Как его назвать, подскажет этот ис-

точник, ближайшие окрестности... Цхелгубе¹ — нет, Тбилхеви² — нет, Табори-Вере-Лиси — снова нет... лиси — нет, Тбилиси!!! Вот, нашел!».

— Хватит! Довольно... До двадцати пяти уж дошел! — шамкали старцы.

Они собрались возле источника, но царь Горгасал не спешил. Он выдержит еще. Здесь он черпает мудрость родной земли. И потом ему надо еще все обдумать...

«Этой же ночью с небольшим войском тихо, бесшумно... А потом всех, весь народ выведу на строительство Тбилиси, столичного города Тбилиси!».

— В крепости сменилась стража!

До Вахтанга вдруг дошел многозначительный смысл слов Шавлего. Он вскочил. Вскинул, подобно оленьим рогам, налитые жаром руки. Он чувствовал себя заново родившимся, исполненным безграничной силы.

— Что за доспехи надели вы на меня, голого! А я чуть было не потерял веру в свои силы! Люди добрые, так будем строить вместе! Да падет проклятье на нарушивших слово свое!

— Добро!

— Аминь! Аминь!

— Эх, боже мой!

— Да будет так!

Горгасал не стал больше ждать, махнув рукой голым старцам, он направился к зарослям кустарника. Оттуда уже несло ржание коня.

Солнце зашло. Над Курой мягко стелились вечерние сумерки.

— Эй, охотник... Ты не сказал нам своего имени и... Кто бы ты ни был... Эти лук и стрела с крестом еще понадобятся тебе, охотнику за счастьем... И дичь свою не забудь...

— Завтра скажу имя... Наутро ждите меня здесь... А сейчас чтоб духу вашего тут не было! Фазана забе-

¹ Горячая лужа (груз.).

² Теплое ущелье (груз.).

рите, в разоренном селе немало сирот, отдайте ^{одно} /
му из них, скажите, отец, мол, прислал!

Горгасал взял у Шавлего лук со стрелой, ^{привел} /
рукой по его мокрой длинной бороде и скрылся в куст-
тах.

Старцы надели свои лохмотья и, спустившись к берегу Куры, наткнулись на сидевших в засаде воинов. Лица воинов были скрыты под повязками, они крикнули на потрясенных старцев, велели сойти с тропинки и идти лесом.

...В чащобе старцы снова напоролись на засаду. И снова на них замахали руками, припугнули, посоветовали «бесшумно убираться», но чем больше их пугали, чем чаще сбивали с пути, тем пуще воодушевлялись они, и затаенные улыбки уже блуждали по их лицам.

Совсем стемнело, когда они пересекли тропинку, ведущую к Шурис-цихе. Внезапно люди в бурках тенями окружили их. Чуть было не проткнули копьями... А старики уже, не таясь, хихикали. Им велели замолчать. Не церемонясь, пригнали к дубу; под сенью его тоже скрывались воины, среди которых выделялся один, высокий, в бурке.

— Кто вы? — низким протяжным голосом спросил великан.

Старцы уже не могли скрыть своей радости.

— Я спрашиваю, кто вы, дурачье вы этакое?!

Воины ткнули их копьями в спины.

— Ощипанный фазан! — вырвалось у Шавлего с хихиканьем.

— Давильня! — улыбаясь откликнулся Бакур.

— Столичный город-крепость! — с царственным достоинством воскликнул однорукий.

— Самшитовый крест, — нараспев произнес старик с крестом.

— Аминь! Ах вы, плуты этакие! Будь я царь, ох и задал бы вам! — воскликнул верзила в бурке и, повернувшись к воинам, приказал: — Пропустить их... пропустить... Посадить на коней, проводить с миром... Это отцы города Тбилиси!

Ночь выдалась облачно-лунной. У подошвы Сала-лакской скалы застывшие тени и те, казалось, пришли

в движение. Даже наблюдательному глазу трудно было бы разобрать, повинна ли в этом луна, скользкая сквозь облака, или неслышно крадущееся войско. Впрочем, воинов было немного. Ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы тайно оцепить скалистую тропу, ведущую к крепости, берег Куры и дорогу на Кожори.

Скала над Курой, прибрежный лес, окрестные горы — все хранило молчание, причудливо расцвеченное лунным светом, пробивающимся сквозь облака. И только Кура, не зная устали, рокотала в Метехской теснине... И еще — до чуткого уха Горгасала со стороны теплого ущелья доносилось глубинное биение горячего источника, оно придавало ему силу и уверенность в себе. Запах серы смешивался с ароматами засохшей малины, перезрелой ежевики и спелого граната. Откуда-то снизу, из темноты, доносился волчий вой. Порой тишину разрывал крик испуганного фазана, в нем звучала надежда.

Шурис-цихе глухим филином возвышалась над скалой. Лунный луч, лениво скользкий по ее кованым воротам, погружавшимся во мрак, когда набежавшее облако отбрасывало на них тень, слепил глаза сидящим в засаде. В этой игре света и тени ворота казались то открытыми, то закрытыми.

Горгасал неподвижно сидел в пещере, только жилка билась на виске, как бы отсчитывая секунды. Где-то вдалеке, в разоренном селе раздался полночный крик петуха. Он донесся сюда словно из глубины веков.

«А что если я и на этот раз ошибся? Неужели они не придут? Вдруг Варскен поправился или, наоборот, умер?» — эта мысль вконец встревожила Горгасала. Он стал горячо молить бога, чтобы питиахш Варскен, смертельный враг его и всей Грузии, которому давно следовало лежать в земле, оказался жив.

И действительно, все было подготовлено как нельзя лучше.

Тропа, ведущая из крепости, оцеплена. Возле горячего водоема залегли воины с мечами и копьями. Им строго-настрого приказано не смыкать глаз.

— Кто закроет глаза — больше не откроет их! Кто издаст хотя бы один звук — это будет его последний звук! Первое слово и условный сигнал — за мной! Мы у порога Тбилиси, мы начинаем строить столицу! Пароль во время битвы — фазан!.. Ответ — самшитовый крест!

...Все готово, внутренним взором он даже видит будущие контуры стольного града Тбилиси. Однорукий открыл ему глаза! Это — во всех отношениях прекрасное и подходящее место! Эх, сколько лет прошло даром в поисках его по обе стороны Лихи!

Ему было тесно в Мцхета, он постоянно чувствовал себя как бы загнанным в тупик. И городу некуда было расти между гор и двух рек.

«Либо нужно подняться вверх по Арагви, ограничить свое царство горами и навсегда запереться в них со своим народом... Либо же — спуститься вниз по течению Куры, найти надежное место на распутье больших дорог для постройки города-крепости и основать обширное царство, объединив все грузинские и родственные им племена!».

И вот сейчас все части целого слились воедино — не доставало только давилни, чтобы свершилось великое дело... Нет и нет этой давилни!

Прошло довольно много времени. Кто знает, сколько столетий — вот так, подобно Горгасалу, — таился в засаде и ждал своего часа народ... И вот, кажется, пришло его время... А сигнала все нет!.. Вдруг они опоздали, вдруг упустили время, и теперь, бог знает, сколько еще веков придется ждать засевшему в укрытии грузинскому народу подобного стечения обстоятельств?!

...Горгасал совсем было потерял надежду, и тут где-то внизу вдруг снова закричал фазан. Вахтанг повернул голову на крик, но оруженосец неслышно коснулся его, вновь привлекая внимание к кованым воротам Шурис-цихе.

На сей раз ему показалось — они открылись. Нет, он не ошибся... Последнее звено легло на свое место.

Из полуоткрытых ворот выскользнули две тени и неслышно пустились вниз по тропе. Казалось, они парят над скалистой тропинкой. Почти вплотную прошли

мимо затаившей дыхание засады. Ничто вокруг не нарушало тишины. Только где-то вдаль выли волки.

На сей раз, казалось, и в самом деле прошла целая вечность. Под конец один из лазутчиков вернулся назад и постучал в ворота. Это стучалось грядущее.

На этот раз ворота крепости открылись гораздо шире. Из нее вышли около десяти воинов гарнизона. Затем ворота распахнулись настежь, и нечто похожее на массивное бревно бесшумно выплыло из мрака, поддерживаемое невидимой силой.

— Давильня! — вырвалось у Горгасала.

Около десяти человек поддерживало ношу. Они шли, низко опустив головы, и сидящие в засаде с трудом могли различить их.

Странный караван походил во мраке на огромную гусеницу-многоножку. Горгасалу бросилось в глаза, что сверху во всю длину давилня была покрыта бурками.

Когда караван спустился вниз на внушительное расстояние, Горгасал начал действовать. У него все было предусмотрено. Он послал в нижнее укрытие связного. Тот кратчайшим путем ползком должен был добраться до своих и передать им приказ стянуться к горячему водоему.

А спустя некоторое время Горгасал подал условный сигнал.

Лишь раз гроыхнула давилня... У кого-то вырвался стон. Что-то хрустнуло... Шорох пронесся по лесу и зарослям кустарника. И покатился камень... Раздались всплески воды, глухо зазвенел металл. И кто-то вскрикнул. Но этот вскрик скорее походил на вопль шакала. Неясные приглушенные звуки растворились в привычном лесном шуме. И вскоре в теплом ущелье вновь воцарилась немая тишина...

Спустя некоторое время человек десять несли вверх по подъему ту же давилню, по-прежнему укрытую во всю длину бурками. И на этот раз они шли, низко опустив головы, так что их с трудом можно было различить. Одно только — давилня плыла над землей гораздо выше, чем когда ее спускали вниз.

Позади по-прежнему шли с десятком воинов гарнизона, готовые сменить своих товарищей, несущих да- вильню. Из них один особенно выделялся своим ^{высо-}ким ростом и мощным телосложением. Именно он ча- ще остальных подменял поддерживающих да- вильню сзади, именно он сгибался под ее тяжестью сильнее других.

Несущие да- вильню обливались потом. Ни одна кап- ля воды не вылилась из нее. Как только караван при- близился к воротам крепости, они широко распахну- лись.

В воротах их встретил начальник крепости. Тут же стояла стража. Под аркой ворот было темно. Персы избегали света.

Несущие да- вильню ускорили шаг. Некоторые даже споткнулись о порог. Чуть было не задели да- вильней цихистави.

— Эй, вы! — злобно крикнул он, выйдя из себя, и огрел плетью понурых воинов. Никто не произнес в ответ ни звука, еще ниже опустили головы несущие да- вильню.

Тут вслед за ними в ворота устремились сопровож- давшие их воины, не давая страже возможности опо- мниться. Непристойно выругавшись, цихистави набро- сился на них:

— Что с вами?! Гонятся за вами, что ли?!

Он самолично задвинул засов на воротах и оклик- нул стражу. С некоторым опозданием он вдруг почув- ствовал что-то неладное. И понял — не было столь привычного жара, пара и запаха серы. На какой-то миг он остолбенел от неожиданности, затем бросился к да- вильне, обежал ее со стороны лестниц, с трудом обой- дя какого-то верзилу, встал над ней, поднял бурку и заглянул внутрь... Однако, прежде чем он успел что- либо увидеть, голова его скатилась с плеч прямо в да- вильню. Сидящие в ней воины повскакали с мест. Еще мгновение, и стража у ворот была обезглавлена.

Царь приказал поставить да- вильню на землю и, поддев окровавленным мечом бурки, отдал воинам ти- хий приказ:

— Впускайте наших! Займите башни, внутренние постройки... все... Считаю до двадцати — затем всту- паем в бой!

Войны растаяли как призраки. Осталась только да-
вилля. В темноте она походила на тень обрушившей-
ся башни.

Вновь скрипнул засов на воротах.

— Фазан!

— Самшитовый крест!

Выскользнувший из-за облаков лунный луч отра-
жался на острие меча Горгасала, и оно сверкало, освещая
путь все новым и новым трепещущим теням. Все — живое и неживое — превратилось в тени. Мо-
гильная тишина царила вокруг.

...И вдруг страшный грохот раздался со всех сто-
рон. В чьей-то руке зарделся пламенем факел, но ес-
тут же отсекли, и вместе с отсеченной рукой факел
метеоритом пролетел над крепостью и сгорел в одном
из внутренних ее дворов.

Рукопашная, разыгравшаяся ночью, была краткой
и кровавой. Без пощады, без примирения. Тени боро-
лись против теней.

Перед рассветом из врагов в живых оставался
только больной ревматизмом питахш Варскен. Свя-
занный, он лежал у ног Горгасала, корчась от боли.

— Уберите его, бросьте в оскверненную им же да-
виллю!.. Пусть там дожидается своей участи!

Горгасал послал сообщить радостную весть в Мцхе-
та, Уджарма, повсюду... Он приказал созвать к вра-
там будущего города эриставов, отцов церкви, свое
войско, весь народ. Не забыл и ремесленников, столя-
ров, каменщиков, каменотесов, строителей крепостей.
Они должны были развести огонь в новом очаге, про-
греть его, сродниться с ним, и потому Горгасал при-
звал своих многочисленных подданных с женами и
детьми, всех женщин во вторичном замужестве, всех
разоренных вдов и сирот; от каждой старинной семьи
призвал брата или сестру, юношу или девушку для
создания новых семей.

Покончив с важными делами, он послал своего ору-
женосца в теплое ущелье, дал ему лук, из которого
убил фазана, и приказал поднять в Шурис-цихе стар-
цев из горячего водоема.

Потрясенные старцы кинулись в ноги своему царю, представшему перед ними в соответствующих одеждах. Поклонились ему.

— Прости нашу дерзость! Мы-то углядели в тебе что-то от господина, но голого царя разве узнаешь?!

— Сколько чепухи наговорили!

— Сколько земли намесили, накопили!

— Аминь! Аминь! Отпусти нам вину нашу!

Радостно бормотали они, несколько испуганные, бились лбами о лестницу.

— Что вы несете?!—возразил Вахтанг Горгасал.— Это ведь благодаря вам... И вы знаете об этом... Вы указали на место, где будет город возведен... Вы и зачинатели его! Вам и держать ответ... А фазану я поставлю памятник из камня!

Он поднялся на ноги.

— Поздравляю вас с победой, отцы города Тбилиси! Первое слово за вами... Вы помогли мне взять Шурис-цихе, вам и решать, какой приговор от имени будущей столицы и всего народа вынести главному предателю!

Вахтанг подал рукой знак. Караульные убрали бурки, покрывавшие давяльню. Подняли связанного пленника.

— Окаянный Варскен?! — воскликнули старцы, сжимая кулаки... Но сдержали себя перед царем и его дружиной. Великой ненависти пристало спокойное величие отцов. Поправив лохмотья, они уже в качестве судей уселись на шкуру оленя на ступеньках лестницы с той непринужденностью, с которой возлежали в горячем водоеме. Бесстрастно сложили руки на груди.

Один из старцев произнес небольшую молитву, осенил самшитовым крестом крепость и новый ее гарнизон и потребовал перо и пергамент. Ему немедленно подали фазанье перо, а вместо пергамента — послание персидского царя Пероза на имя питиахша Варскена и, повернув его обратной стороной, положили старцу на колени.

Шавлего из Вере, кашлянув, произнес:

— Нечего тут судить да рядить — время лихое, каждый должен отвечать за дела свои! Скажем главное, на том и кончим... Палачу народа, предателю родины... — он прервал себя и взглянул на старика с

крестом, приглашая его продолжить. Тот стал осыпать проклятиями своего учителя:

— Вероотступник!.. Пришло время расплаты за истязание несчастной Шушаник и многих других.

— За разорение народа и наших сел! — подал голос и Бакур из Табори. — Настало время возмездия за вырубленную лозу и поруганную давяльную!

— Я требую руки! — вскочил на ноги плотник Вахо, выбросив вперед единственную левую с растопыренными пальцами. — Великий тезка! — обратился он непосредственно к Вахтангу. — Эта змея лишила меня правой руки, когда я отказался строить для врага Шурис-цихе... Ты же всем, кто работает на врага — будь то соплеменник или даже родственник, — должен отсесть руки!

— Аминь! — подтвердили старцы.

— Аминь! — произнес царь. — Лихое время!

Тут же на краю давяльной Варскену ударом сабли отсекли руку.

— Какова будет мера наказания за все его преступления? — спросил царь у судей.

— Сбросить его с крепостной стены! — воздел руку Шавлего.

— Вместе с оскверненной им давяльной... — откликнулся таборец.

— А его добро и сокровища использовать на сооружение города Тбилиси, — добавил мастер Вахо.

— Аминь! Аминь! — подтвердил старец с крестом, выводя фазаньим пером приговор.

— Да будет так! — приказал Горгасал.

Все без промедления поднялись на крепостную стену.

Высоко в небе сияло солнце. Внизу лежала свободная страна. Кораблем проплыла в воздухе давяльная, отозвавшись грохотом где-то в теплом ущелье, в районе горячего водоема.

— Есть на земле справедливость!.. А строительство столицы за нами! — задумчиво произнес однурукий.

— Аминь! — отозвался Горгасал.

— Аминь! — воскликнули остальные.

Весь народ возводил новый город. Зодчим был однорукий.

Окрестности Тбилиси наполнились жизнью. Работали все — знатные, незнатные, работали усердно, основательно — закладывали фундаменты, возводили опоры, способные выстоять века, готовые к любым вторжениям и бедствиям.

...Врата города Тбилиси тесали и ковали тао-кларджетцы; западную стену строили карталинцы; восточную с башнями — гаре-кахетинцы и хевсуры; Метехскую крепость и дворец возводили каменотесы и каменщики из Уджарма и Ниноцминда; у подошвы Салалакской горы трудились арагвинцы и триалетцы.

Жители Самшвилде и Аteni расширяли крепость, возводили новые башни. А на строительстве моста через Куру первенствовали представители Мцхета и Бердуджи.

В теплом ущелье возле горячих источников хлопотали крестьяне из Лиси, Вере и Табори. Строили водохранилища, чистили их, подводили к горячей воде глиняные трубы... А жители Уплисцихе приступили к строительству бань.

Фундамент дворца закладывали каменщики из Самцхе, каменотесы и резчики из Армази. На месте будущих базаров и караван-сараев представители Мцхета и Сомхити возводили временные деревянные постройки.

Урбнисцы и ташискарцы сплавляли плоты с лесоматериалом. Дидгорцы и манглисцы орудовали топорами — рубили лес на месте будущего города.

Уже не таясь, с молитвами и молебнами закладывали фундаменты трех храмов. Народ не прятал крестов. У каждого на груди красовался самшитовый крест.

Первыми переселились в новый город мцхетские цеха и купечество. Они обосновались в районах бань и Салалакской скалы.

Люди, бежавшие в свое время из ближних сел, стали возвращаться назад. Убегали разоренными сельчанами, возвращались новоиспеченными горожанами.

Первый караван пришел в Тбилиси по Фазисо-Шорапанской дороге из Греции, за ним последовали ка-

раваны из Бардави и Хунани. Продав с прибылью свои товары, они отправились в чуждадьные страны, разнося по дорогам, базарам и дворцам славу о давно основанном граде Тбилиси.

В только что открытых землянках с плоскими кровлями, в домах с каминами и без каминов — повсюду хозяйки разжигали огонь, выносили пылающие головы. Прогрелись очаги, зашумели на огне кастрюли и котлы. И в тонэ запылал огонь, мирный дым устремился в тбилисское небо, наполняя жизнью окрестности.

Подоткнув подолаы и засучив рукава, стирали женщины в горячем сернистом ручье теплого ущелья. И тут же на ветвях дубов сушили белье... Здесь же обсуждали свои дела. А однажды в воскресенье собрались все вместе и отправились в Мцхета за крестом св. Нины. Они перенесли святой крест из лозы в Тбилиси. Будто самшиту привили виноградную лозу.

После этого увеличился приток нового населения в город. Люди стали разбивать большие виноградники.

Ароматы клубники и ежевики, грибов и мха, чихрицы и плюща сливались с непривычными запахами свежеструганных досок, известки и свежевыпеченного хлеба.

Звери, вспугнутые еще раньше, ушли из тбилисского леса.

И только фазаны во множестве водились на берегу Куры. Их считали птицами-покровительницами и не трогали. По приказу царя чеканщики из Саркине оттиснули на серебряной пластине изображение фазана и крест и вычеканили надпись: Тбилиси.

...И еще однажды в знак победы над Шурис-цихе Вахтанг Горгасал выстрелил из лука. И там, куда упала стрела, он закопал свое кольцо, а сверху поставил большую каменную скульптуру фазана. Из вздернутого клюва скульптуры с клокотом бил вечно горячий фонтан, берущий начало в недрах Тбилиси.

Отныне у Тбилиси было два покровителя, две святыни — крест из лозы и каменный фазан.

Вслед за первыми строителями и созидателями домашних очагов в столицу прибыли музыканты, сказите-

---

Леван Готуа. Два рассказа.

ли, поэты. Они воспели в стихах и песнях образ города Тбилиси. Они первыми увидели, что столица Грузии построена по образу правого крыла фазана... А левое крыло его — небо и горы.

Они же предрекли — до тех пор, пока не иссякнет жар подземных источников столицы, не суждено угаснуть жизни в городе Тбилиси.

И добавили — в лихолетье, когда над столицей и всем народом нависнет опасность, когда для Куры — летописи Картли — наступят тяжелые дни и воды ее окрасятся кровью, когда ужас и страх завладеют народом... выбьют у многих почву из-под ног... тогда безлунной ночью из стремнины у подошвы метехской скалы, из недр горячих источников явится каменный фазан. Он выгнет шею и закричит, и крик его условным знаком или надеждой прозвучит для тех, чьи уши слышат, чье сердце бьется, чья боевая и созидающая десница сокрушает и творит, как это присуще грузинам.

1958 г.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

КИНЦВИССКИЙ АНГЕЛ

ОПЕЧАЛЕН был князь Шиош. Еще не случилось такого в роду Панаскертели. Не сдержал он слова, данного царице и будущему зятю, избранному для него самой венценосной Тамар.

Стоял Шиош на пороге Кинцвисского храма и потирал скулу. Все знали — князь в предельной ярости.

Испуганный служка дрожащими руками с трудом приоткрыл дверь храма и, склонившись, как шиповник при сильном порыве ветра, пропустил князя вперед.

Строительство Кинцвисского храма было почти окончено, лишь кое-где оставались неоштукатуренными стены и не были облицованы зубцы ограды.

И роспись казалась завершенной, но именно в ней крылась причина гнева Шиоша-Панаскертели.

Вот и сейчас обвел он взглядом своды храма и остановил взор на левой стене с изображением царицы Тамар и ее венценосной семьи. По велению Тамар и на ее пожертвования был сооружен Кинцвиси во вла-

денях Панаскертели. Шиош принял на себя все заботы и хлопоты, обязуясь в короткий срок построить храм, достойный величия царицы.

Вот и пришел назначенный срок... Храм и в самом деле удался на славу... Вновь обвел Шиош взглядом строительные леса, и вновь омрачилось его чело...

Все еще оставалась нерасписанной стена меж северными окнами, и ее белизна раздражала князя.

— Эх, жаль, умер не вовремя... — вспомнился Шиошу художник.

Три года расписывал он стены храма. Только одного ангела не успел написать. Но не в этом крылась причина князева гнева.

Дерзкая мысль овладела им. Мечталось ему видеть в лице того ангела образ своей единственной, уже обрученной дочери, которую вскоре увезут от него навсегда. Неужели даже изображения любимой дочери не останется у одинокого отца?

Уже близка осень, а с нею приближается и день свадьбы. Вот-вот прибудет жених, а храм не достроен и не освящен.

— И надо же было ему завещать свою работу именно глухонемому, — возмущался Шиош. — Где же искать по всему царству грузинскому, от Дербента до Ареза, глухонемого художника?

Не раз порывался князь пригласить кого-либо другого, но завещание старого мастера останавливало его.

Знал Шиош и то, что даже одна фреска, выполненная в иной манере, могла бы нарушить целостность прекрасной росписи...

В какие только монастыри ни рассылал он гонцов, каких только живописцев ни отыскивал его моурав, но не было среди них глухонемого художника.

...Стоял Шиош посреди храма и потирал скулу.

Никто не осмеливался приближаться к нему в такие минуты.

— Вырву язык, глаза выжгу, — бормотал в гнев Шиош.

Своды храма глухо повторяли угрозу, и это приводило Шиоша в еще большую ярость. Он любил раз-

мышлять вслух, но кругом в это время должна была царить тишина. А каменные своды не подчинялись ему и насмешливо вторили его словам. И вот уже собственный голос стал раздражать князя.

Вдруг скрипнула дверь храма и раздались чьи-то уверенные шаги. От ярости у князя свело скулу, он схватил лежащую неподалеку кисть и уже собрался было швырнуть ее в вошедшего, но вовремя спохватился и опустил руку.

На него смотрели лучистые глаза Лелаи. Она стояла перед ним, легкая и нежная, как весенний ветерок.

— Он идет! — крикнула Лелаи и повисла у отца на шее.

— Кто идет? — сурово спросил князь и перевел взгляд с княжны на белое пространство над лесами. Там, именно там жаждал он запечатлеть красоту юной дочери. Лелаи была последним отпрыском рода Панаскертели.

«Ох, вырву кому-то язык», — продолжал бушевать Шиош, прижимая дочь к груди.

— Иоанн-немой идет!

— Что еще за Иоанн? — Шиош мизинцем пригладил дочери бровь.

— Немой художник. Моурав отыскал его в Вардзии.

— Слава тебе, господи! — осенил себя крестом князь, и сдавившая сердце злость внезапно отпустила его, да так, что он даже покачнулся, вздохнул с облегчением и быстрыми шагами последовал за дочерью.

* * *

Аробная дорога к Кинцвиси шла лесом вдоль ущелья Дзамы, затем поднималась по склону горы.

Горделиво возвышающийся над зеленым ковром купол был виден еще от подножия, а поднявшись выше, можно было заметить и ограду, увенчивающую крутой склон.

Иоанн еще внизу спешил, послал вперед сопровождавших его людей и мулов и долго смотрел на купол Кинцвиси.

По склонам гор густыми волнами чередовалась темная и светлая зелень дремучих лесов, над которой, подобно огромной митре, возвышался каменный резной купол, освещаемый тусклыми лучами солнца.

Иоанн неспешным шагом, с достоинством пошел по узкой тропинке. Он был высок ростом и казался еще выше в черном одеянии до пят.

Иоанн отвык от долгих путешествий. На подъеме ему стало жарко, и он откинул мрачный капюшон. Лицо его с правильными чертами обрамляли волнистые черные волосы и густая борода. На бледном челе легла ранняя морщинка.

Когда Иоанн приблизился к ограде Кинцвисского храма, его уже поджидали мастера и плотники. Всем не терпелось увидеть любимого ученика старейшего художника, которому было завещано довершить работу учителя. К тому же все уповали на то, что с его приездом смягчится грозный Шиош.

Неподалеку, окруженная подругами, стояла и Лелаи.

Иоанн же не замечал никого и ничего, кроме резьбы над входом в храм. В вязь виноградной ливы мастерски была вплетена чалитая гроздь. Художник перевел взгляд на изразцы, украшавшие арку ворот. У нижней кромки орнамента взгляд его невольно остановился. В группе женщин, прильнувших к стене, заметил он девушку, чья красота поразила его. Ему, немому, и наверно потому предельно непосредственному, всегда с трудом удавалось скрыть свои чувства.

Лелаи представилась Иоанну ангелом, искусно вписанным в орнамент.

Он неловко подошел к девушке, протянул руку и, словно не веря своим глазам, длинными, точеными пальцами коснулся ее руки.

Так касается рука художника мрамора, из которого предстоит высечь крест.

Иоанн тут же отдернул руку и отошел.

Лелаи, еще сильнее прильнув к стене, будто и вовсе слившись с резьбой, не сводила с пришельца удивленного взгляда. Женским чутьем ощутила она замешательство художника, но, привыкшая к восхищению, принимала его как должное.

Иоанн же не заметил ни людского шепота, ни внезапно воцарившегося вокруг молчания.

Ему вдруг привиделись трепетные крылья за спиной девушки, живые, лучистые глаза ее подернулись поволокой, стройный стан облекли воздушные одеяния, и явился художнику образ сошедшего с фрески ангела.

Женщины медленно разбрелись, и оставшаяся в одиночестве Лелаи почувствовала неловкость... Она оторвалась от стены и со звонким смехом скользнула в ограду.

Видение исчезло. Немой осенил себя крестом и, склонив голову, ступил через порог.

* * *

Сидя на каменной плите под старым орехом, ожидал князь Шиош немого художника.

Тот же, стоя неподалеку, созерцал Кинцвиси. Взглядом мастера окинул он храм, оценил точность и легкость его парусов и сводов, обошел вокруг, затем принялся разглядывать портал и купол.

Умиротворенный, раскинул он руки, словно заключая в объятия детище своего знаменитого учителя, и, так и не заметив князя, вошел в храм.

Шиош свел кустистые брови.

— Он горд и независим, — доложил князю моурав, — если не по душе придется храм, ни за что не возьмется за работу.

— Что? Чем же Кинцвиси может прийтись ему не по вкусу? — разгневался князь и, подозревав Лелаи, вошел вместе с дочерью в храм.

Художник стоял с непокрытой головой, с восхищением оглядывая роспись. Лицо его сияло.

Каждый мазок кисти, каждый оттенок, каждый изображенный лик — все было согрето хорошо знакомым ему чувством.

Иоанн любовался живописью своего учителя, богатством красок и, казалось, вел никому не слышимый разговор со своим учителем.

Ему бросилось в глаза саваном белевшее пространство на левой стене храма, однако едва видимые штрихи раскрывали невоплощенный замысел учителя. Мастер собирался изобразить на этой стене ангела, но не суждено было ему завершить работу... Штукатурка

уже просохла, и светлое пятно казалось Иоанну по-
меркшим оком учителя. Постиг ли ученик замысел учи-
теля?..

Художник обернулся, чтобы еще раз взглянуть на
врата ограды. Что хотел он увидеть там? Затеяливую
вязь виноградной лозы или же ангела?..

И тут он вновь увидел Лелаи. У входа в храм стоя-
ли и другие люди, но Иоанн видел только своего ан-
гела. Он пригляделся к девушке и в воображении пе-
ренес ее нежные черты на зияющую пустоту северной
стены.

«Этот немой воистину ясновидец». — подумал Шиош,
угадав чувства Иоанна и не досадуя больше на то, что
он тотчас по приезде не предстал перед ним — гроз-
ным князем и отцом «ангела».

Только бы художник исполнил его желание, толь-
ко бы исполнил!

В эту минуту терпеливым и милостивым был Шиош.
Низко склонив голову, подошел Иоанн к Лелаи и,
протянув к ней руки, жестом позвал к лесам.

Не поняла немого Лелаи, вздрогнула, смутилась и
опустила глаза.

Тогда Иоанн почтительно и осторожно взял девуш-
ку за локоть и повел к лесам.

Вспыхнула юная княжна, оскорбленная дерзостью
немого. Но стоявший рядом отец молчал, да и сама
она вдруг почувствовала, что гнев не коснулся ее серд-
ца, и спокойно последовала за художником.

Шиош молчал, сам себе удивляясь — другому он
такой дерзости не спустил бы. Но сейчас одна-един-
ственная мысль владела им, и он даже нашел худож-
нику оправдание. «Язык немого — это глаза да руки!
Что же ему оставалось делать?».

Шиош был некрасив. Крупное лицо его с горбатым
носом было обезображено оспинами и шрамами — от-
метинами ран, полученных в Болостикской битве. Вот
почему боготворил он красоту дочери, сам любовал-
ся Лелаи, и нравилось ему, когда и другим не удава-
лось скрыть восторга перед ее красотой.

«Чему же еще удивляться, если и немой тотчас узрел в ней ангела! Воистину ангел моя Лелаи» — криковал он.

Иоанн стал подниматься на леса, увлекая за собой девушку.

Княжна не спускала испуганных глаз со своего сурового отца. Уже наверху художник обернулся, встретился взглядом с князем и, поняв, как отнесся к его невольному поступку грозный Шиош, отпустил руку девушки. Обделенный природой, он не любил великих по рождению представителей «говорящего мира».

— Несите ковер, подушки! — приказал князь.

Тотчас принесли все для того, чтобы Лелаи было удобно сидеть.

Художник приступил к работе, даже не сняв дорожного платья. Он сбил со стены старую штукатурку и весь отдался во власть своего замысла.

* * *

Шиош Панаскертели не спеша ехал на своем сером с белой звездочкой во лбу коне. Со спокойным сердцем возвращался он во дворец, уверенный в том, что роспись Кинцвиси будет завершена в назначенный срок. И в самом деле, она была в надежных руках. Правда, уж больно молод немой художник, но в нем князь чувствовал столько силы, что на многое закрыл глаза и, не задумываясь, доверил ему завершение росписи Кинцвиси.

У Гведзинети князя нагнал гонец. В свитке значилось, что Берда Гварели, жених Лелаи, назначал свадьбу на осень и слал нижайший поклон своей невесте.

Князь окинул долгим взором Дзамское ущелье.

На склонах работали жнецы. Уже в разгаре была молотьба, в садах поспевали фрукты, наливалась соком лоза. Не за горами была и осень.

Но Шиош был спокоен. Он уже известил Урбнели о дне освящения храма и стал готовиться к свадьбе.

А в Кинцвиси всю разгорелась работа — возводили ограду, завершали постройку трапезной.

Иоанн не выпускал из рук кисти. В работе он был неутомим и беспощаден к себе. Ведь живопись — это единственное, что связывало его, от рождения лишен-

ного слуха и голоса, с богатством и многообразием ок-
ружающего мира. И поистине он жил только тогда, когда
когда писал.

Днем он расписывал иконостас малой церкви, в храме же, где все, казалось, было уже завершено, у основания правой стены изобразил по памяти прославленного учителя, вложив в работу всю свою любовь и уважение к нему.

Когда же лучи солнца проникали в южное окно храма, а отблеск их ложился на северную стену, лицо немого преобразалось, и он спешил к лесам, просветленный и возвышенный.

В это время туда приходила Лелаи.словно слетая с купола, она всегда появлялась неожиданно и мягко опускалась на подушки. И немой художник приступал к работе, бережно запечатлевая на стене ее нежный и утонченный облик.

Бывало, подолгу смотрел на нее Иоанн. Подмечал в уголках губ скрытую грусть или улыбку, в игре бровей безошибочно угадывал внутренний трепет, и кисть выражала его затаенные чувства.

День ото дня все глубже и глубже постигал он образ ангела. День ото дня полнокровнее и трепетнее становилась фреска.

Лелаи, любившая подолгу рассматривать свое отражение в зеркале, видела там лишь беззаботную, резвую и своенравную красавицу. В облике же, возникающем под кистью немого, упрямство сменялось застенчивостью, легкость — сдержанностью, беспокойство — грустной мечтательностью. Но удивительно — ни одна черта, схваченная кистью художника, не казалась девушке чуждой, на фреске Лелаи узнавала себя скорее, нежели в зеркале. Чувствовала она и то, что сердце Иоанна преисполнено всем ее существом и образ ее в красках явлен миру для вечной жизни.

Бывало, Лелаи приносила с собой рукоделие, и как-то даже попросила Иоанна нарисовать орнамент.

Она сидела на мягких подушках и вышивала, и однажды, сама того не заметив, уснула. Неслышно, точно кошка, подкралась к ней дрема. Прыгнула на ко-

лени, забралась на руки, пушистой лапкой провела по смежившимся векам.

Иоанн отложил кисть и долго смотрел на новые, словно крылья бабочки, ресницы, потом приблизился к девушке и, подобно тому, как прикасаются к лику святого на иконе, прикоснулся губами к подолу ее платья.

Лелай не проснулась. Лишь выронила из рук башлык, который расшивала золотом. Иоанн поднял его и невольно накинуд на плечи. Сладостное тепло пробежало по его телу. Немой вздрогнул и осторожно положил башлык на колени Лелай. Не знал он, для кого расшивала девушка башлык, и самые невероятные мысли закрадывались ему в голову.

В тот день Иоанн уже не работал — кисть казалась неимоверно тяжелой и не слушалась его.

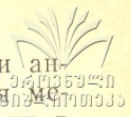
Лелай покорно позировала художнику. Но напряженная тишина храма утомляла веселую и непосредственную княжескую дочь. Бывало, вскочит она на коня и помчится в лес, распугивая собирающих кизил крестьянских девушек.

Иоанн был всегда угрюмо молчалив и почтителен, а Лелай любила веселье. Однажды она даже пандури принесла в храм и запела. Но Иоанн не мог ее слышать. Он смотрел на нее, и ему казалось, что где-то далеко его ангел, не рядом с ним, не в нем самом. Единство восхитительного образа, созданного им, нарушалось. И еще одно неведомое доселе чувство овладело немым художником, но не знал он, что имя ему — ревность. Не одолел охватившего его чувства Иоанн, вырвал из рук девушки пандури и выбросил прочь.

Слова не молвила Лелай. Удивилась только: впервые ее пение не понравилось кому-то. А потом подумала: немому и без того, на меня глядячи, песня слышится, к чему же еще пандури?

И больше не приносила его.

Не раз доносились до девушки звуки музыки, льющейся со двора, ей так хотелось умчаться туда, где веселилась молодежь. Разве что по выражению лица догадывался немой о ее желании, его робкий молящий взгляд как свечу гасил в девушке невольный порыв. И она оставалась.

Но однажды Лелаи не выдержала.

Иоанн подбирал краски для хитона и накидки гела. В это время под своды ворвалась задорная лодия. За стенами храма весело, дружно хлопали в ладоши, и хлопки голубыми взвивались к его расписанным парусам.

Не устояла Лелаи, выпорхнула наружу.

Во дворе церкви, у ограды, под звуки пандури танцевали девушки. Лелаи смешалась с ними, вошла в круг, позабыв и о художнике, и об ангеле, и о своем высоком происхождении. Она самозабвенно отдалась танцу, и тело ее, молодое и стройное, в эти минуты жило только музыкой.

А как ей были к лицу светло-голубой хитон и накидка цвета влажной листвы!

Легкие ноги ее будто вовсе не касались земли.

Казалось, ангел небесный исполнял танец земной любви.

Вдруг она неожиданно замерла и обернулась, словно кто-то ее звал. На пороге храма, не отрывая от нее взгляда, стоял Иоанн.

Он не мог слышать музыку, не понимал прелести танца и еще острее почувствовал свое одиночество и сиротство.

Иоанн не осознавал своей немоты, он ощущал себя человеком, обреченным на вечное одиночество духа.

Лелаи поняла его, пожалела и вернулась в храм.

Но на другой день, когда Лелаи, услышав звуки музыки, вновь выскользнула из храма, немой не пошел за ней.

Новое, не испытанное дотоле чувство почтения овладело девушкой, и она вскоре вернулась.

Иоанн по-прежнему увлеченно и благоговейно писал своего ангела, лелея каждую черту.

Сама не ведая почему, княжна почувствовала досаду, надулась и села поодаль.

Когда некоторое время спустя Иоанн посмотрел на нее, в глазах девушки светились горькие слезы обиды.

Немой прервал работу, бросил кисти и завесил стену влажным полотном.

Не спешил художник завершать роспись. Обычно он работал смело, уверенно и ловко, только вот ^{ангел} ла писал медленно, намеренно оттягивая завершение работ.

Он специально сохранял штукатурку влажной, чтобы иметь возможность покрывать поверхность в несколько приемов, добиваясь более выразительного сочетания цветов. Он добавлял в известковый раствор яичный желток и долго подбирал краски — сурик и венецианскую красную, изумрудную зеленую и золотистую слоновую кость или виноградную черную. В эту роспись он вкладывал все — и талант, и опыт, и помыслы, и чаяния, и смутные надежды.

Упругой колонковой кистью выводил он глаза и брови, соболиной еле заметно подсвечивал губы и щеки, оленьей затенял складки хитона, индийской губкой смачивал подсыхающую известку и лоскутком багдадской байки вбирал излишнюю влагу. А сколько раз сбивал он уже нанесенный слой и начинал все заново!

Пришла пора ртвели. Все работы в Кинцвиси были завершены. Закончил фреску и Иоанн. Кинцвисский ангел превосходил все росписи храма. Люди не переставали любоваться им, и больше всех сам художник.

Ангел этот был непревзойденным творением всей его жизни.

И изменил художник суровому обычаю. Поставил на росписи свое имя.

В день святого Николая освятил храм восхищенный его величием Урбнели.

Монахи не могли оторвать взгляда от росписи на северной стене и втихомолку шептались: «Удивительно... Больно уж земным и обольстительным получился ангел у молодого художника».

К тому же бросалось в глаза сходство ангела с княжной. Некоторые сочли это кощунством. Слухи, конечно же, дошли и до Урбнели.

Дальновидным был Урбнели, притворился близоруким, вовсе не заметил ангела. А Шиошу никто даже и не посмел сказать о сходстве.

Завершился ртвели. Подошел срок свадьбы. Зачас
тили во владения Панаскертели гонцы.

Во дворце стали готовиться к свадебным торже-
ствам.

Иоанн-немой был по-прежнему отчужден и спокоен.
Он достойно завершил работу, но не спешил покидать
Кинцвиси. Ничто не тревожило его, кроме одного: по-
сле освящения не ступала в Кинцвиси нога Лелаи.

А вскоре храм и вовсе опустел.

Иоанна мучали тайный страх и тревожные подозре-
ния.

Чтобы забыться, он начал новую работу и увлечен-
но рисовал что-то на маленьком золоченом пергаменте.

Никто не спрашивал у художника, что он рисует.

Закончив, Иоанн бережно свернул пергамент, пере-
вязал его шелковой тесьмой и вышел за ограду.

С тех пор как поднялся на леса, он покидал Кин-
цвиси впервые.

Встречные провожали его удивленными взглядами:

— Неужто и немой собрался на свадьбу своего ан-
гела?

Все расступались в изумлении и почтительно усту-
пали ему дорогу.

Иоанн вышел на проселочную дорогу и пошел по
ней гордо и уверенно, будто ходил по знакомым ле-
сам храма.

Но не слышал он ни гула разлившейся Дзамы, ни
многоголосого шелеста вековых орехов.

Не услышал он и того, как нагнали его всадники
в доспехах.

— Эге-гей! — крикнул скачущий впереди самый
красивый и самый статный воин.

Но разве мог услышать его глухой?

Всадник осадил на скаку своего коня, но было уже
поздно — Иоанн упал на пыльную землю.

Соскочив с коня, всадник бросился к нему и поднял
его:

— Ты что, оглох, друг? Чудом ведь спасся!

Иоанн недоуменно смотрел на всадника, не пони-
мая, что произошло.

И вдруг дрожь пробежала по телу немого. Но не от боли задрожал Иоанн.

— Да ты к тому же еще и онемел, — вспыхнул всадник. Тут он заметил упавший на дорогу свиток, поднял его и протянул Иоанну.

Иоанн машинально взял у него из рук свиток и прижал к груди, не отрывая взгляда от башлыка, охватившего широкие плечи воина.

Художник узнал свой орнамент, тот, который рисовал для Лелаи.

— Это глухонемой художник из Кинцвиси, — объяснили подошедшие крестьяне.

А Иоанн, не веря своим глазам, схватил край башлыка.

Где-то в глубине сердца родилась слепая боль. Чувство унижения переросло в отчаяние. Он завернул свиток в край башлыка и приложил к груди всадника. И тот понял немого художника.

— Я подарю это моей Лелаи от сбитого мною на проселочной дороге художника! — произнес всадник, сочувственно потрепал Иоанна по плечу, схватился было за кошелек, но, заметив в глазах художника холодный блеск, вскочил на коня и поскакал прочь.

И умчался вслед за ним богатый женихов поезд.

А на проселочной дороге, которая, казалось, и сама убегала вслед за всадниками, остался лишь художник.

Белая пыль клубилась на дороге и покрывала ее, подобно раздуваемому ветром савану.

Иоанн долго не трогался с места.

Наконец он повернулся и медленным шагом пошел по ведущей к Кинцвиси тропинке, которая, как и он, была в этот сумеречный час печальна и нема.

* * *

Не знает Иоанн, сколько прошло времени, знает только, что уже глубокий вечер.

Как бездыханные тела дэвов, лежат вдоль ограды тени ореховых деревьев.

Вот и купол потемнел.

Вокруг никого не было, лишь в пристройках хлопотала челядь.

Все были в церкви.

Иоанн собственными глазами видел женихов и знает, что сейчас там происходит.

Много гостей съехалось на обручение. И Урбнели пожаловал.

Но невольно было Иоанну смотреть на счастье нареченных, и он не пошел в церковь, а когда и вовсе сгустились сумерки, еще острее почувствовал свою неприкаянность и сиротство. Выросшему в вечной тиши и одиночестве, ему, тем не менее, не чужды были и чуткая нежность, и годами подавляемые, глубокие и сильные, но обреченные на заточение чувства. Трудности жизни и сложные перипетии человеческих отношений были подчас непонятны немоу.

От рождения лишённому речи и слуха, не дано ему было знать названия вещам, выражать свои мысли и чувства словами. Потому-то порывы и стремления были лишены предметности. Но этот недостаток восполнялся талантом, даром выражать свои чувства и мысли богатством красок и линий. Ведь даже алфавит он рисовал, а не писал.

Ночная темнота же была для него подобна могиле.

А эта ночь казалась ему особенно черной.

Лишь биение сердца, отзывающееся болью, напоминало ему о собственном существовании.

Вдруг пролетел светлячок.

А может, иннок прошел с затепленной свечой?

Или мелькнула последняя искорка надежды?!

Мелькнула — и погасла.

Иоанн вскочил, бросился в церковь.

Никто не заметил его прихода.

Сотни восторженных глаз смотрели на жениха с невестой и слушали молитву Урбнели.

Освещенная свечами церковь была насыщена людским шепотом и запахом ладана.

Иоанн стоял в темном углу, боясь шелохнуться. Ему казалось, что все смотрят на него, издеваются и смеются над ним. Он не выдержал и в ужасе закрыл лицо руками.

Не слышны ему были ни величественная молитва Урбнели, ни торжественное пение хора. Лишь запах

ладана навевал воспоминания далекого прошлого, но позабытое тепло материнских рук.

Ведь вся жизнь его была лишь сном наяву.

А сны Иоанна были всегда ужасны, что-то душило его, сжимало горло.

Один особенно страшный сон снился ему постоянно. Вот и сейчас преследует он художника...

Иоанн идет по горячей извести. Жарко. Пот градом катится со лба. Вот он поскользнулся... Нет, это земля ушла у него из-под ног, он не чувствует ее более и беспомощно шарит руками в воздухе.

Ему хочется что-то крикнуть, но он не может — сжало горло. Еще мгновение, и он летит вниз головой в пылающую бездну. Языки пламени охватили его тело. И вот он уже видит, как обугливается поначалу его рука, а потом и все тело, как пылают и рассыпаются черным пеплом кости, как весь он корежится, тлеет и затухает, наконец, превращаясь в холодную известь. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется ракушка. Только улитки нигде не видно. Одна лишь пустая ракушка — и страшнее горячей извести кажется эта пустота.

В ужасе открыл глаза Иоанн. Вокруг царила пустота. Казалось, что и церковь превратилась в пустую ракушку. Лишь какой-то служка гасил догорающие свечи. Иоанн пригляделся к нему, монах тоже напомнил ему ракушку. Немой в ужасе перевел взгляд на купол храма. Свечи уже погасли. Лишь дымок завивался над ними, наподобие ракушки. Иоанн решил было перекреститься, но не смог, пальцы, закрученные подобно ракушкам, не подчинялись ему. А улитки, улитки нигде не было. И служка тоже вышел. Могильным камнем придавили все окрест тяжелые сумерки и страшное, постылое одиночество. В первый раз почувствовал он одиночество в храме, расписанном им и его учителем. Иоанн кинулся к выходу. На паперти храма все еще толпились нищие, калеки, убогие. И немой застыл на месте. Прежде не доводилось ему видеть изуродованные лица и искалеченные тела нищих духом и обреченных на мучение и смерть людей. Злость и жалость овладели художником. Тут рука его коснулась кармана, туго набитого золотом, дарованным Шиошем в награду за фреску. Вспомнил он и то, как

на пыльной дороге потянулась рука славного рыцаря за кошельком в ответ на подаренный Иоанном собственный свиток.

Немой вывернул карман, и посыпались, покатались, зазвенели на ступеньках золотые монеты.

Но и этого звона не слышал художник. Ему легко было избавляться от денег, дарованных грозным князем, и он потрошил свой карман так, будто разорял гнездо скорпиона. А убогие, нищие, увечные ползали у его ног и дрожащими руками подбирали рассыпаемые им монеты. Одолела Иоанна ярость, схватил он одного нищего, поднял и заглянул ему в лицо. На него смотрели выразительные и скорбные глаза, и Иоанн почувствовал, что перед ним — немой, и прочел в его глазах: «Что тебе надо от меня? Все мы растоптаны и обречены, и нет нам спасения!». Слово ужаленный, бросился Иоанн прочь и скрылся в непроглядной ночи.

* * *

Невиданную дотоле, пышную свадьбу справлял своей дочери Шиош.

Множество тостов было произнесено, и море вина выпито. Не спеша, торжественно осушались огромные роги.

И зять, Берда Гварели, избранный для дочери Шиоша самой царицей Тамар, был знатен, честен и доблестен.

Вот и сейчас, прямо после свадьбы, предстояло ему отправиться в поход с царевичем, вместе с которым он рос.

...Лелан почти не знала своего суженого и захотелось ей испытать его. Слегка ударила она каблукком своего гнедого, и горячий скакун вырвался далеко вперед. Но не отстал Берда от своенравной красавицы. Да и Шиош подстегнул своего коня. И весь кортеж мчался уже галопом, распаяясь и входя в раж.

Вихрем проносилась веселая песня по дремавшему проселку. На поворотах и перекрестках кортеж поджидали факельщики. Свет факелов на мгновение выхватывал всадников из темноты, но они тут же исче-

---

Леван Готуа. Два рассказа.

зали, и лишь громкое гиканье долгим эхом отзывается в ночи.

А Лелаи, мчавшейся впереди, все больше и больше нравился настигавший ее отважный и ловкий юноша.

Она не остановила коня перед дворцовыми воротами и, перепугав факельщиков, на полном скаку влетела во двор.

Берда, сильной рукой приструнив замешкавшегося было скакуна, пронесся следом за ней. И перед высокой лестницей не остановилась Лелаи. Вспомнилось ей, что когда-то, давным-давно, похвалилась она отцу, будто на своей свадьбе поднимется по этой лестнице на коне.

Но не надолго задумался Берда, вдруг грозный тесть не одобрит его поведения, стеганул плетью коня, поднял на дыбы и уже через мгновение очутился на середине лестницы.

Факельщики бросились врассыпную. Только на самом верху опередил Берда Лелаи, ловко спрыгнул с коня, смело подхватил на руки свою невесту.

Тотчас преподнесли молодым мед и шербет.

— Ты сдержала слово, дочка, но и супруга я тебе нашел достойного, — веселился Шиош и ласково попрекал молодых: — Где же это видано — на коне да по крутой лестнице! Не всякому пешему такое под силу!

Наступил рассвет.

Пришла ночь.

И вновь рассвело. Но разве что факельщики, которым приходилось гасить и зажигать факелы, заметили это. Застолья чередовались со скачками, пением, зажигательными плясками.

И всюду Берда был первым.

Украдкой наблюдала за ним Лелаи, и тепло закрадывалось ей в сердце.

Это было уже нечто большее, чем простое любопытство.

Заметила Лелаи и то, что и Берда наблюдает за ней, но, встретившись с ней взглядом, тотчас отводит взор. Но и в эти короткие мгновения прочла Лелаи в глазах юноши волю и решимость.

Эти тайные смотрины, это скрытое соперничество еще больше подзадоривали молодых.

Шиош же и вовсе позабыл о времени. Наконец кто-то решился напомнить ему о том, что наутро Берда выступить в поход. Спустились сумерки, и князь приказал накрыть столы под огромным орехом.

Лелаи велено было отдохнуть, а зятя Шиош призывал к себе.

— У тебя, оказывается, уже и кони взнузданы, рано поутру в дальний путь собираешься. И Лелаи от меня увозишь. Эх, был бы у меня еще сын... — не закончил Шиош, велел принести вина, выпил вместе с зятем. — Для тебя растил я моего ангела... — продолжал он. — А на старости лет остаюсь один. Но знай, и тебя ждет старость...

Слезы навернулись на глаза князя. Смущился Берда, склонил голову, но не выдержал и все-таки бросил украдкой взгляд на дворцовое окно.

Шиош шелковым платком вытер лоб, провел рукой по усам, расцеловал зятя и молча оттолкнул от себя.

* * *

Слуга проводил Берду до дверей и погасил факел.

Берда не стал стучаться, знал, множество пар глаз и ушей притаилось сейчас на лестнице. Старушки, няни, кормилицы — все, следуя обычаю, примутся просить его «позолотить ручку» за «лицезрение», за «растеленную постель», за «прерванную ночь» и еще по множеству непонятных ему поводов.

Юноша осторожно повернул ручку, но дверь оказалась запертой изнутри. Тогда он вытащил из ножен кинжал, просунул его в дверную щель, откинул засов, рассыпал вокруг пригоршни золотых монет, смело вошел в опочивальню и вновь запер дверь. За дверью слышались возня и шорох.

С едва сдерживаемым нетерпением повернулся Берда, при свете единственной свечи увидел он свою Лелаи — и оцепенел. Кинцвисский ангел предстал пред ним. Еще в церкви заметил он это сходство. И вспомнился юноше сбитый им на дороге художник. Сердце тут же подсказало ему, что не только мастерство водило его кистью. Берда даже растерялся на мгновение,

не понимая, кто сидит перед ним — ангел, изображенный художником, или своенравная дочь князя. Лелаи, оскорбленная дерзостью Берды, гордо отвернулась в сторону. Воцарилась неловкая тишина. Но Берда решил не обращать на это внимание. Отныне он ей муж. К тому же завтра ему выступать в поход.

И все-таки нелегко ему было произнести первое слово. К счастью, вспомнился ему свиток, подаренный на дороге немым художником.

— Моя Лелаи, это передал тебе художник, которого я случайно сбил на дороге.

Смутилась Лелаи. Ни разу не вспомнился ей художник, а теперь вот почему-то больно оттого, что его «сбили на дороге».

Лелаи взяла свечу, собираясь развернуть свиток, но ее остановила сильная, тяжелая рука суженого. Нет, это не было похоже на робкое, мягкое, напряженное прикосновение в церкви.

Лелаи почувствовала тяжелую, твердую, властную руку и выронила свиток. Горячие капли воска упали на пол, следом посыпались и перламутровые пуговицы.

Вспылила от подобной дерзости Лелаи, но вспомнила слова отца: «Сдержала ты слово, дочка, но и супруга я тебе нашел достойного!».

И вслед за перламутровыми пуговицами упали на пол ее слезы.

Охваченный страстью Берда наступил на оброненный свиток и не заметил, как растоптал его.

* * *

Лелаи не сомкнула глаз. Она лежала, чувствуя рядом спящего мужа. В окно светила полная луна. Лелаи проследила за лучом и увидела валявшийся на полу свиток. Тихо соскользнула Лелаи с ложа, подняла свиток, поднесла к окну и развернула. На пергаменте был изображен кинцвисский ангел, а в ногах его — коленопреклоненная фигура со свечой в руке. Проникающий в окно луч освещал лишь лоб и черную бороду молящегося.

Лелаи узнала его, и сердце пронзила боль. Сколько невысказанной, скрытой мольбы было в фигуре молящегося!

Луна скрылась за тучами. Лелаи бросила на сияющего мужа быстрый взгляд. В темноте она не видела его, но слышала его мерное, уверенное, показавшееся ей сейчас чуждым и враждебным дыхание.

И вдруг Лелаи охватило неумемное желание взглянуть в последний раз на Кинцвиси, посидеть в тиши его сводов и помечтать, как прежде, о славном рыцаре. И тут же она поняла, как далека от своих прежних грез. Они, вероятно, остались где-то там, во владениях кинцвисского ангела, ей же досталась суровая женская доля. Перебиты крылья ее свободы. Она должна увидеть ангела! Сейчас же! Завтра ей придется последовать за супругом. Кто знает, когда еще увидит она фреску, да и увидит ли вообще?!

Лелаи торопливо оделась, оправила примятое «платье кинцвисского ангела», набросила бурку и башлык мужа, схватила свиток и выбежала из опочивальни.

В коридорах дремали слуги. Лелаи проскользнула к конюшне так, что ее никто не заметил. Кое-где еще мерцали факелы и продолжалось веселье — Шиош топил в вине радость и печаль отца, отдающего замуж единственную дочь.

У конюшни Лелаи увидела коня, погладила его, приласкала. Когда же ее коснулось горячее дыхание животного, то дрожь пробежала по всему телу, вспомнилась дерзкая рука, срывающая пуговицы. Лелаи узнала коня — это был скакун Берды. Она подтянула подпругу, надела удила, вывела коня на тропинку, вскочила в седло.

Конь ураганом пронесся над плетнями. Уже остался позади дремлющий замок, и вот уже, словно катящийся по лестнице доли, прогромыхали копыта по деревянному мостику.

У ограды Лелаи осадила коня, привязала к воротам и, не встретив никого на своем пути, подошла к церкви.

После освящения двери Кинцвиси не закрывались, но Лелаи никак не ожидала увидеть их широко распахнутыми. «А вдруг там есть кто-нибудь!» — подумала она, закуталась плотнее в бурку и ниже надвинула башлык.

В глубине, перед кинцвисским ангелом, на коленях стоял человек с зажженной свечой в руке. Тусклый свет освещал его бледное чело и темную бороду.

Лелаи тотчас узнала Иоанна, только никак не могла понять, воочию ли она видит его, или же ей представляется рисунок на свитке, который она рассматривала при лунном свете.

Долго молился немой, то и дело осеняя себя крестом. А чуть поодаль, за колонной, держа в руке свиток, не в силах нарушить гнетущей тишины, стояла Лелаи.

Вдруг Иоанн вздрогнул и встал. Только сейчас увидела Лелаи приставленную к окну лестницу.

Иоанн ступил на перекладину, дотянулся до кисти и поднялся по лестнице. Черная тень легла на кинцвисского ангела.

У Лелаи перехватило дыхание. Она бросилась к лестнице. Вдруг на лицо ее что-то капнуло. Что это, капля воска, а может горячая слеза, скатившаяся по щеке немого? Наверное, слеза. Капля обожгла щеку, стекла по ней, докатилась до уголка губ и замерла там, где появлялась едва заметная ямочка, когда Лелаи улыбалась.

Лелаи не вытерла слезу. Ведь это была и ее слеза, и ее! Что же делать?! Ее страшила кисть. Вдруг Иоанн осмелится поднять руку на ангела? Может быть, выбить из-под него лестницу?

Но Лелаи не посмела сделать этого. С ужасающей очевидностью она вдруг поняла, что кинцвисский ангел — детище таланта немого художника и, вероятно, единственное, что когда-либо принадлежало ему в жизни.

Горько зарыдала Лелаи. Упала сверху кисть, оставив на полу темное пятно. «Все кончено, нет больше ангела», — в ужасе подумала Лелаи и подняла голову. Нет! Кинцвисский ангел по-прежнему смотрел на нее и даже казался еще прекраснее. Лишь на крыльях появились черные полосы, да исчезло с фрески имя художника. Поняла Лелаи, что художник не смог обречь ее на смерть, он предпочел убить свое сердце и свое имя. Только сейчас почувствовала она, насколько этот немой выше их всех — ее, Берды, Шиоша, какой человеческой чистотой, каким первозданным великоду-

шим и чуткостью наделен он. Лелан преклонила колени и осталась ждать.

Иоанн спустился с лесов, посмотрел на стену, где он с таким упоением изобразил девушку, которой, не задумываясь, посвятил весь свой талант и все свое сердце.

Но там, наверху, он ничего не увидел. То, что было там, уже не принадлежало ему. Это принадлежало всем... Быть может, даже вечности! Но не ему, смертному. Не ему!

От черной траурной каймы крылья ангела казались темнее. И вдруг и эта чернота показалась Иоанну большой пустой ракушкой. И свеча дрогнула в его руке. Задрожали и лики святых, вззирающие со сводов церкви. Немой в ужасе закрыл лицо руками, и Лелан показалось, будто прямо на плечах у него стоит огромная свеча. Да и сам художник, быть может, сгорал подобно этой восковой свече.

Иоанн почувствовал что-то прикосновение, вздрогнул и оглянулся. Перед ним стоял кинцвисский ангел. Быть может, он сошел со стены, тихо спустился по лестнице и предстал перед ним, Иоанном, его творцом, грустный и безмерно притягательный.

Замер художник, глубоко, словно желая проникнуть в самую душу, заглянул «ангелу» в глаза. И в этот короткий миг Иоанн понял многое. Ведь для прозорливого художника, тем более безнадежно влюбленного, достаточно бывает и мгновения. И понял Иоанн—перед ним балованная, своенравная женщина, а не робкая, мечтательная девушка.

Да, перед ним стоял не кинцвисский ангел.

Гнев исказил лицо немого. Словно замороженный, со свечой в руке надвигался на попятившуюся Лелан создатель удивительной фрески. Казалось, со всех стен храма сошли святые, монахи, отшельники, воины, цари, и тоже преследуют убегающего «ангела». Дрожая, отступала испуганная Лелан, и к ней приближался немой с горящей свечой в руке.

Она споткнулась о порог и упала на ступеньку, «ступеньку убогих». Внезапно до нее донеслось ржание коня, и это напомнило ей о муже. Она поднялась, плот-

нее закуталась в бурку Берды, надвинула на лоб его башлык и скрылась в ночи.

Иоанн прошел мимо. Освещая себе дорогу свечой, он шел как сомнамбула, видя перед собой желанный и ужасающий образ ангела. Лелаи не стала больше ждать, выбежала за ворота, вскочила на коня и умчалась прочь.

У подножия холма она оглянулась. Высоко, на самой ограде храма она увидела освещенную лунным светом фигуру, перед которой, подобно светлячку, мерцал огонек свечи. Это был Иоанн. Вот-вот он дойдет до угла, а там стена сворачивает вправо.

Лелаи хотела было закричать, но крик застрял у нее в горле. Еще немного, и он повернет обратно, он обязательно повернет обратно!.. Но нет. Иоанн остановился. Боже, лишь бы он не упал! Лишь бы не упал!

Что-то душило Лелаи, крикнуть не было сил. Может, и она онемела, подобно творцу кинцвисского ангела, замершему сейчас со свечой в руке на высокой церковной ограде?

Иоанн все еще стоял на стене, словно сгорал, как свеча, которую сжимала его рука. Вдруг душераздирающий крик вырвался из груди Лелаи.

Испуганный конь рванулся с места и помчал ее по озаренной луной тропе. Волосы ее растрепались, бурка соскользнула с плеча и тенью неслась вслед коню, еще сильнее пугая его. Концы башлыка развевались, подобно крыльям, и казалось, будто в медно-красном пространстве мчится существо, в котором слились воедино скакун, всадник и ангел.

И, словно вслед ему, Иоанн сделал шаг в зияющее пространство.

Лелаи увидела, как сорвалась с ограды черная тень и, подобно падающей звезде, мелькнул за ней огонек свечи, как тень с глухим стуком упала на покатый склон и неслышно скатилась в темное ущелье. Конь мчался, не разбирая дороги, и уносил в неизвестность душу кинцвисского храма — женщину, сжимающую в руке, словно свечу, растоптанный свиток немого художника.

1943 г.

Перевод Динары КОНДАХСАЗОВОЙ

ПОЗДНЕЙ апрель-ской ночью разразилась первая гроза. Темный свод внезапно озарили пронзительные, мертво-голубые зигзаги. Ударил оглушительный раскат грома, рождая в душе благоговейный страх и тайный восторг. Далеко в лесу что-то тревожно заукало. Шквал ветра в ярости налетел на купы тополей, срывая молодую листву и раскачивая стволы, и, словно моля о пощаде, жалобно застонали они и зашумели. Барабаня по крышам и хлеща в окна, хлынули потоки низвергающихся вод...

...Рано поутру бреду по горной тропе, вьющейся среди зарослей кизила и держидерева. Природа, словно утомленная ночной борьбой, выглядит особенно кроткой и тихой.

Зажженные утренними лучами солнца крупные капли воды, точно алмазы на зеленом глянце травы, вспыхивают то огнистыми, то ярко-голубыми искрами.

Внизу, у подножия горы, закованный в кремнистое ложе, гневно бурлит и пенится горный

Борис КОКРАШВИЛИ

ЖАВОРОНОК

Эскиз

поток, по берегам его благоухают нежно кусты прозрачного гребенщика, поникнув влажными ветвями, белеет кудрявый лох.

Где-то неподалеку послышалось бляение овец, и вот на склоне, иссеченном токами грозových вод, возник вожак-козел со свившимися высоко рогами и длинной палевой шерстью.

— Здравствуй, джо-оу! — растягивая по-кахетински гласные, кричит седой пастух. — Видать, по душе тебе горы, коль в такую сырость в путь отправился. Небось грибы ищешь? Или так, воздухом подышать? — дружелюбно улыбаясь, продолжает он, не по годам легкой походкой приближаясь ко мне. Зоркий взгляд глубоко сидящих глаз. Смуглое худощавое лицо. Седые усы. На плече пастушья палка, отполированная ладонями. Вконец выцветшая рубаха.

— Ну и гроза же была! Теперь от такого ливня трава пойдет хоть куда!

— Да-а, всю ночь лил, за милую душу. Вдоволь напоил и поля и сады, — поддерживаю я.

Трепеща крылышками и замирая в прозрачной вышине, серебряным колокольчиком заливается, поет весну жаворонок. И, точно аккомпанемент, звучат однообразно флейтовые голоса шурок, стремительно взмывающих в небо. Лицо старика светлеет, разглаживаются морщины.

— Ведь мала-то как пташка и собой невзрачна, а запоем — душа ликует.

— Еще с февраля с первыми подснежниками петь начала, наперекор стуже и холодным ветрам, но только в разгар весны песнь у нее такая звонкая и заливающаяся. Верно оттого, что буйный восторг и любовное томление в ней, — говорю я в ответ. — Правда, жаворонок — одна из лучших певчих птиц наших, но, по мне, и простая птичья песнь имеет свою прелесть. Вот, к примеру, хотя бы горлица или кукушка, на что уж немудреные певцы — ни трелей, ни перекаатов, ни колен, ку-ку да и только, а все равно слушать радостно, — и я поднимаю вверх голову, ищу темную точку в бездонной синеве.

— Верно сказано, сынок! Приметлив ты.

Немного помолчав и через плечо поглядев на пасущихся овец, старик продолжает:

— Видать, любишь ты родные места, сынок, душой любишь. Вот и я, почти всю жизнь в горах родных с овцами, только вот война оторвала на пять лет. Считай, уже седьмой десяток стукнул, а не чувствую бремени своих лет. Оно, конечно, порой шибко тяжело, особенно в ненастье, под открытым небом, да почитай, и в погожие дни забот полон рот: окот, стрижка, доение, болезни — всего не перескажешь. Но осыпь ты меня хоть всеми благами мира, не променяю я своего занятия ни на какое другое. Видишь ли, тут дело не в привычке, а... — старик морщит лоб и напряженно смотрит в сторону, — как тебе сказать... в любви, в радости, с которой делаешь свое дело, дело, которым еще деды занимались. Ведь и жаворонок, как ты сам сказал, когда любит, то и поет по-иному — звонче и радостнее. Словом, сынок, отары да горы — жизнь моя. И до скончания дней не расстанусь я с ними.

Тут, снова оглянувшись и заметив отбившихся овец, старик вдруг заторопился:

— Однако слишком увлекся я разговором, прости, сынок, — и, протянув мне крепкую загорелую руку, добавил: — Даст бог, свидимся еще. Жаль, что нет времени посидеть за хеладой вина, словом перемолвиться. Внук ждет меня не дожидется в урочище. Прощай! — и, протяжно свистнув по-пастушьи на овец, погнал их дальше в горы.

Я не спеша продолжил свой путь, рассеянно слушая пение птиц, мерное стрекотание кузнечиков и шум потока.

Так шел я довольно долго и, приустав, остановился. На пригорке, под сенью медвяно-душистой крушины, льющей сладостные слезы любви, с мягкого бархата мха доверчиво глядят влажные, невинно-светлые очи лесной земляники, а рядом цветут скромные, но столь милые сердцу синеокие незабудки, и веет от них такой свежестью и безмятежным покоем, что хочется пасть перед ними ниц и, обняв сырую землю, легко прикоснуться к ним устами.

К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА
МАЯКОВСКОГО

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

ТИФЛИС. ГОД 1926-Й...

О ПРЕБЫВАНИИ Владимира Маяковского в Грузии уже многого известно. Однако если о детстве и учебе будущего поэта написаны обстоятельные работы (В. Перцова, Г. Бебутова, В. Катаняна и других), то его последующие приезды в Тифлис не рассмотрены еще с той же степенью тщательности. Поэтому, намереваясь в данной статье дать более полное представление о днях, проведенных им в столице нашей республики в 1926 году, попытаюсь воссоздать общую картину его пребывания здесь, опираясь на воспоминания современников и дополняя их рассказом о некоторых событиях в жизни республики, ее творческой интеллигенции, которые, надо полагать, должны были привлечь внимание поэта.

Как известно, вернувшись из Америки, он побывал в различных городах Советского Союза, где выступал с докладами и чтением своих стихотворений из американского цикла. 25 февраля 1926 года он приехал в Тифлис. В воспоминаниях С. Чиковани, Д. Шенгелая, Н. Шенгелая, В. Мачавариани, Н. Вачнадзе и других нарисована приблизительно одинаковая картина его пребывания в столице Грузии. Первый тифлисский вечер он провел в обществе друзей-футуристов, побывал в «Симпатии» и т. д. С. Чиковани писал, что 25 февраля он наткнулся на афишу Маяковского и побежал искать его. Но только на другой день, в три часа дня, С. Чиковани встретил при-

езжего поэта у оперного театра (месте ежедневных встреч грузинских лефовцев). Вскоре подошли другие знакомые Маяковского. Все вместе отправились к знаменитому Аветику в «Симпатию» (иногда называли «Олимпией»), после чего поэт поспешил на свой вечер.

Эти данные, зафиксированные в воспоминаниях, конечно, дают определенное представление о пребывании Маяковского в Тифлисе в 1926 году. Чтобы расширить панораму, обрисуем подробнее обстановку той поры.

Итак, в день приезда поэта в наш город республика отмечала пятилетие Советской власти в Грузии и восьмилетие Красной Армии. К 11 часам утра две колонны демонстрантов — одна от центральной площади по проспекту Руставели, другая к площади —несли знамена, транспаранты; мимо трибун рядами шествовали войска и трудящиеся. Каждую группу встречали лозунгами: «Да здравствует Советская Грузия!», «Да здравствует Красная Армия!». Демонстрация продолжалась три часа. После ее окончания около трибун собрались трудящиеся, состоялись митинги. Газеты вышли под праздничными шапками. Публиковались отчеты о торжественном заседании в госопере, приветствия Грузии, сообщения о состоянии народного хозяйства и культуры республики. Подобные данные появлялись в местной прессе как до, так и после юбилейных торжеств.

Тогда же газеты опубли-

ковали заключительные материалы о работе съезда грузинских писателей в прениях по докладу Ф. Махарадзе, проходивших в обстановке острой борьбы (например, о лефовцах говорилось, что они стремятся создать «левую оппозицию»). В руководящих органах писателей Грузии было много знакомых и друзей Маяковского. Это — П. Яшвили, Т. Табидзе, Ж. Гогоберидзе, К. Каладзе, Н. Чачава и другие.

К сожалению, нет никаких данных о том, как поэт реагировал на эти события. Однако правомерно предположение, что он мог видеть демонстрацию, просмотреть газеты с материалами съезда. Грузинские писатели, окружавшие Маяковского, надо полагать, тоже продолжали обсуждать в его присутствии новости местной литературной жизни, тем более, что он знал грузинский язык и речь шла также о взаимных обвинениях группировок, о высказывании Ф. Махарадзе, направленном против футуристов, в какой-то мере предварившем выступление В. Маяковского и задавшем тон откликам на них прессы в февралемарте 1926 года.

Первое выступление В. Маяковского в Тифлисе состоялось 26 февраля того же года в театре имени Руставели. Кроме доклада «Мое открытие Америки», он читал стихи. Народу собралось немного. В партере даже оказалось немало свободных мест. И поэт предложил собравшимся: «Сгрудитесь!». Все быстро заняли места поближе, только

один молодой человек продолжал сидеть в ложе, а к концу вечера бросил упрек, что цены на билеты, мол, слишком высокие (хотя они были обычными). Маяковский ответил, что вечер организован с целью помощи студентам МГУ и публика должна была прийти на выступление поэта.

Судя по воспоминаниям очевидцев, вечер начался с заявления В. Маяковского о том, что он является диктатором вкуса в Стране Советов, что поэзия — дело государственное... Первую атаку поэт обрушил на Бальмонта, хотя прекрасно знал о его популярности здесь. По его словам, у этого поэта в произведениях о Грузии всего одно грузинское слово («макоце» — «поцелуй меня»), тогда как сам Маяковский вставил в одно из своих стихотворений целую грузинскую песню «Мхолод шен эртс». В подтверждение он прочитал «Владикавказ — Тифлис».

Далее поэт вернулся к Америке, «вновь им открытой». В новом свете он увидел высокую технику, небоскребы, но и эксплуатацию, расовое и национальное угнетение. Загрустив в Нью-Йорке, он захотел домой, поскольку «ехал за семь тысяч верст вперед, а приехал на семь лет назад». Затем читал стихотворения об Америке. В стихах чувствовалась и социальная критика, начиная с описания верхней и нижней палуб корабля» и кончая «немым» разговором с девушкой-рекламой в окне небоскреба. Стихотворения являлись активной реакцией на увиденное в Америке.

Маяковский дал почувствовать бескрайность Атлантического океана, и положение цветных народов, и эксплуатацию рабочего класса в самой развитой стране капитализма. У него было свое отношение к изображаемым явлениям, свои критерии оценок увиденного. Зал был во власти поэта, и только франтоватый молодой человек оставался в оппозиции. Периодически Маяковский отпускал шпильки в его адрес.

На другой день республиканская русская газета «Заря Востока» опубликовала интервью с поэтом под названием «Литературная и культурная жизнь Америки», а под ним отчет о вечере, озаглавленный «Доклад В. Маяковского», за подписью «Н. Род». Автор утверждал, что поэт пытался снова открыть Америку, но проглядел ее, так как рекламировал самого себя. По мнению Н. Род, доклад его следовало назвать «Маяковский развлекается», ибо из двухчасовой беседы, на его взгляд, оказалось возможным извлечь далеко не новые, к тому же скудные сведения: океанские пароходы огромны, в первом классе едет буржуазия, во втором — тоже, но похуже, а в третьем — рабочие. Новые стихи о Гаване, об Атлантическом океане, говорилось в статье, можно было написать, даже оставаясь в Москве.

Конечно, выступления поэта не лишены были некоторых дискуссионных моментов. Так, не каждому слушателю импонировали высказывания «о своей поэтической миссии», о том,

что он является диктатором поэтического вкуса. Однако левовцы в те годы искренно считали ЛЕФ главным течением в советской литературе. Соответственно и В. Маяковский говорил «о своей поэтической миссии». Тифлисской публике не могли понравиться и выпады против Бальмонта.

Поэтому в Тифлисе у Маяковского были не только друзья. Оказались здесь и люди, которым поэт мог не понравиться. Наконец, многие еще не достигли уровня понимания его значения. К какому разряду относился автор отчета о его встрече, напечатанного в «Заре Востока», сказать трудно. Но выступление это задало тон остальным высказываниям о Маяковском, появившимся в тифлисской прессе. И оно совпало с общим тоном отношения к нему.

Тем не менее чеведомый Н. Род явно несправедливо оценил суть высказываний поэта. В те годы об Америке говорилось много. Наша страна нащупывала пути строительства советского общества, а широкие массы хотели знать, какие стороны американского опыта можно использовать в Советском Союзе. Интересовались фордовской системой, обликом американского рабочего и т. д. В Америке часто бывали советские рабочие делегации, специалисты, литераторы. Страна жадно слушала правду о Западе.

Одновременно многие американские рабочие делегации посетили СССР. Их представители с удивлением писали об энтузиазме масс в нашей стране, об усилиях ликвидировать разруху, отсталость. С целью затушить это впечатление появились враждебные писания. Усердствовала и меньшевистская эмиграция. Поэтому, когда Маяковский и другие очевидцы рассказывали в Америке правду о Советском Союзе, а у нас — об Америке, они делали большее дело. Те же, кто выступал против него, недопонимали значение еще одной стороны общественной деятельности поэта.

Конечно, при желании в его высказываниях можно было найти места, поддающиеся пародированию (что и сделал Н. Род с рассказом о палубах корабля). Но сила Маяковского заключалась в его поэтических произведениях, которые в чтении самого поэта производили необычайное впечатление. В заключение на вечере были прочитаны стихотворения из американского цикла, а затем и «Левый марш», определившие его успех.

Как свидетельствуют очевидцы, статья Н. Род разгневала поэта, и на втором своем вечере 1 марта 1926 года (доклад «Лицо литературы СССР») в театре имени Руставели он начал с ответа ему. Разобрав эту поверхностную и недоброжелательную статью, Маяковский «высек» ее автора так, «что у него сквозь полоса-

тые штаны зад просвечивал». Так дело и происходило в действительности. Но современники почему-то не оставили никаких указаний относительно другой статьи — «Доклад поэта Маяковского» («Коммунист», № 47, от 28 февраля 1926 года), аналогичной первой. Поэтому по существу поэту пришлось «высечь» двух авторов, тем более, что, находясь тогда в Тифлисе, он не мог не знать и о другой статье.

К тому времени В. Маяковский познакомился с лучшими грузинскими поэтами — Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе и другими. Присутствуя на вечере, они старались продемонстрировать свою единоклубную поддержку ему. Поднявшийся на сцену первый переводчик его произведений на грузинский язык поэт Паоло Яшвили заявил, что автор статьи Н. Род не отражает мнения грузинской общественности, что он высказал свою личную точку зрения, тогда как «грузинские поэты считают Маяковского величайшим поэтом революции, рупором и самим голосом Октября, а его поэзию — блистательнейшим явлением всей советской культуры». Затем П. Яшвили ознакомил аудиторию со своими переводами «Левого марша» и «Необыкновенного приключения...» Русский поэт и его грузинский переводчик пожали друг другу руки, и Маяковский начал читать свои стихи.

Это его выступление предварялось интервью «Литературная и культурная жизнь Америки». Помимо

этого, он говорил о положении литературы в СССР, о произведениях многих русских и грузинских авторов. Даже в застольях с тифлисскими поэтами «говорилось главным образом о стихах и уйма времени оставалось оценке творчества того или иного поэта... Маяковский знал множество стихов своих современников... умел найти в чужих стихах хорошие строки...» Так было и на выступлении поэта. Это и определило «лицо» данного вечера.

Получил отклик в печати и этот вечер Маяковского. В день его отъезда — 2 марта 1926 года — газета «Рабочая правда» поместила портрет поэта и полностью положит е л ь н у ю статью «Вл. Маяковский». Приведем лишь отрывок из нее, поскольку она воспроизводилась во всех источниках, в том числе и в «Литературной хронике». «В последний свой вечер в Тифлисе, — читаем в статье, — Маяковский растопил равнодушие даже той публики, которая дальше оперных гастролеров ничего не видит... Поэт блеснул... своим искрометным талантом. Блестящие стихи о сегодняшней Америке, великолепную характеристику загнивающего Запада, изложенную в запоминающихся образах, поэт закрепил декламированием своих прежних стихотворений... Знаменитый «Левый марш», прочитанный с редким подъемом самим Маяковским, вызвал в чуткой аудитории буквально настроение во стога».

Однако подобное восприятие не типично для того

времени. Более характерна опубликованная в «Заре Востока» заметка «На Бакинском Парнасе», автор которой негативно оценивал выступления Маяковского в Баку в феврале 1926 года (№ 1124, 12 марта 1926 г.). Но о ней у нас еще ничего не говорилось.

Что еще известно о «тифлисской неделе» поэта? О нескольких фактах сообщают мемуаристы. Так, 26 февраля 1926 года Маяковский был в издательстве и книжном магазине «Закнига», расспрашивал о поступивших в продажу и распространенных книгах большого круга писателей, в том числе своих, приобрел ряд книг. Покупательница, с которой он заговорил и которой предложил подписать купленную ею книгу Маяковского, даже не посмотрела на него, видимо, приняв «за ловеласа с Голловинского проспекта».

Вместе с Н. Чачава и С. Чиковани поэт зашел в одну из библиотек города. На вопрос о том, как читаются его произведения, пожилая библиотекарьша сказала, что его никто не читает. Узнав, что перед ней сам Маяковский, она вынесла несколько книг поэта, который считал, что старушке трудно агитировать за новую поэзию. На его голос собрались люди, он читал им стихи, агитировавшие за новую жизнь, нового человека. Даже старушка слушала, разинув рот.

В этот приезд значительно расширился круг знакомых поэта. Он побывал в

гостях у многих грузинских писателей (Т. Табидзе, Н. Шенгелая, Н. Чачава и других). Вместе с ними посетил знаменитую тогда «Симпатию» («Олимпию»). Однажды после застолья у Аветика, затмившего всех городских кулинаров, поехали в Ортачала.

Интересно его пребывание у К. Зданевича, стены пятикомнатной квартиры которого в Кирпичном переулке были сплошь увешаны картинами художника-самородка Пиросмани: актриса Маргарита, красавицы Ортачал, кинто, кутящие князья, виноделы и виноградари, дворник с бляхой, жираф, львы, олени и т. д. Вместе с гостями (С. Чиковани, Н. Шенгелая; Ж. Гогоберидзе, В. Катаняном, К. Чернявским, Н. Чачава, Ш. Алхазисвили и другими) Маяковский переходил от картины к картине и восклицал: «Какой грузин! Вот это сила!». Сам художник, В. Маяковский высоко оценил произведения самоучки-примитивиста, нарисовавшего «мир детской чистой, незамутненной и светлой души, доброго, умного и ясного взгляда».

Об этом рассказали мемуаристы (сборники «Маяковский в Грузии», 1937; «О Маяковском. Дни и встречи», 1963; «Перед вами, багдадские небеса», 1973). Но в их воспоминаниях не все получило отражение. Кое-что передано не вполне точно и полно в силу разных причин.

На наш взгляд, весьма мало сказано ими о поло-

женин Грузии в период пребывания здесь Маяковского. Дух той поры в республике описан у Д. Шенгелая, который отмечал, что в те годы наша страна ускоряла темпы строительства, что XIV съезд партии взял курс на индустриализацию. Кругом слышались разговоры о планах и задачах, о финансах и строительстве. Но эта характеристика несколько обща и подходит ко всей второй половине 20-х годов, а не конкретно к 1926 году.

Д. Шенгелая писал и о том, что в последний свой проезд сюда поэт интересовался проблемой освоения Самгори, обеспечения всей страны грузинским чаем. Действительно, наша общественность широко обсуждала тогда проблемы развития чайного дела в республике. Считалось, что чай принесет достаток грузинскому крестьянину, а Советский Союз освободит от его экспорта. Было организовано общество «Чай-Грузия», создавались плантации на Черноморье, возрастали кредиты на это дело. Поэтому осушение Колхиды становилось насущной необходимостью...

Не оставили мемуаристы никаких свидетельств и о достаточно насыщенной культурной жизни города того периода, которая довольно подробно освещена на страницах местных газет. Одновременно с информацией о приезде В. Маяковского сообщалось о предполагаемом визите в Грузию Д. Бедного. В связи с отмечавшимся в апреле 1926 года 300-летием грузинской

книги рассказывалось об издании книг в Советской Грузии, много писалось о реформе грузинского шрифта, о судьбе буквы «ять» в эмиграции. Многие занимались также вопросом о сохранении в грузинском языке при обращении слова «батона», которое предлагалось заменить словом «амханаго», и т. д. Часто устраивались юбилейные и иные вечера. Так, состоялся вечер памяти О. Туманяна, А. Лайст прочел доклад «Грузия», И. Гришашвили — «Литературная богема старого Тифлиса»... Часто в печати писали о С. Есенине. Страницы газет вмещали множество произведений русских и грузинских писателей. В «Заре Востока», например, в те годы сотрудничала М. Шагинян. Общественность Грузии живо откликалась на такие памятные даты, как приближавшийся юбилей Л. Н. Толстого, смерть Д. Фурманова и другие события. В театрах и рабочих клубах шли многочисленные постановки; они горячо обсуждались. На фоне всего этого проезд В. Маяковского в Тифлис должен рассматриваться как одно из многих культурных событий того времени.

И все же это — явление не рядовое. Грузинская писательская общественность была взбудоражена присутствием поэта. Его сопровождали на литературные вечера. А он выступал и в больших, и в малых аудиториях рабочих, студентов, писателей. Его выступления пользовались успехом. Поэт прекрасно читал стихи, покорял слушателей своим

ораторским талантом — «при всей наступательной резкости в полемике обладал исключительным обаянием». Таково мнение Б. Жгенти применительно к выступлениям Маяковского в Тифлисе в 1926 году. Но оно не стало еще всеобщим, так как широкая общественность пока только привыкала к нему, как парижане к Эйфелевой башне.

В воспоминаниях Н. Вержбицкого говорится о том, что в сентябре 1924 года в Тифлисе состоялась встреча С. Есенина и В. Маяковского («Звезда», № 2, 1958). Поскольку в данной статье речь идет не об этом годе, не буду подробно рассказывать об этой апокрифической встрече, хотя вообще тифлисская «спираль» взаимоотношений двух выдающихся поэтов весьма интересна. Укажу лишь на ее «витки» 1926 года. Известно, что знаменитое стихотворение о С. Есенине В. Маяковский начал писать в феврале 1926 года. 16 апреля оно появилось в «Заре Востока», а во второй половине мая в тифлисском издательстве вышла отдельной книгой. Грузия, как и вся страна, скорбела о гибели великого русского поэта. И Маяковский не был тут исключением.

Таковы известные факты. Менее знакомы другие интересные события. 12 сентября 1924 года «Заря Востока» опубликовала статью Н. Асеева «Новости литературы», в которой наряду с другими произведениями характеризовались поэмы о

Ленине Есенина и Маяковского. В статье М. Данилова «Поэты» (там же, 15 марта 1926 г.) широко и тонко противопоставлялись два великих советских поэта — внешним видом и манерой чтения произведений, восприятием явлений природы, поэтическим языком, строем метафор и т. д. Анализируя их поэтику, автор стремился настроить поэзии Есенина противопоставить силу и оптимизм Маяковского, чтоб направить нашу молодежь по пути последнего.

Примечательно, что эта публикация появилась в пору, когда стихотворение Маяковского «Сергею Есенину» только еще создавалось, и в какой-то мере предварила его. Предварил М. Данилов и книгу В. Покровского «Диалог Есенина с Маяковским» (Ленинград, 1928), содержащую некоторые параллели. Но Данилов все же оказался первым в подобном освоении данного явления. Другие витки взаимоотношений касаются иных приездов поэта.

В июне 1926 года в Тифлисе вышли две книжки Маяковского — «Разговор с фининспектором о поэзии» и «Сифилис». Из истории создания первой известно, что причиной написания этого произведения послужили многочисленные разговоры поэта с фининспекторами о неправильном обложении его налогом, об ошибочности приравнивания поэтов к кустарям, торговцам и т. д. Он заявлял,

что его работа общественная, часто выполняемая по прямым заданиям госорганов. Являясь же «создателем целого направления в искусстве», «наиболее активной части искусства СССР», он ведет и организационную работу по сплочению литературных сил. И поэтому отказывался от приравнивания к торговцам и кустарям.

Высоко оценивал Маяковский и значение «своего» левовского направления. Теоретические воззрения ЛЕФа он считал самыми верными средствами создания нового общества. И когда 5 июня 1926 года в «Заре Востока» появилась сердцевина очерка «Как делать стихи?» — «Как приходит социальный заказ?», то был уверен, что пропагандирует новые эстетические основы советской литературы.

Так считали и его приверженцы. В том же году вышла книжка В. Перцова «За новое искусство. Ревизия левого фронта в современном русском искусстве». В ней пропагандировались установки ЛЕФа, который считался логическим завершением русского футуризма. «Ненависть к эстетике буржуазного общества определила отношение футуристов к революционному пролетариату. Отныне выбираемые футуристами темы отвечают требованиям революционного дня». Таковы положения книги.

По стечению обстоятельств произведения В. Маяковского «Разговор...», «Как приходит социальный заказ?» и рецензия на книгу В. Перцова оказались опу-

бликованными в одном номере газеты «Заря Востока» от 27 июня 1926 года. Рецензент не соглашался с главными положениями книги В. Перцова. Он считал, что революционный выбор сделала лишь небольшая группа футуристов, что в период 1917 — 1920 годов главными произведениями («важными темами») являлись «Мистерия-Буфф» Маяковского, две пьесы В. Каменского, которые «наряду с «Заклятием смехом» В. Хлебникова и заумью Кручных вряд ли отвечали заданиям революционного дня». Но это не мешает решительному историку приписывать футуризму «неутомимую художественную пропаганду коммунизма».

В. Перцов не сомневался, что именно ЛЕФ закладывал возможности создания пролетарского искусства, рецензент же находил, что преемственная связь ЛЕФа с футуризмом вряд ли дает право для подобных утверждений. Так, В. Перцов говорил об огромной деятельности ЛЕФа, его членов, но рецензент весьма скептически оценивал эту работу, по существу отрицал первостепенное значение ЛЕФа в строительстве новой культуры.

В. Маяковский тоже считал футуризм, а затем ЛЕФ «наиболее активной половиной искусства СССР». Но эта точка зрения разделялась немногими. С трибуны съезда грузинских писателей в феврале 1926 года Ф. Махарадзе в заключительном слове «коснулся грузинского футуризма». «Хотя на съезде футуристы

разговаривают на понятном языке, — говорил он, — но их творчество непонятно и бесполезно для широкой публики». Эти слова появились в прессе как раз в период пребывания В. Маяковского в Тифлисе, а так как день он начинал, как правило, с чтения свежих газет, вряд ли это мнение осталось для него неизвестным. Мог он услышать его и от своих грузинских знакомых. Хотя мемуаристы об этом умалчивают.

К счастью, нельзя ставить знака равенства между Маяковским и ЛЕФом. Правда, многое, что высказывалось от имени этой группировки, действительно относилось к теоретическим ее положениям и давно забыто. Но Маяковский, как явление, оказался большим, чем ЛЕФ. Он стал одним из столпов советской литературы. Многие из того, что говорил и делал поэт, вошло в сокровищницу советской теории литературы, в том числе статья «Как делать стихи?». Подобное особое положение Маяковского в левовском течении становилось понятным только с течением времени. Но тогда он подвергался критике как футурист.

С другой стороны, тенденция к объединению литературных сил являлась требованием эпохи, и Маяковский прекрасно это понимал. Лучшие из них искренно хотели строить новое общество, но тратили свои силы на борьбу между собой. Поэтому поддержка,

которую Ф. Махарадзе оказал тяге к объединению всех течений и групп грузинской литературы, его пожелание, чтоб грузинские писатели рука об руку с правительством и руководящей партией работали на благо грузинского трудового народа, отвечали стремлениям и В. Маяковского.

Что из этих многочисленных фактов нашло отражение в мемуарах, воспоминаниях или научно-критической литературе? К сожалению, ничего, или в лучшем случае почти ничего.

И еще один факт, о котором еще никто ничего не сказал. 14 июля 1926 года газета «Заря Востока» опубликовала «Марш» из поэмы Маяковского «Летающий пролетарий», который появился в то время, когда страна широко отмечала праздник Авиахима. Этот день прошел в стране под знаком развития химии и авиации. Газеты призывали тогда: «Все наше внимание — фронту завоевания воздуха и фронту завоевания химии!». Трудящимся предлагалось активнее развивать промышленность, сельское хозяйство, снабжать его химическими удобрениями. Особое внимание уделять обороноспособности страны. В марте 1926 года проводилась учебная «химическая война», а в дни Авиахима — показательная воздушно-химическая оборона Тифлиса. Значение «Марша» Маяковского в период, когда трудящиеся Советского Союза, и Грузии в том числе, демонстрировали готовность

к воздушной и химической обороне Родины, трудно переоценить. Среди материалов номера газеты и мероприятий того времени стихотворение это воспринималось как еще один необходимый компонент.

Не полностью ясна картина взаимоотношений В. Маяковского с К. Марджанишвили, Ладо Гудиашвили и другими деятелями грузинской культуры. Если основная нагрузка на взаимосвязь русского поэта с грузинским режиссером падает на 1924 год, то их дальнейшие контакты совершенно выпали из поля зрения современников. А вот о взаимоотношениях Ладо Гудиашвили с поэтом следует сказать подробнее. Большой грузинский художник на склоне лет рассказал о встрече с В. Маяковским в Париже в 1922 году, которая запечатлена в двух фотоснимках. На основе одного из них художник нарисовал прекрасную картину «Встреча в Париже». Единственное возражение вызывает упоминание Ладо Гудиашвили о том, что поэт нашел его в «Ротонде» и обратился к нему со словами: «Гамарджоба, Ладо! Что ты тут делаешь?».

По нашему мнению, познакомились они в Париже, где за семь дней пребывания В. Маяковского, видимо, неоднократно встречались. В этом убеждает следующее. К. Зданевич, открывший художника - примитивиста Пиросмани, многое сделал для спасения его картин. Маяковский на его квартире впервые познакомился с образцами творчества самородка. В

апреле-1926 года усилиями К. Зданевича была устроена выставка, а 25 апреля состоялся вечер памяти Пиросмани в зале консерватории. С докладом выступил Т. Табидзе, а с воспоминаниями — ряд деятелей Грузии, в том числе Л. Гудиашвили. Тогда же вышла первая монография о Пиросмани. О нем стали говорить. Как удалось установить, в период приезда Маяковского в 1926 году Ладо находился в Тифлисе. Однако ни Маяковский, ни Гудиашвили об этом не обмолвились. Они и не встречались. Парижская встреча — единственная в их жизни. Сейчас, конечно, трудно говорить об этом с полной уверенностью, ибо уже нет обоих великих художников.

И еще. Ряд явлений, к сожалению, не локализован во времени, в их датировке, в характеристике допущены определенные ошибки. Не установлена, например, еще дата первой встречи В. Маяковского с грузинскими пролетарскими писателями. Каждый из оставших воспоминания об этом дает свою версию, некоторые называют даже 1924 год. У нас же есть только одна точная дата — 1927 год. В последний свой приезд сюда поэт критиковал отдельные стихотворения из книги пролетарского поэта Г. Крейтана, за которого вступился «пролеткритик» Платон Кикодзе. Все другие даты еще нуждаются в подтверждении.

Интересный случай произошел на одном из вечеров Маяковского. Опоздавшие Н. Шенгелая и Н. Вачнадзе вошли в зал и остановились

в проходе. Вскоре на них стали оборачиваться зрители. Они только боялись своего положения. Маяковский зычным голосом обратился к ним, прервав доклад: «Что вы стоите как столбы, Вачнадзе и Шенгелая? Подойдите ко мне ближе, не стесняйтесь! Вот я вас здесь и обвенчаю всенародно». Этот эпизод действительно имел место, но каждый из современников датирует его по-разному. Один из очевидцев вспоминает П. Лавута применительно к 1926 году, хотя он начал сотрудничать с поэтом в 1927 году. И такие неточности нередки.

И хотя, как можно было убедиться выше, воспоминания современников донесли до нас интересные данные о приезде поэта в Тифлис в 1926 году, по различным причинам некоторые факты об этом остались в тени. Кое-кто из очевидцев не оставил специальных воспоминаний о Маяковском, несмотря на то, что они знали достаточно много об интересующем нас предмете (Ш. Алхазидзе, Б. Гордизани и другие). В опубликованных и рукописных воспоминаниях, которые довелось просмотреть, чувствуется забвение одних фактов и невнимание к другим. Имеются, как это мы постарались кратко показать, и различного рода ошибки памяти. Если же иметь в виду и общие для мемуарной литературы особенности (психологические смещения в повествовании, усиление своей роли в собы-

тиях и т. д.), то становится понятной и доля заключающейся в ней истины.

Как мы пытались показать, в республике в конце февраля — начале марта 1926 года происходили события разного масштаба, свидетелем многих из которых мог быть и В. Маяковский. Но по тому материалу, которым мы сегодня располагаем, получается, что этот эпизод прошел мимо них. Между тем логично допустить, что явления такого рода должны были вызвать его реакцию. К сожалению, об отношении В. Маяковского к ним можно только догадываться. Последнее обстоятельство следует иметь в виду при знакомстве со сборниками воспоминаний и материалов типа «Маяковский и Грузия», которых издано уже три (в 1937, 1963 и 1973 гг.).

Заново просмотрев пресу того времени, сопоставив данные газет и журналов с данными воспоминаний, хотелось на базе их широкого использования попытаться пробелы в представлении о пребывании Маяковского в Тифлисе в 1926 году, осваивая при этом на сегодняшнем уровне тифлисские материалы о той поре. Насколько успешна попытка высветить кое-какие моменты тогдашней жизни столицы Грузии с целью получить более полную картину проведенной поэтом здесь недели (что мог наблюдать он в Тифлисе, о чем мог говорить), покажут время и дальнейшие разыскания.

Софья ШОЛОВОВА

НИТЬ, СВЯЗУЮЩАЯ ИМЕНА

ЛАРИСА РЕЙСНЕР
И
ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

ВЛИЯНИЕ мощного таланта Владимира Маяковского на дарования современников литераторов, хотя и было опосредствованным, тем не менее почти всегда оказывалось достаточно значительным. Обнаружение каких-либо новых творческих соприкосновений в творческой биографии Маяковского представляет несомненный историко-литературный интерес.

В творческих судьбах Маяковского и Ларисы Рейснер не раз прослеживаются сложные скрещения, скрытые параллели, особенно в ранний период творчества каждого. Их литературные дебюты пришлись на предреволюционное время, что обусловило наличие некоторых исторических связей. Оба принадлежали к тому поколению творческой интеллигенции России, о котором Александр Блок написал пронзительные в своей правдивости строки:

Рожденные в года глухие,
Пути не помня своего,
Мы — дети страшных лет
России,

Забыть не в силах ничего.

Лариса Михайловна Рейснер была на два года моложе Маяковского, и для нее, как и для поэта, не было колебаний — где ее место, когда грянули залпы «Авроры». У каждого оказался свой путь в Революцию и Творчество.

Творчество Л. М. Рейснер (1895—1926), как и вся ее жизнь, отличается краткостью, яркостью и неповторимостью. Она умерла в 30 лет от брюшного тифа, так и не раскрыв всех талантов и дарований. Созданные ею книги представляют образцы первой советской публицистики. Книги поражают высоким строем мысли, гражданским пафосом и щедрой отдачей художественных богатств автора. Названия свидетельствуют о злободневности содержания — «Фронт», «Гамбург на баррикадах», «Уголь, железо и живые люди», «Афганистан».

Злободневность отличала и всю поэзию Маяковского. Оба были убеждены, что истинный художник должен своим пером и талантом служить идеям революции, создавая произведения, достойные эпохи и времени.

В 1913 году Л. Рейснер напечатала одно из первых произведений — романтическую драму «Атлантида», где герой погибал, жертвуя жизнью ради всеобщего блага людей. Пьеса увидела свет на страницах популярного в те годы литературно-художественного альманаха «Шиповник».

Для начинающего автора публикация в таком издании позволяла сразу сделать шаг в «большую литературу», обретая первого читателя. Заведующий отделом художественной прозы Леонид Андреев считал первые два действия драмы Рейснер «безукоризненными». Уже в раннем произведении определились особенности ее таланта — четкость и метафоричность стиля, высокий строй (а отсюда и пафос) и скрытая мятежность духа.

Считая «всеобщее ханжество» наследием «страшного мира», Лариса Рейснер клеймила его многократно, каждый раз при этом пробуя новые литературные формы.

Не это ли качество старого мира осмеивал Маяковский буквально с первых шагов в литературе? Его природное бунтарство не сразу находило должное художественное воплощение.

Литературные дебюты обоих состоялись буквально в одно и то же время, сразу обратив на себя внимание если не читающей России, то литераторов старшего поколения. В статье «Без белых флагов», написанной поэтом в 1914 году, он провозглашал: «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства» (т. I, с. 324)¹.

В обзоре «Год русской поэзии» Валерий Брюсов считал необходимым особо отметить: «У Маяковского много от наше-

¹ Цит. по Полному собранию сочинений В. Маяковского в 13 т., М., 1955.

го крайнего футуризма, но есть свое восприятие действительности, есть воображение и есть умение изображать»². Верно подмеченные качества начинающего поэта сразу выделили его из общей массы молодых литераторов.

Нравственный максимализм, высокая категоричность отрицаний и утверждений, ирония ко всему и в первую очередь — к признанным авторитетам, дерзость в выборе тем, изобретательность в способах художественного воплощения, презрение к мещанству любого толка — все это было присуще обоим в полной мере, при всей несхожести их творческих устремлений.

Скрытая внутренняя общность позволила Ларисе Михайловне тонко почувствовать и принять первые пробы пера Маяковского. Этому немало способствовало и то, что она всегда и неизменно чувствовала себя поэтессой. Поэтическое восприятие окружающей действительности сказывалось буквально во всем — в поведении, общении, творчестве. Стиль написанного ею рождал особую ритмику и образность строки, заметно отличая ее публицистику от публицистики других зачинателей советской литературы.

Первый исследователь творчества Л. М. Рейснер критик И. Оксенов считал, что она писала «вполне зрелые, парнасские по форме, задорные и дерзкие по темам стихотворения». По его заключению, у нее «странным образом уживались чисто петербургский эстетизм, требовавший чеканной отделки стиха, и наряду с этим органическая революционность мировоззрения, ненависть к мещанству всякого рода, большой заряд социального протеста». (Разрядка С. Ш.)³.

Где же впервые довелось познакомиться Рейснер и Маяковскому? Скупые свидетельства современников доносят до нас крайне мало.

Художник Леонид Павлович Альбрехт, учившийся в Тенишевской мастерской Репина, вспоминает:

«Мне приходилось встречаться с Репиным уже в 1914—1915 годах в его пенатах, в Финляндии. В одно из моих посещений помимо Репина у него были В. Маяковский, Лариса Михайловна Рейснер и другие представители молодого поколения писателей и художников»⁴.

² В. Брюсов. Год русской поэзии. Русская мысль, 1914, № 5, с. 18.

³ И. А. Оксенов. Лариса Рейснер. Критико-биографический очерк. Л., 1927.

⁴ Художественное наследство. Репин, т. 2, М.-Л., 1949, с. 236.

О том, что Рейснер бывала у Репина, рассказывает и другой документ: в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве сохранилась фотография, изображающая детей Репина на одном из приемов; среди присутствующих «весенним лучом согревающее снимок чудесное лицо Ларисы Рейснер»⁵.

О молодом Маяковском Корней Чуковский вспоминал: «Всей своей биографией, всем своим творчеством Маяковский отрицал облик поэта, как некоего жреца и пророка», как «носителя тайны и веры»...⁶.

Память современников сохранила сочетание имен — Маяковский и Рейснер — не случайно. Внешняя неординарность, обоюдная склонность к полемике и эпатажу окружающих, самоуверенность, скрывающая робость, — все обращало на себя внимание присутствующих, и не удивительно, что запоминалось крепко.

Известно, что Рейснер многократно бывала в поэтическом кафе «Бродячая собака», где состоялось наделавшее много шума выступление Маяковского.

По словам К. И. Чуковского, летом 1915 года Маяковский внимательно изучал поэзию Иннокентия Анненского и Валерия Брюсова, часами мог читать Александра Блока, любил перелистывать журналы «Аполлон», «Весы», «Золотое руно». В это же время и Рейснер испытала сильное влияние поэзии символистов и акмеистов. Она часто бывала в редакции журнала «Аполлон». Их роднила высокая требовательность к себе и слову, выходявшему из-под пера. В памфлете «Не бабочка, а Александр Македонский» Маяковский писал: «Причина действия поэта на человека не в том, что стих его — чемодан для здравого смысла, а в способности находить каждому циклу идей свое исключительное выражение» (т. 1, с. 317).

Чуковский вспоминал, что иная строка отнимала у поэта едва ли не целый день, к вечеру он браковал ее, чтобы назавтра «выхаживать новую строфу».

Свойство «выхаживания» ритма собственных строчек было присуще и Ларисе Михайловне. Вадим Андреев, сын писателя, в 1913—1915 годах жил в семье Рейснер, оставив об этой поре воспоминания. Он писал: «Иногда по возвращении моем из гимназии я заставал Ларису за писанием стихов. Она ходила по

⁵ Встречи с прошлым. М., 1972, с. 152.

⁶ К. Чуковский. Современники. М., 1962. с. 511.

комнате большими, неровными шагами, взволнованная, на некоторое время потерявшая свою царственность... я вслушивался в ее бормотание: «Руку на меч положив изощренный, юноша в звонкие зори влюбленный, так говорил...» На мгновение она присаживалась к столу, записывала набежавшие строки маленьким огрызком карандаша, вставала и вновь принималась ходить, бормоча и колдуя... эта атмосфера творчества невольно захватила и меня. Мне неважно было, что ее стихи были несовершенны, что она в то время переживала влияние Блока и Гумилева, но ее бормотание и ритм ее шагов мне заменили мою голубиную музыку»⁷.

Как и Маяковский, Рейснер бывала в таких редакциях предреволюционного Петрограда, как «Новый сатирикон», «Журнал для всех», но особенно в горьковской «Летописи». Участие в журнале «Летопись» сыграло огромную роль в становлении таланта писательницы. Это была прекрасная литературная школа для многих начинающих художников предреволюционного поколения. В формировании мировоззрения Маяковского значение этого журнала трудно переоценить. Редакция, и в первую очередь Горький, отнеслись к поэту с предельным вниманием и пониманием.

В октябре 1915 года Маяковский рассказал Горькому о замысле поэмы «Война и мир», тогда же он подарил писателю «Облако в штанах». Спустя месяц Горький предлагает поместить в журнале рецензию, и хотя редакция возражала, тем не менее рецензия Натана Венгрова на поэму «Облако в штанах» была напечатана.

В марте 1916 года Маяковский читал в редакции новое произведение — «Флейта-позвоночник».

Маяковский и Рейснер были постоянными участниками редакционных собраний журнала.

На страницах «Летописи» увидели свет строки пролога поэмы «Война и мир». В том же самом номере была напечатана проблемная статья Рейснер о поэзии Рильке. Она вообще была постоянным сотрудником журнала, пробуя свои силы то как рецензент, то как переводчик и критик.

Писатель Алексей Демидов вспоминал: «Последний раз в Петрограде я ее (Л. Рейснер — С. Ш.) видел на празднике по случаю годовщины журнала «Летопись», устроенном в комнатах редакции. Первому было предложено читать Маяковскому, и он,

---

⁷ В. Андреев. В семье Рейснеров. В кн.: Л. Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969, с. 51—52.

«остановившись у рояля, гаркнул: «Нерон!». Затем постоял, подумал, повернулся и сказал: «Нет, читать не буду!». Его прогнали, просила и Лариса Михайловна, но напрасно. Запела скрипка под аккомпанемент рояля, и вечер начался». (Разрядка С. Ш.)⁸.

Сколь бы лаконичны ни были признания современников, тем не менее они позволяют установить не только сам факт общения, но время и даже отдельные конкретные обстоятельства встреч.

По-видимому, эти встречи в редакции отличались неординарностью. Внешняя яркость, их полярность в устремлениях, весь строй литературных пристрастий — все обращало на себя внимание присутствующих и не удивительно, что было памятно.

Взаимосвязи исторические, бытовые, жизненные, творческие, поэтические находят отражение в самых различных документах, но в первую очередь в собственных строчках.

«За Россию бояться не надо: в маленьких сторожевых будках, в торговых селах, по всем причалам этой великой реки — всё уже бесповоротно решено. Здесь всё знают, ничего не простят и никогда не забудут. И именно тогда, когда это будет надо, — приговор будет произнесен и совершится казнь, какой еще никогда не было»⁹, — так писала Рейснер летом 1916 года в период краткой поездки по Волге.

Строчкам письма Рейснер как бы вторят другие:

Где глаз людей обрывается куцый,
Главой голодных орд
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год!

Параллель вряд ли случайна, поскольку оба стремились чутко услышать ритмы своего времени, оба не отмежевызались схоластическими спорами о судьбах искусства от событий, которыми бурлила тогда Россия.

Взаимосвязанность имен неоднократно и в различном контексте встречается во многих книгах Виктора Шкловского. В одной из статей, составляющих книгу «Старое и новое», писатель

⁸ Отдел рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина, ф. 245, к. II, ед. хр. 45. л. 1—5.

⁹ Л. Рейснер. Избранное. М., 1965, с. 512.

вспоминал: «Рецензия — нужная вещь. В 1916 году молодым писателем, имеющим крохотный опыт, я работал в журнале *«Борьба»* которого «Летопись». Приходил туда Владимир Маяковский, печатала свои первые рассказы И. Бабель, печатала рецензии молодая Л. Рейснер. Она, впрочем, имела и свой журнал «Рудин», который отличался прекраснородушием и приверженностью к Бакунину, вскоре прошедшей...»¹⁰.

В 1926 году, узнав о внезапной кончине Л. Рейснер, Шкловский откликнулся печальными словами некролога в «Журналисте». Слова скорби сменялись обрывками воспоминаний конкретных эпизодов, признания истинности таланта писательницы — словами, выказывающими редкую ассоциативность мышления автора. Шкловский писал: «Мне трудно писать. К умершей не подходит прошедшее время. Как тут напишешь о человеке, когда не срок подводить счет? Бессмысленнейшая смерть. Был Горький, в сюртуке и ёжике. Хитрый и всё понимающий Суханов. Маяковский совсем молодой. Сейчас нет таких молодых. Была тогда Лариса Рейснер с русыми косами, северным лицом, с робостью и самоуверенностью. Писала рецензии в «Летописи» и поэму, как и надо в 18 лет, мирового значения — «Атлантида»¹¹. Автор некролога отмечал, что самобытность литературной манеры Рейснер проявилась лишь «после военных походов», искренне сокрушался по поводу внезапной кончины Ларисы Михайловны, явившейся невосполнимой потерей для молодой советской литературы и журналистики:

Знакомство Ларисы Рейснер с Владимиром Маяковским не было мимолетным и отнесенным только к предреволюционному времени. Оба являлись участниками ряда мероприятий творческой интеллигенции Петрограда в октябре-ноябре 1917 года.

По этому поводу в воспоминаниях видного издательского и партийного работника Б. Ф. Малкина можно прочесть: «Через неделю после октябрьского переворота в Смольном от имени Всероссийского ЦИК пытались собрать всю тогдашнюю интеллигенцию Петрограда. Перед этим было много объявлений в газетах, масса расклеенных в городе афиш и наше обращение в популярной информации дошло до всех кругов петроградской интеллигенции. Обращение было в том, что советская власть призывает людей культуры и искусства прибыть в Смольный, предложить и провести ряд мероприятий, необходимых для молодой,

¹⁰ В. Шкловский. Старое и новое. М., 1966, с. 154.

¹¹ В. Шкловский. Бессмысленнейшая смерть. Журналист, 1926, № 2, с. 14.

только что возникшей власти... и вот в 7 часов вечера все, что представляло интеллигенцию Петрограда, состояло из пяти-семи человек, которые все уместились на одном диване. Помню, там были Александр Блок, Маяковский, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, Лариса Рейснер... вся ночь прошла в разговорах, как нужно организовать интеллигенцию и что нужно для этого сделать»¹².

Факт совместного присутствия лучших представителей творческой интеллигенции Петрограда в Смольном достаточно красноречив. Их было немного, кто не отшатнулся в страхе перед вздыбленной красной Россией. Они уместились на одном диване, но среди них снова соседствуют имена Маяковского и Рейснер.

Летом 1920 года близились к концу бои Волжской флотилии, с которой Рейснер в качестве комиссара военных моряков прошла весь трудный и легендарный путь. Она возвращалась в город юности, опаленная пережитым.

Едва только был задуман замысел первой книги «Фронт», шли поиски жанра, доступного новому читателю. Рейснер выбрала перо публициста.

В Петрограде частично возобновились ее прежние литературные контакты. Она приехала в город 19 июля 1920 года, а уже 24-го на страницах «Красной газеты» был напечатан ее очерк «О Петербурге». С первых строк веяло особым доверием к читателю-единомышленнику: «Вернуться в Петербург после трех лет революционной войны, — писала Рейснер, — почти страшно: что с ним случилось, с этим городом революции и единственной в России духовной культуры?»

Это был период мучительных раздумий и переоценки привычных ценностей. С особым отношением Рейснер подошла к возобновлению прежних литературных знакомств. В обстановке саботажа интеллигенции каждое общение становилось жизненно важным, обретая новый смысл и окраску.

Касаясь обстоятельств, при которых происходила очередная встреча Ларисы Рейснер с поэтом, Шкловский писал: «Помню, как-то Маяковский пришел в «Призал комедиантов» с Лилей Брик. Она ушла с ним. Потом Маяковский вернулся торопясь. — Она забыла сумочку, — сказал он, отыскав черную сумочку на

---

¹² ЦГАЛИ, ф. 336, оп. 6, ед. хр. 50, л. 30—31.

стуле. Через столик сидела Лариса Михайловна Рейснер, молодая, красивая. Она смотрела на Маяковского печально. — Вь вот нашли свою сумочку и будете ее таскать за человеком всю жизнь. — Я, Лариса Михайловна, — ответил поэт (а может, сказал «Лариса») эту сумочку могу в зубах носить. В любви обиды нет»¹³.

«Привал комедиантов» сменил кафе «Бродячая собака», по-прежнему собирая в своих стенах поэтов и литераторов Петрограда. При всей субъективности восприятия и бытовой окраске самого эпизода в нем сохранена подлинная атмосфера мимолетности встречи, отпечаток настроения, отраженный в интонациях диалога, — здесь и легкое недоумение, недоговоренность, а быть может, и разобщенность. В это время Рейснер переживала духовный и жизненный кризис, особенно обостренно воспринимая окружающее. Она была поглощена поиском новой формы, отражающей то, что несло с собой Время, облекая плотью слов реальные прекрасные человеческие порывы. Приподнято и смутенно звучат строки ее очерка «О Петербурге»: «Неужели же в пустыне духа, которую третий год проходит борющаяся новая Россия, среди страданий, поражений и побед великого народа не подыметя голос поэзии, науки и искусства, чтобы благословить, чтобы увенчать эти жертвы, это одиночество в целом мире, эту героическую обреченность? Неужели никто, кроме Александра Блока, не даст революции своего чистого имени и вечного стиха?»¹⁴.

Несмотря на риторическую форму авторского восклицания, нельзя не услышать его обращенности и направленности. В сознании предреволюционного поколения России Маяковский с первых шагов литературного творчества воспринимался как глашатай нового.

Ранней весной 1921 года неугомонная Лариса Рейснер уезжала в составе советской дипломатической миссии в Афганистан. Свидетели прощания были немногочисленны. В числе тех, кто уезжал, был и писатель Лев Никулин. Позже он вспоминал: «Товарищи провожали нас так, как провожают вызвавшихся идти в рискованную разведку. Владимир Владимирович... простился с благожелательным любопытством»¹⁵.

Из общего числа собравшихся проводить советскую миссию запомнился почему-то Никулину только один поэт. Можно

¹³ В. Шкловский. Жили-были., М., 1966, с. 156.

¹⁴ Красная газета, 1920. № 162. с. 2.

¹⁵ Л. Никулин. Записки спутника. М., 1934, с. 119.

предположить, что появление Маяковского явилось крайней неожиданностью.

Скупые, отрывистые признания современников сохранили то реплику, то эпизод, то просто оброненное слово или какой-то штрих, намечая реальную нить, связующую имена, но отнюдь не отражая при этом сложную палитру человеческих отношений, психологию жизненных и творческих контактов. Факты констатируют, документы рассказывают...

У тех, чья жизнь неотделима от творчества, любое общение, будь то общение непосредственное или общение с произведением, созвучным собственным устремлениям и настроениям, почти всегда получает выход в творчество. В конечном счете только это и заслуживает пристального внимания спустя десятилетия.

Рейснер писала о Маяковском несколько раз. Осенью 1915 года в Петрограде появилось новое периодическое издание — тонкий двухнедельный журнал под названием «Рудин» с подзаголовком «Поэзия, Памфлет, Сатира». На обложке был изображен профиль героя тургеневского романа. Идейным вдохновителем, организатором, редактором и автором многих критических статей, стихотворений и памфлетов была Лариса Михайловна. Если многие издания тех лет угасали на втором номере, то «Рудин» вышел восемь раз, прежде чем его запретила цензура.

В январском номере за 1916 год редакция обращалась к читателям: «Ставя своей целью создание органа, который клеймил бы бичом сатиры, карикатуры и памфлета все безобразие русской жизни, где бы оно ни находилось, редакция «Рудина» вместе с тем стремится открыть дорогу молодым талантам и при их помощи прийти к установлению новых культурных ценностей»¹⁶. В обращении — юный задор, стремление прорвать литературную и общественную косность. Среди петербургского студенчества журнал пользовался известной популярностью.

А спустя десятилетия академик М. П. Алексеев отмечал: «Среди периодических изданий той поры журнал «Рудин» обращал на себя внимание своим литературным содержанием и своими иллюстрациями, выполнявшимися весьма талантливыми художниками-графиками»¹⁷. Наряду с безвестными авторами в журнале высту-

¹⁶ Рудин, Пг, 1916, № 4, с. 1.

¹⁷ Тургеневский сборник. М., 1964, с. 246.

Софья Шоломова. Нить, связующая имена.

пали А. Грин, О. Мандельштам, В. Рождественский, Л. Никулин и другие. Критическая и публицистическая часть постоянно велась Ларисой Рейснер, чаще всего выступавшей под псевдонимом.

В конце марта 1916 года вышел седьмой номер, содержащий статью Л. Храповицкого (псевдоним Л. Рейснер) «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому». В мае журнал был запрещен цензурой.

Статья Л. Рейснер примечательна во многих отношениях, но в первую очередь — публичным признанием неоспоримого и яркого таланта молодого Маяковского. Автор высказывал понимание глубинной преемственности двух поэтических миров при всем кажущемся их различии и несопоставимости. В статье налицо склонность критика к определению четких критериев значимости поэзии, его стремление выявить общие закономерности в процессе развития дореволюционной поэзии. Это голос современника поэта, которому дорога поэзия.

Рейснер была убеждена, что искусство — всегда бурная диалектика. Она неоднократно повторяла: «Искусство — высшая и непрерывная жизнь, ожесточенная борьба отрицающих друг друга красок, размеров и миропониманий. Красота не имеет лица, потому что лица ее неисчислимы»¹⁸. Такой взгляд автора помогал понять и поэзию дерзающего в литературе Маяковского.

Начальные строки, проникнутые высокой категоричностью, выдают молодость и максимализм автора. Вот они: «Александр Блок никогда не был революционером и реформатором. Величие его поэзии не искало пурпурных и золотых слов. Всегда большой и незабываемый, даже в пошлых образах, даже в поблекшей теме, он бесшумно переступил черту временного и ничтожного. Его влияние громадно, как влияние абстрактной идеи, тончайшей математической формулы»¹⁹. Каждая строка, абзац, приведенная цитата — все выношено и глубоко продумано. Заключение и акценты подчинены единственному замыслу. Обращение к поэзии Блока и вслед за этим к едва начавшему свой путь в литературе Маяковскому показательно во многих отношениях. В таком сочетании имен критика дореволюционного времени еще не рассматривала своеобразие поэтических миров Блока и Маяковского.

Статья состоит из двух частей, каждая из которых содержит повтор словосочетания «никогда не был». Повторение в разном контексте и по отношению к разным поэтам сделано автором

¹⁸ Рудин. Пг., 1916, № 4, с. 2.

¹⁹ Рудин. Пг., 1916, № 7, с. 7.

явно преднамеренно. Сравним: «Александр Блок никогда не был революционером и реформатором». А вот начало второй части статьи: «Маяковский никогда не был фальсификатором». Повтор звучал как призыв к полемике, как вызов, содержа в себе одновременно высокую категоричность не то отрицания, не то утверждения.

Сквозь наносное Рейснер пыталась разглядеть истинное. Ее восприятие лирики Маяковского отличалось проникновенностью и потому ее характеристики, ее «прочтение» убеждают. Она утверждала: «Мир для него — не бутафория, не мертвая, временная декорация, которую можно подновить или взять напрокат, как берет Северянин». Антитеза творческих индивидуальностей усилена, и симпатии автора явно на стороне Маяковского. А ведь это была пора, когда поэт страдал от собственной непонятности, когда кроме насмешек и издевательств по отношению к себе он ничего не встречал со стороны аудитории, а своих читателей еще почти не имел.

В черновиках сохранились фразы, раскрывающие позицию Рейснер — читателя и слушателя Маяковского: «Маяковский не знает маскарадной жизни. Все живое страдает... все живет и клокочет страданием». (Разрядка С. Ш.) Муза поэта высекает «странную поэзию» именно потому, что проникнута клокочущим страданием. Рейснер понимает, что Маяковский не столько певец улиц, сколько глашатай, а значит он задыхается в аудитории, салоне, зале. Поэтические образы «странной поэзии» ошеломляли. Их было невозможно забыть. Они органично вплелись в авторский комментарий статьи.

Как доказательство истинной ценности Рейснер приводит строки из поэмы «Облако в штанах»: «Мельчайшие пылинки живого ценнее всего, что я сделаю и сделал!» В общем контексте статьи поэтические образы звучат по-новому и их эмоциональное воздействие неожиданно.

Найтием художника Рейснер уловила интонации нежности, человечности, незащищенности, скрытое страстное стремление исполнить долг, назначенный поэту судьбой.

Рейснер писала: «Маяковский по-своему молится величайшему богу человечности — «люди и те, что обидели, вы мне дороже, ближе. Видели, как собака бьющую руку лижет? Он, осмеянный у сегодняшнего племени, как длинный скабресный ане-

хдот, видит Идущего через горы времени, которого не видит никто»...

Синтез поэтических строчек с авторским текстом удивителен. Выделение высоких категорий «Грядущего» и «Поэта» заглавными буквами подчеркивает критерии значимости этих понятий у автора статьи. Основная задача Рейснер-критика в данной работе — это показать небывалый строй души поэта, его мир, его боль. Это стремление помочь понять читателю «небывалую странность» — феномен Маяковского.

Лариса Рейснер называет его стихи «задыхающимися», распознав в поэме «Облако в штанах» высокую трагедию Любви, Одиночества, Человечности.

Накал чувств отличал и написанную поздней осенью 1915 года поэму «Флейта-позвоночник». Использование в тексте статьи строчек из поэмы, которая едва вышла из печати, позволяет предположить, что она тотчас была прочитана Рейснер, поскольку статья «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому» полностью была завершена к декабрю того же года.

Строки об одиночестве лирического героя Маяковского предвосхищают финал статьи. Спустя десятилетия заключительные строки, некогда написанные Ларисой Михайловной, обретают новое звучание, не затмевая при этом их пророчества. Вот они: «И. Северянин как раз наиболее талантливый лейб-революционер современного искусства. Пусть Маяковский не завидует этому титулу: пока не оскудела его рельефная, образная речь, пока творчество не устало ломать старые воплощения, никто не оскорбит его, Поэта, этикеткой и номером литературного Архива».

Приметы личного отношения автора к творчеству Маяковского содержат не только эти заключительные строки, но и фразы финала в черновике. Вот как первоначально заканчивалась статья: «Мы надеемся, что еще не скоро обеднеет его красота. Пока не оскудела его образная речь, пока творчество не одеревенело» и, как логический итог размышлений, глубоко выношены слова: «Пока творчество не устало ломать старые воплощения, никто не оскорбит его, Поэта, этикеткой и номером литературного Архива». (Разрядка С. Ш.).

Высокая оценка лирики раннего Маяковского на страницах журнала «Рудин», когда атмосфера непонимания и замалчивания вокруг поэта была сильна, звучала как вызов.

О том, что в дореволюционной критике среди немногочисленных откликов на поэзию Маяковского статья Рейснер стоит

особо, указывал поэт и критик И. А. Оксенев. Он писал: «Мысли, высказанные едва ли не впервые Ларисой Рейснер в последствии повторяет любой рецензент. Но для того чтобы говорить так в 1916 году, нужны были большое критическое чутье и большое гражданское мужество»²⁰.

В статье «Маяковский в дореволюционной литературе» Оксенев развивал прежнюю мысль. Он отмечал: «Расценивая статью (имеется в виду статья Л. Рейснер — С. Ш.) в исторической перспективе, мы должны признать за нею значение для литературной биографии не только Маяковского, но и самого автора статьи. Не следует забывать, что писать о Маяковском в те годы и пытаться вскрыть подлинную ценность его творчества — значило идти по линии наибольшего сопротивления, наперекор всем реакционным общественно-литературным силам и течениям»²¹.

Спустя пятнадцать лет после написания статьи Рейснер, когда уже не было в живых ни ее, ни поэта, строки привлекли внимание к себе, помогая раскрытию каких-то важных черт в становлении каждого.

Среди незавершенных набросков в архиве Л. М. Рейснер сохранился лист с началом рецензии на сборник под названием «Чудо в пустыне», где была напечатана 4-я часть поэмы Маяковского «Война и мир».

Лариса Рейснер была убеждена, что современная поэзия, как и жизнь, должна определяться борьбой идей, духом времени.

Накануне своего двадцатилетия в 1914 году Рейснер в одном письме доверительно писала: «Для меня жизнь и борьба идей есть единственная правда, единственный ключ к пониманию той свалки, того базарного турнира, который охватил нас со всех сторон»²².

А спустя десятилетие в одной из последних написанных ею статей она бесстрашно утверждала: «В литературе воюют не о форме сюжета, не о красоте слога, не о завязке и развязке, а прежде всего о политике. Нигде борьба социальных сил не ведется острее, ярче, беспощаднее, чем в области искусства, и ни-

²⁰ И. Оксенев. Лариса Рейснер. Критико-биографический очерк, Л., 1927.

²¹ Звезда, 1931, № 4, с. 94—96.

²² Отдел рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина, ф. 245, к. 6. ед. хр. 107.

где так не густа, как здесь. Далеко ли ходить за примерами? Вспомните Горького, молодого Маяковского, до войны и в начале ее, Есенина и многих других. Разве где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь поносил их прямо за то, что их проза и стихи пахли революцией, за то, что они были нестерпимы своим грозным возмутительным духом русскому буржуазному обществу? Никогда! Спорили о рифме, о длиннотах, об образах, об ассонансах, о чем угодно, только не о самом главном, не о политической душе художественного произведения, только не о печати класса, которую оно носило на лбу»²³.

Для Рейснер литература неотделима от общественной жизни России. Именно с этих позиций она и оценивала поэзию молодого Маяковского, уловив, что поэт присягает искусству действительному и активному.

Знаменательно, что в последних строчках тридцатилетней Ларисы Рейснер упоминается и Маяковский. С юности она оценила мужественную музу Поэта, веря в ее будущее.

Слова ее — «никто не оскорбит Поэта этикеткой и номером литературного Архива» — оказались пророческими. Поэзия Маяковского вне времени, вне забвения. Она нетленна.

²³ Л. Рейснер. Избранное. М., 1965, с. 503.

ХРОНИКА

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Мерани» выпустило в свет сборник грузинских народных баллад, охотничьих песен и лирических стихотворений «Физлики на горе» в переводе поэта Яна Гольцмана.

Книга богато иллюстрирована рисунками — известного

грузинского художника Ладю Гудиашвили.

Редактор и автор предисловия этого прекрасно изданного сборника известный советский поэт Евгений Евтушенко.

Книга позволит русскому читателю глубже познакомиться с ярким и самобытным жанром грузинского народного поэтического творчества.

НА СТЫКЕ двух столетий вслна массового студенческого движения круто поднималась вверх. 23 февраля 1901 года в Московском университете проводилась политическая сходка. Она уже заканчивалась, когда здание университета было окружено полицией и солдатами. Студентам не дали разойтись, их оттеснили и заперли в Манеже. Двое суток они находились без пищи, на холоде. В ночь на 26 февраля, под угрозой применения силы, их переправили из Манежа в Бутырскую тюрьму.

В числе студентов, оказавшихся за тюремными воротами, был Всеволод Александрович Васильев, заканчивавший славяно-русское отделение историко-филологического факультета.

Февральские события запомнились ему на всю жизнь, но мог ли он тогда подумать, что всего через четыре года ему доведется в далеком губернском городе Кутаисе во время разгона казаками демонстрантов заступиться за гимназистов, среди которых будут и его ученики?! И уж никак не мог бы он предположить, что один из его учеников — Владимир Маяковский — еще через четыре года, в 1909-м, окажется в одиночной камере

Г. БЕБУТОВ

УЧИТЕЛЬ

Бутырской тюрьмы, того самого пересыльного «центра», в котором он сам очутился, еще будучи студентом.

31 мая 1903 года Всеволоду Васильеву было выдано временное свидетельство об окончании университета, и только в феврале 1905 года его диплом был переслан через Кавказский учебный округ в Кутаис, где он находился с женой и грудным ребенком.

Ему было 23 года, когда началась его педагогическая деятельность: он преподавал с 1903 года в первом параллельном классе Кутаисской мужской классической гимназии русский язык и историю.

«Удачно или нет, судить не мне, но им я отдал свой первый опыт и любовь к делу, — писал мне Всеволод Александрович о своих кутаисских учениках уже в наше время, будучи профессором Пятигорского педагогического института. — Вот почему я их помню, хотя прошло уже свыше сорока лет с тех пор, как я с ними расстался».

В Кутаисе В. Васильев пробыл по август 1905 года, когда был переведен в Тифлисскую 3-ю мужскую гимназию.

Мысленно переносясь в нынешний Кутаиси, в классы бывшей гимназии, он отмечал в письме: «Молодость, первые

◆

Учащиеся первого (параллельного) класса Кутаисской гимназии с преподавателем В. А. Васильевым. 1903 год.

* * *

Третий слева на этой фотографии в первом ряду — десятилетний Володя Маяковский.

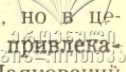

◆

годы работы, порывы, искания, надежды — все там. Помню прекрасно не только преподавателей, но и учеников, товарищей Маяковского». И еще признание: «Вы всколыхнули во мне далекое, далекое светлое прошлое».

Наша переписка возникла в конце сороковых годов в связи с моей работой над книгой об ученических годах Владимира Маяковского, протекавших сначала в Кутаисской, а затем в Московской пятой гимназии.

Всеволод Александрович, как я в этом вскоре убедился, ясно помнил своих кутаисских учеников и перечислил их в письме, по учительской привычке, по алфавиту. «Амашукели (маленький, тихий, учившийся с напряжением), Бежанейшвили (голубоглазый, веселый, жизнерадостный), Гванцеладзе (похожий характером на Бежанейшвили), Гигнадзе (вспыльчивый, самолюбивый до чрезвычайности), Гаврилов (тихий, самоуглубленный), Жгенти (способный, но ленивый, живой как ртуть, незлобно-шаловливый), Кобахидзе Иван (настойчивый, сдержанный), Кобахидзе Григорий (по характеру противоположный Ивану), Демьянович (скромный, прилежный, хорошо учивший-

ся) и пр. и пр. Возможно, кое в чем я и ошибаюсь, но в целом помню. Меня, тогда начинающего педагога, они привлекали все, такие разнообразные, живые, растущие! Маяковский выделялся своей не по летам солидностью, «собранностью», сосредоточенной внутренней жизнью».

В архиве Кутаисской гимназии мне встретилось сообщение, сделанное В. А. Васильевым в конце 1903 года на заседании педагогического совета: «Поведение учеников в течение второй четверти было хорошее: проступки носили характер детских шалостей. Я старался чаще бывать с учениками; на переменах по большей части находился возле своего класса. Старался путем предупреждения удерживать учеников от совершения предосудительных поступков. К наказаниям приходилось прибегать в очень редких случаях. Обычно наказание ограничивалось внушением и объяснением неблагоприятности совершенного поступка».

Сколько в этих строках учителя педагогического такта, чуткости, сколько гуманности, любви к детям! Позиция В. А. Васильева, как и некоторых других учителей, шла в разрез с позицией большинства членов педагогического совета, сторонников крутых мер, подавления живой инициативы молодежи. Это очень скоро почувствовал и понял Васильев, но продолжал оставаться верным своим принципам. В этом он не был одинок. В методах преподавания и воспитания многое сближало его с преподавателем старшего подготовительного класса Н. Н. Джомарджидзе, от которого перешел к нему в первый класс Владимир Маяковский, с учителем естествознания Г. Т. Пушкаревым. Они хорошо знали жизнь учащихся, радовались их успехам в учении, огорчались неудачами. Ученики отвечали им искренней любовью и привязанностью.

Поэтому с такой теплотой, озабоченностью спрашивал Всеволод Александрович в письме: «Где все они?.. Как мне хочется знать их личные судьбы. Сам Маяковский и все его товарищи по классу стоят передо мной как живые». И еще раз в письме: «Вы лично бывали в Кутаиси и, возможно, видели оставшихся в живых товарищей В. Маяковского».

Действительно, я встречался с одноклассниками Маяковского: с Аполлоном Месхи и Евгением Гванцеладзе в Кутаиси, с Георгием Гачечиладзе и Всеволодом Капанадзе в Тбилиси, списался с Виктором Демьяновичем и Николаем Шостаком, и все же основным питательным началом моей книги служили архивные материалы, события и факты тех лет.

«Вы находитесь в более благоприятном положении, чем я: в Вашем распоряжении архивы, документы, я же по-прежнему только своей личной памятью, — сетует в переписке В. А. Васильев, — у меня нет даже записей того времени. Внутреннюю же жизнь гимназии, ее учителей, учеников, как я уже писал Вам, нравы, быт гимназии я помню прекрасно».

Поместив в сборнике научных трудов Пятигорского педагогического института, изданном в 1948 году, свои воспоминания о Кутаисской гимназии, В. А. Васильев сожалеет, что статью пришлось писать исключительно по памяти. Состояние здоровья не позволило ему выехать летом в Кутаиси для ознакомления с архивом гимназии.

Я послал Васильеву мою вышедшую в 1946 году брошюру «Гимназические годы Владимира Маяковского», в которой были изложены первые архивные разыскания, и таким образом познакомил его с частью документального материала, но он не продолжил свои воспоминания, зато охотно и подробно отвечал на вопросы в возникшей переписке.

Например, меня заинтересовал вопрос о классной библиотеке, существовавшей помимо фундаментальной, общегимназической. Дело в том, что я нашел в архиве записи В. А. Васильева о выдаче книг ученику Владимиру Маяковскому, когда тот был во втором классе. Вот их перечень: «Паровой дом» Жюля Верна, «Американский пакетбот», «Шпион», «Пленники моря» Фенимора Купера, «Путешествие мальчика вокруг света» Смайльса, «Саардамский плотник» Фурмана и «Гаврюшкин плен» Немировича-Данченко. Естественно возник вопрос: как создавалась библиотека при классе, как производилась выдача книг?

Всеволод Александрович ответил: «Классная библиотека в классе Маяковского была мною организована, и книги выдавались ученикам мною же, как классным наставником. Обычно по поводу прочитанных книг с учениками велась беседа. Классные библиотеки были организованы не при всех классах».

В записке, поданной педагогическому совету, Васильев просил разрешить ему с 1904 года самому, как классному наставнику, ведать выдачей книг из библиотеки своего класса. Этот архивный документ лишний раз подтверждает, какое большое значение придавал педагог внеклассному чтению литературы.

Наблюдая, как постепенно расширяется кругозор гимназистов, Всеволод Александрович отметил в классном журнале: «Пробуждается страсть к чтению описаний дальних, малоизвестных стран, путешествий, фантастических приключений; интерес к ним сосредоточивается на внешней фабуле; нравственными заключениями, которые можно было вынести из прочитанных книг, пока интересуются мало и редкие ученики». К такому выводу можно было прийти только в результате систематического проведения бесед с юными читателями, углубленного обсуждения с ними прочитанных книг.

Эту тему В. А. Васильев затрагивает и в воспоминаниях, опубликованных в «Сборнике научных трудов» института: «Как учитель русского языка и классный наставник, я старался привить ученикам интерес к чтению; старался шире знакомить их с русской художественной классической литературой, с фольклором, с биографиями выдающихся деятелей, с описаниями путешествий, с доступными их возрасту историческими романами и другими произведениями. В результате ученики полюбили книгу. К числу таких учеников относился и Володя Маяковский, по своему общему развитию стоявший значительно выше огромного большинства своих товарищей».

Меня интересовал еще вопрос: по каким литературным хрестоматиям проводились занятия в классе, а также какое место занимала теория в общем курсе литературы? Я назвал ряд существовавших тогда учебников, Васильев ответил: «Маяковский во время пребывания в Кутаисской гимназии пользовался, насколько я помню, во 2-м и 1-м классах хрестоматией Мартыновского, составленной «объективистски», но выгодно отличавшейся от других хрестоматий того времени подбором литературно-художественных текстов, наличием в ней биографий писателей, подстрочных комментариев. Элементы формализма имели место и в ней. Сведения по теории литературы официально, опять-таки насколько мне помнится, давались в пятом классе; в последующие годы они пополнялись, а в восьмом классе проходилась по программе систематический курс теории литературы. Официально этому курсу особенно важного значения не придавалось».

Видимо, Всеволод Александрович все же интересовался творческими способностями учеников гимназии и поэтому писал в своих воспоминаниях: «Володя Маяковский в 1903—1905 годах не обнаруживал четко выявлявшейся творческой

силы. Припоминаю, что в 1904 году лишь один раз он обратился ко мне с маленьким стихотворением, прося прочесть его...»

На уроках В. А. Васильев, как вспоминали много лет спустя его ученики, умел завладеть вниманием всего класса. С увлечением слушали дети, когда он читал. Но, бывало, Всеволод Александрович передавал книгу кому-нибудь из учеников. Часто выбор останавливался на Маяковском, чьи способности в чтении обращали на себя внимание.

Долгое время исследователей смущала фраза в одном из анкетных ответов Маяковского: «Пробовал читать во втором классе на вечере «Размышления». Классный наставник Филатов не позволил». Но учителя Филатова в Кутаисской гимназии не было. В. А. Васильев, подтверждая это, высказал предположение, что «ответ Маяковского на анкету надо отнести ко времени пребывания его не во втором, а в четвертом классе гимназии». Это предположение оказалось правильным. Классный наставник Филатов, запретивший чтение стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда», работал в Московской пятой гимназии. Следовательно, в ответе Маяковского вместо «во втором классе» должно было быть «в четвертом классе».

Обсуждение фактов и событий в переписке с В. А. Васильевым продолжалось. На вопрос в связи со сходкой гимназистов, проведенной 2 февраля 1904 года нелегально за горедом, Васильев ответил: «С 1904 года я наблюдал, что Маяковский стал быстро развиваться и устанавливать связи со старшими товарищами. Вы спрашиваете о возможности участия Маяковского в сходке 2 февраля 1904 года. Числа я не помню, но об участии его в сходке учащихся старших классов я в своей статье пишу». Всеволод Александрович писал о другой сходке, проведенной в самой гимназии, и об участии в ней Маяковского.

Познакомив В. А. Васильева с одним особо интересным архивным материалом, в котором упоминался и он, я получил ответ: «Сообщение директора попечителю о грубом обращении стражников с учащимися во время демонстрации у бульвара в конце января 1905 года соответствует действительности. Верно также и то, что в это время находились там Г. Т. Пушкарев и я. Когда стражники, разгоняя демонстрацию, стали теснить лошаадьми и пускать в ход нагайки в отношении

гимназистов, мы вступились за них, и, после некоторых пререканий, добились освобождения учащихся».

Отвечая на вопрос о правах и обязанностях классных наставников при посещении квартир гимназистов, В. А. Васильев отметил, что инструкция такая была составлена в общих выражениях и не содержала конкретных указаний. «Все зависело, — продолжал он, — от личности наставника. Я уже писал в своей статье, что гимназисты встречали у себя дома посещающих классных наставников двояко. Одну группу учителей ученики встречали радостно; другую — со страхом и враждебностью. Первые шли на квартиры с целью познакомиться с родителями, помочь своими советами в деле воспитания детей, поближе узнать ученика, сойтись с ним в домашней обстановке, выяснить материальное положение гимназистов, их нужды, чем можно помочь. И гимназисты зывали к себе таких наставников, радовались посещениям. Вторые шли «жаловаться» родителям на учеников, озлобляли и детей и родителей, грозили увольнением, карцером и тому подобным, рекомендовали родителям бить детей, отыскивали «запрещенные» книги...» В. А. Васильев подробно охарактеризовал почти весь состав учителей гимназии, резко делившийся на два лагеря.

Просматривая архивные материалы о тревожных буднях гимназии, я обратил внимание на характерное явление: в самый критический для администрации период, когда учащиеся полностью вышли из «повиновения», директор гимназии направил в Тифлис для переговоров с попечителем учебного округа не отъявленных реакционеров из учительского состава, а педагогов, наиболее пользующихся уважением и любовью учащихся, — П. И. Дгебуадзе и В. А. Васильева. Это было прямой уступкой гимназистам.

Я попросил Всеволода Александровича рассказать об этой поездке. Он ответил: «Я и Дгебуадзе, несомненно авторитетный среди учащихся, в беседе с попечителем обрисовали положение дел в гимназии и, помнится, указали, что репрессии дела не решат. После беседы попечителем округа был направлен в Кутаис для урегулирования вопросов один из самых культурных и мягких окружных инспекторов Л. Г. Лопатинский». Но, конечно, никакое инспектирование, и это хорошо понимал и сам Васильев, не могло решить вопросы, ибо волнения в гимназии не были изолированным явлением в общем русле революционных событий 1905 года.

Из наиболее важных вопросов один я не успел задать В. А. Васильеву: почему столь кратковременным было его пребывание в Кутаисской гимназии? Всего два учебных года. Но я попытаюсь объяснить это простым изложением некоторых событий и ситуаций. Накануне приезда Васильева в Кутаис учебный округ переводит одного из немногих передовых учителей-словесников — Николая Александровича Ильинского, пробывшего в Кутаисской гимназии всего три года, в Тифлисскую первую мужскую гимназию. В 1904 году покидает Кутаисскую гимназию Николай Николаевич Джомарджидзе — учитель передовых взглядов, а в августе 1905 года переводят в Тифлисскую 3-ю мужскую гимназию В. А. Васильева. Простое ли это перемещение передовых учителей, просто ли покидают учителя гимназию, доставлявшую столько хлопот учебному округу?.. Попечитель округа, сообщая в министерство о росте революционных настроений среди учащихся, добавил: «И в среде педагогов не без уклонов от тех взглядов, которых придерживается правительство». Это было прямым признанием того, что «учительская корпорация» разделилась на две, хотя численно не одинаковые, группы. Попечитель Завадский проговорился в донесении министру, что за последние два года он принимал меры «к постепенной замене ослабевших в своей энергии педагогов сильными, более крепкими и деятельными». Нетрудно догадаться, что подразумевал царский служака под этими определениями, принимая меры к переводу учителей из одной гимназии в другую. Но логика времени была сильнее этих ухищрений.

Жизненный и трудовой путь В. А. Васильева завершился в его родном Ставропольском крае. Умудренный учительским опытом, он становится в наше время профессором Пятигорского педагогического института, награждается орденом Ленина.

В нашей переписке последнее письмо от Всеволода Александровича датировано концом апреля 1963 года. Он благодарил за посланную ему мною книгу «Гимназия», обобщившую кутаисский и московский периоды учения Маяковского.

Умер В. А. Васильев 25 февраля 1964 года в Ставрополе.

Писатель Николай Атаров, воспитанник Всеволода Александровича, окончивший Пятигорский институт, написал очерк

о своей встрече с любимым учителем в 1962 году в этом очерке такие строки:

«...С утра профессор поставил перед собой трудную задачу: разыскать в горах книг, потревоженных ремонтом, одну старинную фотографию. Она воспроизведена в книге Г. Бебутова «Ученические годы Владимира Маяковского». Четыре десятка напряженно серьезных детских лиц и молодой учитель с бородкой в форменной фуражке и в вицмундире; это первый параллельный класс Кутаисской мужской гимназии 1903 года. А знаменит снимок тем, что на нем Маяковский в возрасте десяти лет. Вот он сидит, третий слева в первом ряду. Руку зацепил указательным пальцем за пуговку тужурки на груди, чья-то фуражка из заднего ряда лежит на плече... Из Москвы, из Тбилиси, даже из Малоярославца историки литературы, биографы, начинающие писатели донимают Васильева просьбой перенумеровать всех на этом снимке, а он давно это сделал, список — на обороте.

— Куда он подевался, окаянный.. — поругивается Всеволод Александрович. Стоя на стуле с толстым фолиантом в руке, он дает себе отдых и шутя выхваляется передо мной своей феноменальной памятью. — Я-то их всех помню. Хотите, Коля, буду называть по рядам, как они расселись, а хотите — по алфавиту?.. По алфавиту? Извольте — Амашукели, Бежанейшвили, Демьянович...»

Точно так, как в письме ко мне, демонстрируя свою память, В. А. Васильев перечислял своих учеников. Но дело здесь, мне кажется, не только в феноменальной памяти. Молодой учитель, только что начавший преподавать и всей душой полюбивший избранное поприще, стремился духовно сблизиться со своими воспитанниками, а такое не забывается никогда. Всеволод Александрович Васильев прожил свою жизнь с памятью о всех, кого из поколения в поколение обучал и воспитывал.

¹ «Глядите: там, на третьей парте...» Газ. «Известия», 28 октября 1962 г.

ХАРАКТЕР отношений, сложившихся между нами в период моего пребывания у него в квартире на Таганке, в Гендриковом переулке в Москве, заставлял меня думать о нем прежде всего как о родном и близком человеке, славном Володе, а потом уже — о Владимире Владимировиче Маяковском — крупнейшем поэте эпохи.

В памяти моей он так и остался большим добрым ребенком, сохранившим до конца своих дней необычайную внутреннюю чистоту и поистине детскую непосредственность, хотя его могучий внешний облик всегда производил впечатление солидности, уверенности в себе, представительности. Меня неизменно покоряла в нем абсолютная неспособность быть недобрым, в чем-то жестоким, черствым, равнодушным. В нем жила постоянная готовность прийти на помощь, быть полезным, оказать добрую услугу.

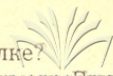
Шота МАНАГАДЗЕ

НА ТАГАНКЕ, В ГЕНДРИКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Этими воспоминаниями о В. Маяковском Шота Манагадзе — замечательный кинорежиссер, 80-летие которого недавно отметила грузинская общественность, — поделился лет пятнадцать назад.

Но при его жизни они опубликованы не были.

Как я попал в квартиру в Гендриковом переулке?

В 1927 году на Тбилисской киностудии Госкинопрома Грузии работала большая съемочная группа под руководством режиссера Л. В. Кулешова. Снимали фильм по сценарию С. М. Третьякова «Паровоз Б-1000». Тогда же в Тбилиси приехал В. Б. Шкловский, консультировавший наш сценарный отдел. В ту пору и возникли дружеские творческие связи группы молодых грузинских кинематографистов с Кулешовым, Третьяковым, Шкловским, а через них и с В. В. Маяковским.

В. Б. Шкловский более месяца жил у меня дома. Благодаря его чуткому отношению ко мне и состоялся мой переезд в Москву. Остановился я у Шкловских, ибо не мог устоять перед натиском их гостеприимства, хотя жили они очень тесно, в маленькой комнатке на Арбате на седьмом этаже. Я все время испытывал неловкость оттого, что стесняю эту семью, и вскоре убедил всех, что, перебравшись на чердак, находившийся непосредственно над комнатой Шкловских, буду чувствовать себя достаточно уютно и свободно.

Как-то к Шкловским зашла Лиля Юрьевна Брик и услышала, как с чердака доносится долгий хриплый кашель — я был сильно простужен. Она заинтересовалась тем, что происходит на чердаке, и тут же настояла, чтобы я немедленно перебрался к ним, поскольку в квартире пустует комната Маяковского, который в ту пору был в отъезде. По возвращении Маяковского я стал немедленно готовиться к переезду, но он не позволил мне уйти, потребовал, чтобы я остался.

Правда, знакомство мое с поэтом состоялось еще в Тифлисе, до моей поездки в Москву. Но это было только знакомство...

В тот вечер мы сидели в кафе на проспекте Руставели. Нас было четверо — неразлучная компания молодых людей, входивших в группировку литературной молодежи под названием Н₂SO₄ — Симон Чиковани, Николай Шенгелая, Жанго Гогоберидзе и я. Мы были озабочены тем, как сорвать литературный вечер враждующей с нами группировки (по молодости и неопытности раздоры между расцветшими пышным цветом литературными группками, противопоставлявшими себя друг другу, стремление доставить «идейным» противникам как можно больше неприятностей считались главным методом «идеологической» борьбы).

В кафе в сопровождении нескольких грузинских поэтов вошел Маяковский, находившийся тогда в Тифлисе. Симона

Чиковани и Николая Шенгелая он уже хорошо знал и, уви-
дев их, сразу направился к нашему столику. Побеседовав
нами, Маяковский спросил:

— Вы можете объяснить, почему вы называетесь H_2SO_4 ?
Ведь это формула серной кислоты.

— Серная кислота все жжет и разъедает, — ответили мы.

— По-моему, она еще и очень дурно пахнет. Так что узнайте навсрянка и не окажитесь в смешном положении.

Я знал о том, что Маяковский любовно относится к своей родине — Грузии, говорит по-грузински. Но до какой степени эта привязанность была сильной и нежной, я понял только в ту пору.

Возможно, первым душевным движением Маяковского, заставившим оставить меня жить в Гендриковом переулке по возвращении из-за границы, было желание общаться с земляком. Говорили мы между собой чаще всего по-грузински. У него был специфический кутаисский выговор, да и обороты речи, шутки, манера строить фразу были тоже чисто кутаисскими. Меня всегда поражало, что язык он знал во всех его тонкостях, а когда я узнал, что почти совсем позабытый с детства язык он восстанавливал в памяти уже в зрелые годы, то проникся к нему особым уважением и понял, насколько это все у него серьезно.

Он знал грузинскую поэзию, любил обращаться к ее образам.

Никогда не забуду я, как однажды он полдня упорно твердил по-грузински строфу из Важа Пшавела и все время восторженно приговаривал:

— **Что за образ, черт возьми, ты только подумай, какой образ! Какое поклонение женщине! Сначала женщина, а потом — солнечный луч, вознести ее выше солнца!** — И снова, и снова повторял полюбившиеся ему строки.

Он восхищался возможностями аллитерации в грузинской поэтике. «По-русски так не получится», — говорил он.

Однажды мы дали друг другу слово, что бросаем курить. Через несколько дней после этой клятвы я обнаружил, что Маяковский нарушил ее. В комнате явно ощущался запах табачного дыма. Я начал взывать к его совести, недоумевая, что такой человек, который все время кичится сво-

ей силой и выдержкой, не сумел проявить их при первом испытании, не устоял перед соблазном, не сдержал слова. И тогда, прервав поток моих обвинений, он заявил мне

სხე ვიყავ მე, როგორც ეხლა შენ,
სხე გნახავ შენ, როგორც ეხლა მე.

Я был таким, каким был ты,

И я увижу тебя таким, какой я сейчас.

Я был сражен тем, что услышал от него эту грузинскую поговорку.

Когда Маяковского приглашали к кому-нибудь в гости, он уговаривал меня идти вместе с ним. И одной из его шуток было представлять меня то врачом, то ученым-физиком, то поэтом, в зависимости от того, с кем приходилось общаться. Когда я с обидой спросил, зачем он это делает, он ответил — жду, когда наконец кто-нибудь заговорит с тобой на языке своей профессии. Хочу понаблюдать, как ты будешь выходить из положения.

К моему удовольствию такого случая так и не возникло. Все внимание людей обычно сосредоточивалось на Маяковском, каждый старался сделать его своим собеседником, и я сейчас же выпадал из общего поля зрения.

Однажды мы потихоньку оставили один гостеприимный дом и поторопились к себе. Маяковский был утомлен, хотел поскорей попасть домой и отдохнуть. Был очень морозный вечер, мы наняли лихача. Вдруг на полпути к дому он воскликнул: — Как же я забыл! Я ведь обещал старику! Нет-нет, я не могу обмануть! — И попросил извозчика повернуть к Малому театру. На мои расспросы и недоумение он никак не реагировал, возбужденный какими-то внезапно возникшими делами. У входа в Малый театр стояла огромная толпа, бросавшаяся к каждому вновь появившемуся с традиционным вопросом: нет ли лишнего билетика?

Рассчитывать на то, что удастся найти в такой момент кого-нибудь из администрации театра, не приходилось. И вообще попытка проникнуть внутрь показалась мне совершенно бессмысленной.

И вдруг я вижу — толпа, как загипнотизированная, расступается перед Маяковским, расчищается дорожка к театральному подъезду, по которой величественно шествует поэт. Следом тороплюсь пробиться и я. То ли вступает в силу популярность поэта, то ли магически действуют его огромный

рост и могучая фигура, но он, как Гулливер, возвышаясь над всеми, пользуясь всеобщим любопытством и удивлением, прокладывая себе путь в толпе.

Мы подошли к самым дверям. Билетерша, взглянув на него и тоже не проронив ни слова, пропустила его в фойе. Меня она задержала и потребовала билет. Я растерялся, потому что даже не знал, как объяснить свое появление в дверях без всякого к тому основания. Вдруг из фойе раздался громовой голос Маяковского, обернувшегося на секунду к входу:

— Он со мной!

Меня тотчас же пропустили, а Маяковский продолжал шествовать в зал, не сомневаясь в том, что его слова возымели действие.

Шла премьера пьесы А. В. Луначарского «Бархат и лохмотья». Н. Розенель — в главной роли. Маяковский с особой теплотой и большим уважением относился к нарккому просвещения, хотя на многое их точки зрения не совпадали, по целому ряду вопросов они жарко спорили. Но оба любили и понимали юмор, их встречи и беседы сопровождались веселой пикировкой.

Мы благополучно посмотрели спектакль, по окончании которого были приглашены на банкет в «Метрополь». Я не хотел идти, сопротивлялся, но Маяковский, как всегда, настаивал на своем.

Ни пьеса, ни спектакль не вызывали у меня особых восторгов, но, естественно, банкет проходил в беспрестанном словословии и восхвалении автора пьесы и исполнительницы главной роли. Тогда Маяковский произнес свой экспромт:

Нарком, собирая рублики,
Имел такую цель:
Подать лохмотья публике,
А бархат — Розенель.

Все были шокированы, а Луначарский и Розенель отнеслись к экспромту очень весело, с юмором.

И еще я вспоминаю, как на одном из вечеров Маяковского по обыкновению выслушав всех своих оппонентов и записав, чтобы не забыть, тех, кому предстоит ответить, ринулся в бой. В тот вечер он произнес, обращаясь к Шен-

гели, свое знаменитое: «Профессор, снимите очки-вело-сипед...»

А. В. Луначарский тогда упрекал Маяковского **что он разменивает себя на рекламу, что автор замечательнейшей поэмы «Облако в штанах» не вправе выступать со строчками: «Нигде кроме, как в Моссельпроме».**

Ответив всем своим оппонентам, Маяковский заглядывает в листок и говорит: — Остался Луначарский!

Исёт широко раскидывает в стороны руки, ноги — расставлены и он будто заполняет собой всю сцену. Голос его грохочет.

— Представьте себе, товарищи, в Москве случился пожар! Горит дом, огромный, новый многоэтажный дом, в который вложены большие государственные средства. Со всех концов Москвы съезжаются пожарные машины. Но пожарные сидят спокойно в машинах и пожар не тушат. Народ шумит. Народ волнуется: горит народное добро!!! Почему не принимаете мер?! Главный брандмейстер города Москвы просит тишины и объясняет: «Мы ждем товарища Луначарского, он должен приехать, прочесть лекцию и тогда мы приступим к выполнению своих обязанностей».

Весь зал взорвался аплодисментами, топотом, громким смехом.

До слез смеялся и сам Луначарский, сидевший в первом ряду. Срывающимся от смеха тонким тенорком он закричал: — Маяковский! Дерзко, но остроумно!

Этот выпад Маяковского, мне кажется, необходимо прокомментировать. В тот период ни одно зрелищное мероприятие, ни один спектакль или литературный вечер не обходились без вступительного слова известных руководящих товарищей. Выступления эти по своей теме не имели прямого отношения к тому, что должно было произойти после поднятия занавеса. Обычно агитировали за человека новой формации, за новый быт. И, конечно, на долю Луначарского выпадало огромное количество таких выступлений. Палка была настолько перегнута, что эти вступительные слова начали раздражать зрителей; приходишь уставший после трудного рабочего дня в театр, хочешь посмотреть спектакль, а тебя долго потчуют воспитательной жвачкой.

К 10 часам утра я уходил из дому — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой самодисциплиной. Работал он непрерывно 3—4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но и она приносила поэту большое моральное удовлетворение.

1929 год был очень трудным в жизни поэта.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с боем отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

И потому таким мучительным был для него переход в ВАПП, расформирование ЛЕФовской группы, закрытие журнала. Он вдруг оказался будто вне поля зрения общественности. Вокруг его имени перестали бурлить страсти, скрепчиваться шпаги критики в печати и в устных дискуссиях.

Гигантскую фигуру, возвышающуюся над всем и вся, словно никто не замечал. Это было для человека такого мощного калибра, как Маяковский, мучительным испытанием.

О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячка последних приготовлений перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Бенито Буачидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

— Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

Помню, как я долго и бессмысленно открывал и закрывал дверцу какого-то шкафчика. Я уже больше не мог ни на чем сосредоточиться, но и ни на секунду не мог отрешиться от этого страшного сообщения. И тогда я впервые нарушил слово, данное когда-то другу, — я закурил.

Записала Л. БРАЙЛОВСКАЯ

«...Я ВСПОМИНАЮ ИХ, КАК СЧАСТЬЕ»

СТРОКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЭТО БЫЛО еще в начале девятисотых годов. Наша семья жила в Кутаиси, где отец Малакий Несторович работал преподавателем городского училища, а мы — пятеро детей — учились: старшие (я с братом-близнецом) — в реальном училище, младшие — в мужской гимназии.

Училище находилось в части города, расположенной на правом берегу Риони. И квартировали мы недалеко от него, а потому по дороге в школу и обратно часто встречали детей Маяковских — маленького Володю и его старшую сестру Олю, которые также жили недалеко отсюда, на Гегутской улице. Младшие братья мои Валериан и Александр (последний — ровесник Володи Маяковского) также ходили в гимназию, причем Александр был, насколько помнится, в одном классе с ним, хотя в группе гимназистов первого класса, сфотографированной в 1903 году, моего брата нет. Для выяснения этого обстоятельства я обратился к проживающему в Москве однокласснику В. В. Маяковского и одновременно товарищу моих младших братьев по той же гимназии Г. Н. Бежанейшвили, который ответил мне, что они были в разных группах, или, как тогда говорили, в параллельных классах, однако помнит, что и Александр, и Валериан, приехав в Москву поступать в университет (1913 — 1914 гг.), ходили вместе с ним (Г. Н. Бежанейшвили) в гости к своему бывшему товарищу по Кутаисской гимназии Володе Маяковскому.

Путь в гимназию дети Маяковских всегда совершали в обществе сверстников и выгодно отличались от них чистотой и аккуратностью своей форменной гимназической одежды, носить которую в те времена было обязательно.

Ходили дети, помню, большей частью «ватагой» и разговор у них шел всегда шумный и оживленный, чаще всего на

грузинском языке, и хотя мой брат Саша был активный маль-
чуган, Володя Маяковский среди них казался все же актив-
нее и живее.

Я с братом своим Григорием учился в то время в стар-
ших классах, но в гимназию мы ходили вместе с младшими
братьями в обществе детей Маяковских. На Белом мосту,
который нам приходилось переходить, обычно все, в том чис-
ле и Володя, останавливались и сквозь перила смотрели на
игру волн бурлящего Риони. Если же это бывало в теплую
пору, то нас трудно было оторвать от зрелища прыжков в
воду с перил моста искушенных пловцов.

Володя Маяковский, помню, был крупнее своих сверстни-
ков и приметнее среди них, особенно своими большими ум-
ными глазами.

Знали мы и отца Маяковских. Это был рослый, богатыр-
ского сложения человек с очень симпатичным лицом. Хотя
по долгу службы он жил в лесничестве недалеко от Кутаиси,
но посещал семью в городе довольно часто. Здесь он дружил
с соседями и среди них и с моим отцом. Обменивался с ними
мыслями и последними сведениями из газет, которых в те вре-
мена — сравнительно с теперешним обилием — было мало. Но
тогда шла война с Японией, чувствовалось какое-то глухое
брожение в толщах народа.

В 1905 году в связи с переводом отца инспектором го-
родского училища в Эриванскую губернию мы, дети, перешли
на жительство в левобережный район, но Маяковских встре-
чать приходилось все же часто. Кутаиси в те времена был
маленьким городом с преобладанием одноэтажных домов-особ-
няков из белого камня, утопавших в зелени фруктовых са-
дов. Так что знакомые виделись почти ежедневно — или у
городского сада, или у театра.

Встречались мы и с Маяковским, но большею частью на
демонстрациях учащихся, когда ученики и ученицы средних
учебных заведений города, в том числе и мы — реалисты,
объявляли забастовку и часто выходили на улицы с пением
революционных песен. К нашим рядам присоединялись де-
монстранты из женской гимназии, среди которых своей вы-
сокой складной фигурой выделялась активная и смелая Оля
Маяковская. Потом все вместе двигались с шумным задором
и с пением «Марсельезы» и других зажигающих наши
юношеские души революционных песен к городскому саду.
Там нас поджидали демонстранты из мужской гимназии, и

среди них неизменно Володя Маяковский, а с ним его товарищи и мой младший брат Саша, впоследствии студент Московского университета, работавший в последнее время в московской адвокатуре.

Хорошо припоминаю, что Владимир Маяковский, несмотря на то, что был в младших классах, всегда держался со старшими и порывался петь революционные песни, был энергичнее и смелее других.

В городском театре он любил сидеть со своими и особенно с сестрой Олей на спектаклях любимца публики — известного артиста Ладо Месхишвили, подогревавшего своими революционными постановками «Ткачей» Зудермана, «Жиль Блаза» Гюго, «Кая Гракха» Т. Монти и других пыл революционной молодежи. Володя выглядел в театре не по летам серьезным и было видно, что пьесы, шедшие на грузинском языке, слушал не только с большим вниманием и интересом, но и с воодушевлением.

Таково было мое первое впечатление об этом милом мальчике из соседской семьи, товарище по гимназии моих младших братьев — впоследствии Владимире Владимировиче Маяковском, великом русском советском поэте.

...Когда я теперь открываю частенько любимые свои книжки и в том числе «Пережитое» Л. В. Маяковской, где на форзаце бисерным почерком Людмилы Владимировны начертаны слова: «Дорогому другу нашей семьи со студенческих лет Ладо Джапаридзе небольшой кусок этой жизни в моем описании», то мысленно переносюсь в те далекие годы, обращение к которым для меня, как счастье, и тогда с благодарностью вспоминаю этих наших добрых друзей-земляков, благородные качества их души, к которым я отношусь и знание грузинского языка.

А в семье Маяковских довольно хорошо говорили по-грузински. Особенно Володя. Вероятно, он усвоил наш язык еще с детства, играя в Багдади с сельскими ребяташками, беседуя с объездчиками и местными крестьянами или бывая с отцом в его поездках по лесничеству. Когда в Кутаиси во время учебы в гимназии я слышал его грузинскую речь, меня поражала чистота произношения.

И впоследствии он любил обращаться к этому языку. Даже находясь вне Грузии, в Москве, пользовался им то в конспиративных целях в революционной работе с грузинскими товарищами В. В. Канделаки, И. И. Морчадзе и другими, то напевал в часы досуга и детских воспоминаний любимые арии

на грузинском языке вроде «Мхолод шен эртс» («Тебе охной») и других. Даже будучи в Америке, как говорят, не преминул использовать свое знание этого языка, выступая в одной из многочисленных аудиторий в Чикаго в 1925 году. На одну из брошенных ему из аудитории реплик, которую он, как рассказывают, не расслышал или не понял, Маяковский ответил скороговоркой на грузинском языке к немалому удивлению случайно оказавшихся там грузин. На их вопрос, откуда он, поэт через весь зал крикнул своим зычным голосом: «Багдадели вар!» («Из Багдади я!»).

Своим прекрасным бархатистым баритоном (с таким голосом можно было бы стать, наверное, первоклассным певцом) Маяковский часто декламировал на грузинском языке любимое им с детства боевое четверостишие из известного стихотворения революционного характера «Мегибребо» («Друзья»): Написанное в период подготовки революции 1905 года поэтом И. Евдошвили, оно было очень популярно в ту пору в революционных кругах и звучало как призыв к действию, к оружию. Своим обращением к друзьям «Мегибребо» чем-то напоминает известное стихотворение А. Плещеева «Вперед без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья!»...

Как я уже говорил выше, В. В. Маяковский настолько любил напевать на грузинском языке романс «Мхолод шен эртс», что слова и фразы из него очень искусно вплел в свой нашумевший в среде грузинской молодежи экспромт, с которым обратился к популярному в то время в Грузии артисту Валериану Гуния в бытность его в Баку в 1927 году. Экспромт этот был помещен в одном из номеров грузинской литературной газеты «Салитературо газети» (от 31. X. 1933 г.) и вызвал восторженные отклики грузинских читателей.

Трудно удержаться, чтобы не процитировать здесь **все** стихотворение, но ограничусь лишь его последними строками:

Спасибо всем за хлеб, за соль,
За радость встречи, слова и речи!
Грузин я знал чуть не с пеленок —
Гвиноса вклапав¹, как теленок.
Вегар даматробт, имеди ну гаквт,
Аба давлиот ахла брудершафт².

¹ Вино глотаю.

² Не сумеете меня напоить, не надейтесь напрасно! А ну, выпьем теперь на брудершафт.

Я остановился на знании в семье Маяковских грузинского языка больше всего потому, чтоб сказать, что это одна из многих ее благороднейших черт. Знание языка народа, который ты любишь, с которым живешь и растешь духовно, на мой взгляд, служит доказательством высокой культуры, большого мира духовных потребностей этой семьи и ее человеческого обаяния.

Кроме этого общего аргумента у меня имелся тогда еще и свой собственный, так сказать, «эмоциональный».

Теперь, когда в нашей стране каждой нации в равной мере предоставлены неограниченные возможности свободного развития своих творческих сил, конечно, этого аргумента быть уже не может, и того моего чувства уже не понять. Но в те далекие времена тяжелого царского режима мне, как представителю малой нации, с детства испытывавшему обиду за свой лишенный в то время гражданских прав язык, очень льстило, что есть русские люди в лице семьи Маяковских и подобных им, которые не в пример некоторым своим собратьям тепло относятся к моему языку, уважают его и знают, что на этом языке, имеющем многовековую давность, говорит народ, пронесший свою историю и культуру сквозь тьму веков и мрачное прошлое.

Это особенно радовало меня и всегда доставляло редкие минуты истинного удовлетворения.

...В последний раз я видел В. В. Маяковского в Тбилиси (мог ли я подумать когда-либо, что это — в последний раз, ибо он моложе меня на шесть с лишним лет?..). Кажется, это было в 1929 году. Лето. Я заметил его издали. Он шел один, довольно торопливо, размашистым шагом по проспекту Руставели со стороны нынешней площади Ленина и был на целую голову выше остальных прохожих, резко выделяясь на их фоне.

Я всегда с восторгом смотрел на его могучую фигуру и выразительное лицо. Но в тот момент, после долгих лет разлуки, он показался мне еще значительнее и красивее в своем коричневом костюме и широкополой шляпе, слегка наклоненной набекрень.

Таким и запечатлелся в моей памяти навсегда его чеканный образ.

НЕСКОЛЬКО лет назад я отдыхал в Зекари — красивейшем курорте Маяковского района Грузии. Среди отдыхающих находились и оказавшиеся весьма интересными собеседниками коренные жители местных сел, близко знавшие старшего лесничего Багдади Владимира Константиновича Маяковского.

Это были 107-летний Михаил Гугуцидзе, 85-летний Варлам Гвалия, 84-летний Максим Саханберидзе и другие колхозники, чьи рассказы об отце Владимира Маяковского я и записал, с тем чтобы в главных чертах ознакомить с ними читателей.

Помимо основных обязанностей, Владимир Константинович, хорошо знавший сельское хозяйство, в частности растениеводство, занимался выведением новых сортов растений и распространением их среди населения.

Придавая огромное значение развитию системы орошения, вместе со своим другом — известным агрономом В. А. Старосельским, он являлся не только одним из первых инициаторов проведения действующего по сей день оросительного канала в Дими-Рокити, но и активным участником его строительства.

Владимир Константинович делился с крестьянами своими

Аполлон НУЦУБИДЗЕ

БАГДАДСКИЙ ЛЕСНИЧИЙ

◆
СО СЛОВ СТАРЫХ
КОЛХОЗНИКОВ
◆

знаниями по агрономии, изучал средства для борьбы с филлоксерой, технику прививки дикой виноградной лозы на культурную, с тем чтобы распространять ее среди виноградарей.

Однажды пришло сообщение, что брат императора — Михаил, направлявшийся в Абастумани на лечение, проездом будет в Багдади. Организацию торжественной встречи возложили на В. К. Маяковского, который оказался в затруднительном положении. Он, правда, владел разговорным грузинским языком, но не настолько, чтобы подготовить крестьянскую массу, не владевшую русским, ко встрече с великим князем. Готовясь к торжествам, Владимир Константинович, оказывается, часто восклицал: «Будь проклят этот царь со своим братом Михаилом!». И напротив, с какой радостью встречал он Максима Горького, который в 1903 году по абастуманской дороге пешком пришел в Багдади.

Владимир Константинович был атеистом, открыто ненавидел священников, церковь и не скрывал этого, что оказало определенное влияние на мировоззрение его сына, будущего поэта.

Он был чрезвычайно добр и отзывчив, в силу чего крестьяне часто обращались к нему за советом и помощью для урегулирования возникавших между ними конфликтов. И если к этому добавить безграничную верность делу и любовь к труду, внимание к населению и заботу о нем, будет понятно, почему здесь так любили и уважали Владимира Константиновича.

По его инициативе было организовано несколько сторожевых постов — на горном Зекари, в Зекарском совете, в виноградниках и т. д. Эти посты зимой обслуживали 3—4 лесника, летом же 7—8. Мои собеседники помнили даже имена и фамилии некоторых из них: Малакия Саханберидзе, Симон Сванидзе, Малакия Круашвили, Онисиме Дашниани, Василий и Петр Акенчовы. Георгий Деметрадзе и другие.

Защита леса считалась делом государственной важности. И лесные сторожа добросовестно выполняли возложенные на них обязанности — боролись с воровством, самовольной вырубкой леса, со взяточничеством. Память о них народ хранит и поныне.

Владимир Константинович лично проверял сторожевые посты. Накидывал, бывало, бурку (эта бурка находится в Доме-музее Маяковского в Багдади), садился на лошадь и отправлялся в путь. В Зекари и на другие участки леса приезжал иногда с сыном — семи-восьмилетним Володей. Позже поэт сам вспоминал об этом.

С большим вниманием отец следил за трудовым воспитанием маленького Володи. Он купил ему инструменты — детский

топорик, молоток, пилу и прочее. Мальчик, оказывается, заготавливал пиломатериал для детских игрушек. Эти инструменты и ныне хранятся в Доме-музее Маяковского.

Семья Маяковских жила довольно скромно, так как месячная зарплата старшего лесничего составляла тридцать рублей. В своих воспоминаниях жена Владимира Константиновича Александра Алексеевна Маяковская пишет, что в то время Багдади был глухой деревней и они, подобно другим жителям, оказались в тяжелом положении...

Нужда заставила Владимира Константиновича обратиться к дирекции Кутаисской классической гимназии с просьбой об освобождении от платы за учение Володи, но ему было отказано в этом.

Семья Маяковских была ограничена в средствах, и это подтверждается тем, что в день кончины отца в доме оказалось всего три рубля.

Видимо, бедственное положение этой семьи и обеспокоило тогдашнего лесного ревизора И. Кикодзе. 13 марта 1906 года он составил докладную записку в адрес Кутаисского управления государственным имуществом, содержащую просьбу о назначении семье Владимира Константиновича Маяковского максимальной пенсии.

Эта докладная записка была обнаружена в кутаисском Центральном государственном архиве совсем недавно и, как сообщил нам директор Дома-музея Маяковского Николай Кучухидзе, неизвестна большинству исследователей.

В докладной записке говорится:

«Багдадский лесничий, умерший в ночь с 19 на 20 февраля с. г., 16 лет безупречно прослужил на своем посту, оставив после себя 3-х детей и жену без всяких средств к жизни.

Отличаясь исполнительностью по службе, особенно физической силой и здоровьем, он постоянно ездил по лесничеству, вовремя оказываясь в тех местах, где возникал очаг опасности. Так, мне неоднократно приходилось быть свидетелем того, как он предупреждал лесные пожары, самовольные вырубki леса и т. д.

Много забот и труда положил он на устройство дорог на участках Багдадского лесничества.

Не щадил себя, ревностно исполнял служебные обязанности, и этим самым подрывал, подтачивал свое здоровье, что и

Аполлон Нуцубидзе. Багдадский лесничий.

послужило причиной его преждевременной смерти. Ему было 48 лет от роду, хотя поговаривают, что умер он от заражения крови, поранив палец иголкою, которою зашизал предназначенные для отправки по почте, иные же приписывали его преждевременную смерть тому нравственному и моральному ущербу, который понес он в период смут и преследования лиц, состоящих на государственной службе.

Будучи человеком щедрой души, покойный всегда был готов прийти на помощь крестьянам, в народе его любили и потому выбирали в багдадскую санитарную комиссию и комиссию по устройству школ.

Ввиду изложенного покорнейше прошу управление о своевременном возбуждении ходатайства о назначении семье гражданина В. К. Маяковского максимальной пенсии, так как, насколько мне известно, после его смерти семья осталась без средств к жизни. Старшая дочь обучается рисованию в Москве в Строгановском училище, меньшая — в Кутаисской женской гимназии, самый младший — сын — во 2-м классе Кутаисской классической гимназии, успехи в учебе каждого из них подают прекрасные надежды, однако если им не окажут своевременной материальной помощи, дети будут вынуждены прервать учение и скитаться в поисках подаяния».

Докладная записка ревизора лесничества Кикодзе и рассказы старожилов проливают свет на ту обстановку, в которой жил и воспитывался будущий поэт.

Известно, что Владимир Константинович лично знал многих крестьян Багдади и даже дружил с ними. И маленький Володя имел много друзей среди грузин. Это были его одноклассники и односельчане: Леван Кучухидзе, Георгий Гоксадзе, Аполлон Мехи, Симон Сванидзе, Алмасхан Пулариани, Наташа Шервашидзе, Евгений Кучухидзе и другие.

Однажды житель села Рохи Германе Гвалия со своим маленьким сыном Варламом возвращался пешком из Зекари домой. В пути их застал сильный дождь, было достаточно холодно. Они решили укрыться под балконом сторожевого поста лесничества Нергеети. Здесь собралось уже множество крестьян, перепачканных грязью, вымокших до нитки. Случайное укрытие плохо спасало от дождя.

На втором этаже дома находился кабинет главного лесничего. Внезапно дверь кабинета отворилась и на лестнице появился человек высокого роста с седыми усами и бородой. Он тепло поздоровался с крестьянами. Это был Владимир Константинович Маяковский.

Увидев забившегося в угол ребенка, он спросил:

— Чей он?

— Мой, — ответил ему Германе.

— Сейчас же подними его в мой кабинет, — приказал Владимир Константинович.

В кабинете между ними завязалась беседа, что не помешало, однако, Владимиру Константиновичу продолжать свою работу.

Его интересовали нужды крестьян и, услышав, что цены на лесоматериалы очень высоки и бедное крестьянство не в состоянии его приобрести, он на минуту задумался, тяжело вздохнул и сказал: «Да, я знаю об этом, очень жаль».

Тем временем ребенок обсох, дождь прекратился, Германе поблагодарил хозяина и продолжил свой путь. Через несколько дней Германе пришел к Владимиру Константиновичу и в знак благодарности за его сердечность преподнес ему литр домашней водки и несколько штук хачапури.

В дальнейшем Владимир Константинович и Германе часто встречались, но уже не как просто знакомые, а как друзья.

Однажды Германе отправился в горы за лесоматериалом. Путь его лежал мимо сторожевого поста в Нергеети. Владимир Константинович подарил ему несколько необычайно крупных помидоров. Таких крупных Германе никогда не видел и очень удивился, спросил, какого они сорта и происхождения.

— Это русские помидоры, — ответил Владимир Константинович, — растут у меня в огороде.

— А что мне делать с ними в лесу, не есть же сырыми. Использую их на семена, — скромно сказал Германе.

— Послушай, Германе, я даю тебе их на дорогу, вернешься домой, дам на семена другие, — сказал Владимир Константинович.

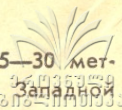
Делать было нечего, Германе «сдался», взял преподнесенные на дорогу помидоры, но не съел. Через несколько дней по возвращении он получил от Владимира Константиновича помидоры на семена, которыми поделился со своими ближайшими соседями.

Так получили здесь распространение так называемые «русские» сорта помидоров.

Возле дома Маяковских на берегу реки Ханисцкали росло «странное» дерево. Крестьяне в шутку говорили: «Растет вниз и вверх — к земле и к небу».

Аполлон Нуцубидзе. Багдадский лесничий.

Это была плакучая ива высотой приблизительно 25—30 метров. Родина ее Китай, отсюда она распространилась по Западной Азии, а в конце XIX столетия достигла наших мест. Но основная масса крестьян еще не видела плакучей ивы. Багдадские крестьяне впервые лицезрели ее во дворе дома Маякских.

Когда Владимир Константинович узнал, что крестьян интересует это «странное» дерево, он подробно рассказал им о нем.

Для большей наглядности отрезал длинную, гибкую ветку и обмотал вокруг пальца. Все удивились, что ветка не обломилась. «Это и есть основное качество этого дерева, — сказал Владимир Константинович. — Из него плетут красивые, легкие корзины. — И он показал им прекрасную корзинку, сплетенную его супругой Александрой Алексеевной. — А также делают разную мелкую плетеную посуду; кора и корни этого растения содержат дубильное вещество, а древесина его высоко ценится. Но, что главное, — сказал Владимир Константинович, — ветви этого дерева можно использовать для подвязки лозы.

— Распространить это дерево — дело не трудное, — заключил Владимир Константинович, — оно влаголюбивое; простая ветка, посаженная во влажную почву или вблизи реки, легко пускает корни и быстро растет, — объяснил он и от слов приступил к делу — срезал несколько веток и раздал крестьянам.

Ветки этого «странного» дерева привились в крестьянских дворах, и теперь плакучая ива у нас никого не удивляет.

Однажды крестьяне из Рохи и соседних с ним сел договорились привезти из Шавгеле лесоматериал для бытовых нужд и жилищного строительства. Германе Гвалия неожиданно заболел и не смог отправиться вместе со всеми. Решено было забрать с собой его маленького сына Варлама. В арбу запрягли буйволицу с буйволенком. Картина выглядела комичной. Буйволица тащила арбу, буйволенок беспомощно пытался поспеть за ней.

В Нергеети Владимир Константинович увидел маленького Варлама на этой арбе и, от души рассмеявшись, шуточно спросил его:

— Где твой отец Германе, как он позволил тебе ехать в Шавгеле, к тому же в такой арбе?

Когда ребенок ответил, что отец болен, а быков у них нет, чтобы запрячь в арбу, Владимир Константинович на минуту задумался, затем вызвал лесного сторожа Нико Ахаладзе и велел погрузить отобранные у браксньерсов бревна на арбу, добавив—

денег не брать. Маленький Варлам в тот же вечер вернулся к своей маме.

И этот факт ясно показывает, каким добрым, сердечным человеком был Владимир Константинович.

В те времена лес в Багдадском районе стоил очень дорого и случаи незаконного присвоения лесоматериалов, самовольных хищнических порубок леса были нередки. В частности, в половодье бревна сбрасывали в Ханисцкали и вылавливали их за сторожевым постом на краю деревни.

Однажды произошел случай, который взбудоражил всю округу.

Крестьяне села Дими Александр Орбеладзе и Амбако Брегадзе нагрузили арбу лесоматериалом, установили ее на высоком берегу Ханисцкали с тем, чтобы сбросить лес в воду, арбу накренили, но не удержали, и она вместе со всем содержимым полетела в реку.

Конечно, об этом стало известно и Владимиру Константиновичу. Он немедленно вызвал к себе виновных, началось следствие.

Выяснилось, что оба крестьянина очень нуждались и даже арба с быками принадлежала не им. Все ожидали, что виновные будут строго наказаны, может быть не избегнут и тюремного заключения, потому что Владимир Константинович послал докладную записку правительству.

Но оказалось, что он, описав случаи незаконных присвоений населением лесных материалов, назвал причиной этого высокие цены на лес и бедственное положение крестьян. В связи с этим Владимир Константинович возбудил ходатайство перед правительством о снижении цен на лесоматериал. Правительство удовлетворило его ходатайство, и цены были наполовину снижены. Результат не замедлил сказаться — случаи воровства стали реже.

Авторитет же Владимира Константиновича в глазах крестьян еще более возрос.

Вот о чем рассказали мне старейшие колхозники Багдадского района.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ Н. А. ЛАКОБА

Станислав ЛАКОБА

**«АБХАЗИЯ
БЫЛА
ЕГО
РАБОТОЙ»**

Он был народным любимцем, большим интернационалистом, а также незаурядным государственным деятелем нашей Родины, нашей республики. В течение пятнадцати лет Нестор Лакоба был первым и бессменным руководителем Советской Абхазии, стоял у руля социалистических преобразований в крае.

О его славных человеческих качествах многие писатели рассказывали в 20 — 30-х годах своим современникам, всей нашей стране. Можно сказать, впервые Нестора Лакоба всему Союзу «открыла» в 1923 году известная советская писательница и журналистка Зинаида Рихтер. «В Сухуме только в приемной Совнаркома можно получить представление о крестьянской самобытной Абхазии, — писала она. — К тов. Лакобе или, как его попросту крестьяне называют в глаза и за глаза, — к Нестору идут со всяким делом, минуя все инстанции, в уверенности, что он выслушает и рассудит. Предсовнаркома Абхазии т. Лакоба пользуется любовью крестьян и всего населения». Любовь к нему была безграничной, и потому в то время часто шутили, что «Абхазию следовало бы переименовать в Лакобистан».

В 1924 году в Москве вышла книга Зинаиды Рихтер «Кавказ наших дней», в которой четыре очерка — «В солнечной Абхазии», «Туземные скачки», «Патриархальный быт», «В горах» — посвящены нашему краю.

Вместе с Н. Лакоба, его братом Михаилом Аполлоновичем, драматургом Самсоном Чанба и историком Симоном Басария писательница побывала на скачках в Сухуме. «Говорят, что умные абхазские лошади, — восторженно сообщала она, — сами иногда хватают зубами обгоняющего всадника и сбрасывают его на землю. Достаточно услышать знакомый, подбадривающий голос, как усталая лошадь снова рвется вперед. Я следила за одним пожилым крестьянином, когда его лошадь стала уставать: из его глаз потекли слезы».

Специальный корреспондент газеты «Известия» Зинаида Рихтер побывала во всех уголках Абхазии, а затем в сопровождении милиционеров перешла через кишевший бандитами перевал Псху в аул Архыз в Карачаево-Черкесии. Оттуда она передала благодарственную записку Нестору Лакоба, обнаруженную мною недавно в Центральном государственном архиве Абхазской АССР: «Тов. Лакоба! Благополучно прошли Псхуский перевал, дорога вполне безопасная, но очень трудная, завалена деревьями, нет и следа дороги. С сожалением узнала в ауле Архыз, что Клухорский перевал открыт, почему т. Шлатер вернул меня? Приношу большую благодарность за содействие».

Тов. Гумба проводил меня и сделал все, что было можно. Помучиться пришлось нам всем. С тов. приветом З. Рихтер. Привет и благодарность т. Шлатеру».

Пройдет немного времени, и писательница скажет: «Вспоминая Абхазию, невольно хочется улыбнуться и зажмурить глаза — даже издали она ослепляет синевой, зеленью, солнцем».

Почти одновременно с Зинаидой Рихтер здесь побывал в будущем известный советский писатель, а тогда корреспондент газет «Красный воин» и «Заря Востока» Петр Павленко, посвятивший в 20-е годы Абхазии ряд очерков — «Край больших возможностей», «Гагры»....

Нестор Аполлонович внимательно отнесся к молодому журналисту—двадцатипятилетнему Петру Павленко. А в мае 1928 года глава правительства получил от него письмо. «Дорогой тов. Лакоба, — говорится в нем. — Пользуясь оказией в Абхазию, шлю Вам гору приветов от кавказцев, собравшихся в Мос-

кве. Здесь Ваше имя вспоминается часто и с любовью. Этим летом к Вам собирается нагрянуть целая когорта писателей и художников, соблазненных нашими рассказами об Абхазии и о Вас».

Вскоре после П. Павленко в Абхазию приехала Мариэтта Шагинян. Благодаря сохранившимся дневникам писательницы можно во всех подробностях узнать о ее путешествии.

В понедельник, 8 октября, писательница делает запись: «Была в Совнаркоме, оставила т. Лакоба письмо...» Через четыре дня, в пятницу 12 октября 1928 года, состоялась личная встреча писательницы с председателем Совнаркома Абхазии. Вот как она зафиксировала свои необычные впечатления: «Лакоба Нестор Аполлонович, абхазец, стоит во главе Абхазской республики. Это небольшого роста, глуховатый, как я, человек. Он напомнил мне почему-то ацтека. Это впечатление схожести с ацтеками потом усилилось и на других абхазцах. И, кроме того, их странный язык тоже напомнил мне странную речь ацтеков (Жоэква — «Монтецума» — «Попакате петль» — Псуа, Псхнэ и т. д., потом я лучше подберу схожее, сейчас устала думать)».

Нестор Лакоба оказывал всяческое содействие Мариэтте Шагинян. В 1929 году как итог ее пребывания в Абхазии в газете «Известия» появилась серия ее очерков под названием «Тварчельский уголь».

Неоднократно, в период с 1930 по 1933 год, в Абхазии бывал Осип Мандельштам. В 1930 году в своем очерке «Сухум» он писал: «Нельзя не плениться административным и хозяйственным изяществом небольшой приморской республики, гордой своими драгоценными почвами, самшитовыми лесами, оливковым совхозом на Новом Афоне и высоким качеством тварчельского угля».

Сквозь ткань его прозы слышится напряженный ритм трудовых будней первой пятилетки, пробивается праздничный пульс молодой Советской Абхазии, ее самоотверженного строительства и возрождения культуры. У руля этих преобразований стоял Нестор Лакоба, с которым Осип Эмильевич неоднократно встречался в Сухуме. Образ главы абхазского правительства, его умение просто и ясно говорить с трудящимися выписаны с большим мастерством. «В приемной Совнаркома я видел жалобщиков-крестьян, — писал он в мае 1930 года. — Старикитабаководы в черной домотканой шерсти похожи на французских крестьян-виноделов. У Нестора Лакобы — главы правитель-

ства — движения человека, стреляющего из лука... Это он привез медвежонка на автомобиле, получил медвежонка в подарок от крестьянского оратора на митинге в Ткварчелах. Слуховая трубка глухого Лакобы воспринимается как символ власти. Он произносит великолепные речи».

Тогда Н. Лакоба только что исполнилось тридцать семь, и он уже девять лет возглавлял абхазское правительство. Осип Мандельштам, имея в виду биографию таких людей, как Лакоба, крестьянского паренька, ставшего с приходом власти Советов руководителем республики, писал: «Удивительна судьба наших современников — судьба сынов твоих, СССР».

Шесть недель Осип Эмильевич и его супруга в 1930 году жили в Сухуме. Нестор Аполлонович распорядился, и «ловко скроенный абхазец с ногами танцора» комендант Сабуа отвел Мандельштамам «солнечную мансарду в «доме Орджоникидзе», который стоит как гора на горе...»

Писатель словно взял кисть и описал своеобразие столицы Абхазии: «Сухум легко обозрим с так называемой горы Чернявского, с площадки Орджоникидзе. Он весь линейный, плоский и всасывает в себя под траурный марш Шопена большую дуговину моря... Он расположен внизу, как готовальня с вложенным в бархат циркулем, который только что описал бухту, нарисовал надбровные дуги холмов и сомкнулся... Сквозь платок кусались розы, визжал ручной медвежонок с серой древнерусской мордочкой околпаченного Ивана-дурака, и визг его резал стекло. Прямо с моря накатывали свежие автомобили, вспарывая шинами вечнозеленую гору... И в парке, как шестипудовые свечи, каждый день стреляли вверх на вершок цветущие агавы».

Писателя поразили язык абхазцев, и он пришел к выводу: «Отсюда следует начинать изучение азбуки Кавказа, здесь каждое слово начинается на «а». Язык абхазцев мощен и полногласен, но изобилует верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, что он вырывается из гортани, заросшей волосами. Боюсь, еще не родился добрый медведь Балу, который обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга, прекрасному языку «Апсны» — хотя в отдаленном будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает...»

Вспомнила о встречах с Н. Лакоба и известная советская писательница Галина Серебрякова, перу которой принадлежат выдающиеся художественные произведения о жизни К. Маркса и Ф. Энгельса. «Серго познакомил меня с несколькими близкими ему людьми, — писала она, — удивительными, как и он, по внутренней безупречности и ясной идейной цели. Один из них был абхазец Нестор Лакоба, человек больших знаний, отличной партийной биографии, огромной воли и принципиальности. Он сразу же очень понравился мне проявленными в беседе чувством юмора, находчивостью, простотой обращения. Впоследствии я видела его много раз, жила в его семье в Сухуме и проникалась все большей симпатией и уважением к этому талантливейшему строгому партийному руководителю».

Многие, очень многие поминали добрым словом этого обаятельного человека, обратившего на себя внимание видных советских и зарубежных писателей. О нем высоко отзывались Анри Барбюс и Константинэ Гамсахурдиа, Василий Каменский, Назым Хикмет. А Семен Липкин написал поэму «Нестор и Сария...»

Он оставил след не только в истории, но и в литературе. Не случайно о Несторе Лакоба поэт сказал: «Абхазия была его работой». Да, это было именно так. Он не мыслил себя без своей прекрасной родины, за которую отдал жизнь.

- ДОКУМЕНТЫ
- ПИСЬМА
- ВОСПОМИНАНИЯ

В АРХИВЕ известного литератора, переводчика, поэта Игоря Поступальского¹, ныне проживающего в Москве, среди множества материалов, связанных с именем выдающегося советского поэта Николая Тихонова, — его писем, открыток, записок, папок с книжными оттисками, газетными вырезками, а также книг с дарственными надписями Н. Тихонова, есть и немало свидетельств их общих многолетних дружеских отношений и творческих контактов с русским поэтом — тбилисцем Владимиром Эльснером (1884—1964 гг.). В. Эльснер большую часть своей жизни прожил в Тбилиси и снискал себе заслуженную известность как профессор-искусствовед Тбилисской консерватории, где вел педагогическую деятельность в течение 25 лет (1930—1955 гг.). В сущности он был довольно популярной фигурой в столице нашей республики, но далеко не все знали, что он — поэт, еще до революции выпустивший стихотворные сборники — «Выбор Париса», М., 1913 г., «Пурпур Киферы», М., 1913 г.

¹ С Н. Тихоновым И. Поступальский был знаком с 1925 года. Подробнее об этом смотрите статью «Письма Николая Тихонова», «Огонек», 1982 г., № 10, с. 13.

Зураб ДАРСАВЕЛИДЗЕ

ШТРИХИ ДРУЖЕСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

◆
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ
И
ВЛАДИМИР ЭЛЬСНЕР
◆

Об Эльснере в свое время писали В. Брюсов, А. Измайлов,
Б. Львов-Рогачевский и другие².

Литературную работу В. Эльснер начал, как он сам писал, с переводов. Переводил он Рильке, Рембо, Уайльда, Верлена и других поэтов. Эти переводы вошли в 4-томную «Антологию современной поэзии» (1909 г.). «Антология» вышла при активном участии и под редакцией Владимира Эльснера. Позже, в 1913 году, в Москве вышел сборник переводов В. Эльснера — «Современные немецкие поэты». Все эти книги на сегодняшний день представляют собой библиографическую редкость.

В этот же период жизни В. Эльснер сотрудничал в известных журналах «Аполлон» и «Старые годы».

Большая заслуга принадлежит ему в редактировании переводов на русский язык грузинской классической и советской литературы. В. Эльснер сотрудничал с Г. Цагарели при переводе поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре» и стихотворений Н. Бараташвили. И, как писал Вл. Мачавариани, Владимир Эльснер по мере своих сил и возможностей любовно служил грузинской культуре³.

Только незадолго до своей смерти В. Эльснер приобрел у нас некоторую известность как поэт — в связи с опубликованием в Тбилиси двух его поэтических сборников — «Страны и люди» (1957 г.) и «Образы искусства» (1962 г.). Оба сборника вышли в издательстве «Зоря Востока»⁴.

По словам И. Поступальского, личное знакомство Н. Тихонова с В. Эльснером состоялось в Тбилиси примерно в середине 20-х годов (сам Поступальский встретился с Эльснером в первые послевоенные годы при посредстве ныне покойного поэта и переводчика Георгия Цагарели). Н. Тихонов, наезжая в Тбилиси,

² В. Брюсов. Новые течения в русской поэзии. «Русская мысль», 1913 г., № 8, с. 71—80. А. Измайлов. Хрестоматия новой литературы. «Новое слово», 1913 г., № 8, с. 113—128; В. Львов-Рогачевский. Владимир Эльснер. «Современник», 1913 г., № 10, с. 296—297;

³ Послесловие к сборнику стихов Владимира Эльснера «Образы искусства», Тбилиси, «Зоря Востока», 1962, с. 185.

⁴ Оригинальные стихи В. Эльснера включены были также в сборники: «К Великому Октябрю» (1957 г.) и «Содружество» (1958 г.), «Зоря Востока», Тбилиси.

иногда останавливался у В. Эльснера, тот в свою очередь бывал у Николая Семеновича в Ленинграде. Здесь, безусловно, одно из «белых пятен» в работах сегодняшних биографов Н. Тихонова, а что касается В. Эльснера, то его творчество почти не изучено.

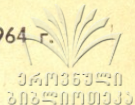
В одном из писем В. Эльснера к И. Поступальскому (их в его архиве много, и некоторые из них представляют значительный литературный интерес), не датированном, но имеющем на конверте почтовый штемпель от 30.XI.1948 года, поэт говорит, что рецензентом одной из его книг в рукописи был Николай Тихонов наряду с Миколой Бажаном. Рецензию эту еще предстоит разыскать в издательских архивах, так как в тихоновском архиве ее нет. Конечно, это одно из конкретных свидетельств внимания Н. Тихонова-критика к творчеству В. Эльснера. Тот же Поступальский утверждает, что в разговорах с ним Николай Семенович неоднократно давал те или иные критические оценки стихам В. Эльснера.

Когда В. Ю. Эльснер скончался, в нашей центральной прессе появился, насколько мне известно, только один некролог — в «Литературной газете» (от 30.VI.1964 г. № 77). Этот некролог был подписан Игорем Поступальским. Однако к архивной вырезке из газеты приколото написанное от руки почерком Игоря Стефановича письмо к главному редактору «Литературной газеты» А. Б. Чаковскому, подписанное Н. Тихоновым. И текст и подпись, повторяю, написаны рукой Поступальского. Письмо содержит просьбу Н. Тихонова к А. Чаковскому — поместить некролог о В. Эльснере в «Литературной газете».

Игорь Стефанович разъяснил мне, что по просьбе Николая Семеновича (дело происходило на его даче в Переделкино) он набросал текст некролога. Н. Тихонов слегка прошелся по этому тексту — так что тут есть что-то и от тихоновских суждений — и составил упомянутое письмо А. Чаковскому, причем разрешил предварительно Поступальскому скопировать письмо, сказав при этом: «Сохраним эту копию! Может статься, когда-нибудь найдутся люди, которые увидят, что мы с вами вдвоем отозвались на смерть Владимира Юльевича».

Поскольку эта маленькая история с некрологом явно выходит за рамки частного-личного обращения поэта к редактору «Литературной газеты», то я надеюсь, что А. Б. Чаковский не будет в претензии, если я здесь впервые опубликую текст этого безусловно примечательного письма Н. Тихонова.

«19 мая 1964 г.

Уважаемый Александр Борисович!

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой. В Тбилиси недавно умер в возрасте 80 лет известный писатель, поэт, искусствовед, профессор Эльснер Владимир Юльевич.

Грузинская общественность достойно оценила его заслуги как литератора и педагога. Хотелось бы видеть хоть краткое слово о нем и на страницах «Литературной газеты». Литератор и поэт Игорь Поступальский, хорошо знакомый с творчеством и жизнью тов. Эльснера, написал о нем несколько страниц.

Я очень прошу Вас, уважаемый Александр Борисович, поместить эту заметку в «Литературной газете» как памятное слово об умершем писателе и поэте.

Я знаю, что «Литературная газета» очень мало может уделять место большим статьям некрологического порядка, но эта заметка в несколько страниц была бы справедливой оценкой долголетней деятельности покойного. Поместите ее, пожалуйста, — я очень прошу Вас!

С глубоким уважением
Николай Тихонов».

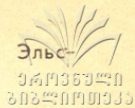
Игорь Поступальский рассказал далее, что Николай Семенович считал необходимым в связи со смертью В. Эльснера издать тут же или к намечавшемуся в недалеком будущем пятилетию или десятилетию со дня кончины старого поэта книгу его избранных стихов⁵. Составление такой антологии он полностью поручил И. Поступальскому, ему же предлагал написать критико-биографический очерк, а сам предполагал, во-первых, «пробить» издание, во-вторых, дать к нему предисловие. Вдова В. Эльснера О. Н. Верховская-Эльснер была полностью согласна с этим планом. И. Поступальский уже приступил к предложенной ему Николаем Семеновичем работе, но тут вторгся трагический случай — покончила с собой О. Верховская-Эльснер.

В архиве И. Поступальского есть письмо Н. Тихонова, которое в равной мере касается и этого трагического эпизода, и указанного выше плана издания антологии Эльснера.

С разрешения Игоря Стефановича публикую впервые это письмо, являющееся свидетельством больших человеческих чувств

⁵ Мысль об издании сборника избранных стихов В. Эльснера была высказана и Ш. Алхазивили. См. «Сборник стихов Владимира Эльснера», «Мнатоби», 1959 г., № 2, с. 181 — 183.

Н. Тихонова и его доброжелательного отношения к поэзии Эльс-
нера.

«25 августа 1964 года»

Дорогой Игорь Стефанович!

Спасибо Вам за присланную книгу переводов М. Доленго. Я ее буду внимательно читать, так как при первом взгляде она производит серьезное впечатление.

Но я хочу рассказать Вам о непредвиденном событии. Может быть, оно Вам известно, а может быть, и нет. В воскресенье 23-го августа я получил телеграмму из Тбилиси следующего содержания: «Ольга Николаевна Эльснер скончалась. Умоляю помочь исполнить ее последнее желание кремации и похорон на могиле мужа Владимира Эльснера Переделкино. Ответ прошу телеграфировать Тбилиси Горийская ул. 3. Коурцидзе для Верховской тчк Мать Верховской».

Сознайтесь, что это ошеломительно! Но тут ничего не поправишь. Жаль бедную, но надо что-то делать. В общем я вчера все сделал, что мог. В результате переговоров в Союзе согласны помочь выполнить ее последнюю волю. Я говорил с Тбилиси, с Верховской, и она теперь уговорится с Литфондом, когда совершится эта печальная процедура.

Вот тебе и все. Вместо живого человека, который еще хлопотал о перемене квартиры, — маленькая урна с прахом.

Вот так все случилось и, я думаю, не очень естественно. Но это ее дело! Она последнее время представляла какой-то комок нервов (она же маленькая), дрожащий от тревоги и печали. Что Вы думаете теперь делать с книгой? И где рукописи?

Напишите мне Ваши соображения, но не шлите на дачу, а по городскому адресу: Москва В-72, ул. Серафимовича, 2, кв. 272. Это вернее.

С уважением

Н. Тихонов» (подпись от руки).

И, наконец, у меня есть возможность опубликовать, так же впервые, небольшую записку Н. Тихонова к И. Поступальскому (без даты), любопытную, в частности, тем, что в ней снова проявляется забота Николая Семеновича о судьбе эльснеровской поэзии и предполагавшейся к изданию его антологии (к сожалению, не осуществленной и до сих пор — помеша-

---

Зураб Дарсавелидзе. Штрихи дружеской привязанности.

ли различные обстоятельства, главным образом болезни И. Поступальского и самого Н. Тихонова, а затем его смерть). В этой небольшой записке нашлось место и чисто критическому суждению Н. Тихонова о некоторых сторонах эльснеровской поэзии:

«Куда Вы девались? Я не мог дожждаться — предстояло заседание. Несколько дней я буду преимущественно в городе. Ловите меня. Не уловите на улице Серафимовича — приезжайте в Переделкино. Надо кое-что обсудить.

Не удастся встретиться в ближайшее время (у меня возможна командировка) — встретимся попозже. Но, на всякий случай, хочу сказать Вам, что Эльснера я **перечитал**, кое-чем восхищаюсь, кое-чем — нет, и пришел к выводу, что недостатком его является известная монотонность, однообразие средств. Это особенно касается его историко-культурных тем. При отборе вещей стоило бы как-то развеять это впечатление. Впрочем, тут Вам и книги в руки — старик тоже был брюсовианцем!

Шлю привет

Н. Тихонов».

Письма, записки, посвящения на книгах — и перед нами открываются новые грани человеческих взаимоотношений, характера, таланта, выявляются не известные до сих пор литературные контакты.

«НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА...»

В ТБИЛИССКОМ академическом театре оперы и балета им. З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося грузинского советского писателя Константинэ Гамсахурдиа.

На юбилейный вечер пришли товарищи Э. А. Шеварднадзе, Г. Д. Габуния, П. Г. Гиладзе, Г. Н. Енукидзе, А. Н. Инаури, Д. А. Картвелишвили, Г. В. Колбин, Т. В. Ростиашвили, С. Е. Хабеишвили, О. Е. Черкезия, Н. А. Читанава, З. А. Чхеидзе, Ж. К. Шартава, ответственный работник ЦК КПСС Г. А. Анчабадзе. В зале — члены республиканской комиссии, видные советские литераторы, деятели науки и культуры, представители общественности города.

Вечер вступительным словом открыл председатель юбилейной комиссии, секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе. В своем выступлении он отметил, что имя К. Гамсахурдиа занимает особое место в грузинской литературе XX века.

Редкий писательский талант, глубина восприятия, подлинно национальный дух — вот те качества, на которых зиждется его высокое имя гражданина, авторитет, давно перешагнувший пределы нашей страны. К. Гамсахурдиа был и остается одним из лучших мастеров грузинского художественного слова.

Он стал наследником всего того, что было создано на протяжении веков творческим гением грузинского народа. Вслед за своими великими предшественниками, классиками грузинской литературы XIX века, Константинэ Гамсахурдиа внес неоценимый вклад в возрождение грузинской литературы, в достижение ею новых художественных вершин.

Слово о К. Гамсахурдиа произнес член — корреспондент Академии наук Грузии С. Цаишвили.

На вечере также выступил председатель правления Союза писателей Грузии — лауреат Ленинской премии Н. Думбадзе, первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана И. Шихгы, известный армянский писатель С. Ханзадян, народный поэт Абхазии Б. Шинкуба, секретарь правления Союза писателей республики, лауреат премии имени Руставели поэт Ш. Нишнианидзе.

Юбилейный вечер завершился большим праздничным концертом, в котором приняли участие мастера искусств Грузии.

* * *

В ОДНОМ из живописных скверов города Тбилиси — на улице Палиашвили открыт памятник выдающемуся мастеру художественного слова, писателю-академику Константинэ Гамсахурдиа, 90-летие со дня рождения которого широко отмечают благодарные потомки.

* * *

ЖИЗНЬ и многогранное творчество выдающегося грузинского писателя К. Гамсахурдиа отобразила книжно-иллюстративная выставка, которая была развернута в Государственном литературном музее Грузии имени Г. Леонидзе. Фотоматериалы, документы, письма, книги, рукописи писателя рассказали о большом и плодотворном пути, пройденном писателем.

* * *

ПРИСВОЕНИЮ тбилисской средней школе № 155 имени К. Гамсахурдиа был посвящен митинг, состоявшийся в этом учебном заведении, которому на днях исполнилось десять лет.

Коллектив школы тепло поздравил секретаря правления Союза писателей Грузии Р. Миминошвили.

«ЗОЛОТАЯ ГРОЗДЬ»

ТАК называется небольшая антология, вышедшая в издательстве «Накадули». Хороший подарок к 50-летию Литературного института им. Горького сделал выпускник Высших литературных курсов, известный грузинский поэт Важа Долбая.

Сборник, любовно составленный и талантливо переведенный на грузинский язык, открывается предисловием проректора Высших литературных курсов, лауреата Государственной премии Н. А. Горбачева. Среди выпускников разных лет Н. А. Горбачев называет Михаила Алексеева и Чингиза Айтматова, Иманта Зиедониса и Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова и многих других, ныне широко известных советских поэтов и прозаиков.

Важа Долбая собрал стихи своих товарищей по перу и перевел их на родной грузинский язык. Здесь и Валерий Аушев из Мурманска, и Марат Акчурин из Москвы, Иван Арбейко из Белоруссии, Рашад Бекдемирли из Азербайджана. Поэты Украины и Монголии, Чувашии и Молдавии, Литвы и Казахстана звучат непринужденно и естественно на языке Руставели и Бараташвили, и каждый сохраняет свою творческую индивидуальность.

Дагестан и Башкирия, Армения и Эстония, Удмуртия и Якутия — такова география этой небольшой по объему, но очень внушительной и впечатляющей по своему содержанию книги.

На 1-й стр. обложки: Владимир Маяковский. Скульптура Г. Кордзахия.

Сдано в набор 18.V.83 г. Подписано к печати 15.VII.83 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 01233. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11, 97. Уч-изд. л. 14,0, Тираж 8600 экз. Заказ № 1340. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93 65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

64
143

НАЦИОНАЛЬНАЯ

ИНДЕКС 01631170000

